ПИОНЕР '91

МАЙ

ISSN 0130—8009

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
Москва, 1991
Издательство «Правда»

5

ЧИТАЙ В МАЕ

На обложке:
рисунок Кунио Сато (Япония).

РАЗМИНКА

Весенний месяц МАЙ

Не счесть пословиц и поговорок, стихов и песен, посвященных маю. Такой уж месяц особенный. «Пришел май — под кустом рай»,— говорят издавна в народе. «Март с водой, апрель с травой, а май с цветами». «Май леса наряжает, лето в гости ожидает».

Торжество весны и света, труда и обновления, радости и любви. Надежды на мир, спокойствие и благополучие. Все это — май.

Этому замечательному месяцу мы и посвящаем нашу последнюю, двенадцатую разминку.

Итак, ждем ваших ответов. Напоминаем, что они должны быть отправлены в редакцию до 1 июля 1991 года. Но... если журнал опять опоздает и придет к вам после 25 июня, можете прибавить себе неделю на раздумья. Все равно ваши ответы будут рассмотрены.

И, как обычно, подводим итоги очередной разминки, на этот раз «Новогодней» («Пионер» № 12, 1990 год). Сначала — правильные ответы.

«Дека» — по-гречески «десять», а месяц декабрь в календаре — двенадцатый. Получилось так потому, что наш

1. Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...

Песня о мае 45-го года. Года Победы. Май и Победа, Победа и Жизнь спаяны для нас воедино. В мае мы чествуем участников Великой Отечественной войны, отстоявших свободу Отчизны. В мае мы чтим память павших.

Первый вопрос разминки — о высшем воинском ордене «Победа». Когда он был учрежден? И кто из советских полководцев стал первым кавалером этого ордена?

2. «Коли в мае дождь, будет и рожь». Примета верная, веками проверенная. А сколько поэтических строк сложено о майских животворных ливнях! Помните — у Федора Ивановича Тютчева:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Начало мая... Попробуйте уточнить в календаре, какие именно дни имел в виду поэт.

3. «В мае родиться — век маяться». Игра слов, разумеется, хотя кое-кто и склонен верить в эту примету. А когда появилась она, эта пословица? И могла ли она бытовать, скажем, в древнем Новгороде?

4. Есть старинный сказ: «Когда шел Стенька Разин на Промзино Городище (Алатырский уезд), то зарыл в окрестностях его две бочки серебра. Конечно, зарыл он их неспроста, и теперь часто видят при вечере, как эти бочки выходят из подземелья и катаются, погромыхивая цепями и серебряными деньгами. Но достать их мудрено».

Но, оказывается, есть такой день в году, и именно в мае, когда клады готовы открыться тем, кто их настойчиво ищет. Конечно, не без помощи апостола — покровителя кладоискателей. Назовите этот день.

календарь ведет свое начало от календаря древних римлян. А у них год начинался не 1 января, а 1 марта. Вот и был тогда декабрь десятым месяцем.

Новый год в Древней Руси тоже праздновался 1 марта. Но с 1492 года он стал отмечаться 1 сентября. Спустя два века Петр I издал указ «лета счислять» с 1 января. И таким образом в Российском государстве 1699 год продолжался всего четыре месяца.

Во многих мусульманских странах летосчисление ведут от переселения (по-арабски — хиджры) пророка Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Медину. Исходным для него было принято первое число первого месяца (мухаррама) 622 года — 16 июля 622 года «от Рождества Христова».

Исстари с новогодними праздниками связаны многие народные обычаи. Считалось, например, что в Новый год не следует платить долгов: дескать, весь год потом будешь расплачиваться. «Дорог почин», — говаривали купцы, и в Новый год первому покупателю отдавали товар за дешевую цену. Нельзя было в первый день года заниматься тяжелой и грязной работой — иначе весь год пройдет в тяжелом труде без отдыха. А вот девушкам предписывалось 1 января не только наряжаться во все новое, но и несколько раз переодеваться в течение дня, чтобы у всех всегда были обновы.

Мы благодарим всех, кто откликнулся на «Новогоднюю разминку», и от души поздравляем победителей: Иру Бондаренко из Тамбова, Максима Рыбалко из Киева и Иру Алексееву из поселка Андреевка Солнечногорского района Московской области.

ДУМАЮ О МИРЕ И О СЕБЕ

Я хочу сказать ребятам вот что: каждый должен избрать себе веру. Свой идеал, который ему близок и понятен.

Мои сверстники и знакомые верят в разное: кто в рок-звезду, кто — в идеал секса типа Саманты Фокс. Есть и такие, кто верит в политику, гласность, но таких меньшинство. А многие вообще ни во что не верят. Недавно я спросила знакомого парня: во что он верит? Ответ был на удивление понятным: «Ни во что. Вера мне денег не платит».

А что касается меня — я верю в Бога. Считаю, эта вера — самая святая. Все уходит, меняется, а Бог всегда был с людьми, в их душах. Не думайте, что я только и делаю, что хожу в церковь и читаю молитвы. Нет, я живу нормальной жизнью — учусь, занимаюсь музыкой, хочу стать «настоящим человеком»... Но мой Бог всегда был со мной, он моя маленькая, неразрывная часть. Я чувствую, Бог помогает мне в жизни.

Катя Лебедева, 13 лет.

Я много думала над тем: во что же мне верить? В политику? Но мне кажется, это одна болтовня. В Бога? Но чем он поможет? Он смотрит на нас сверху и ждет, что же люди еще придумают. Надо верить в самого себя. Когда человек будет верить в самого себя, это поможет ему в жизни.

Возьмем профессию шахтера. Он верит: могу добывать угля больше! И добывает.

Троечник верит: могу учиться лучше! И у него получается, потому что есть желание и вера в свои силы.

А сейчас не очень много людей, которые верят в свои силы, в самого себя. Если человек верит, что могут произойти изменения в нем,— это прекрасно. Вот человек стал лучше работать — появилось все в магазинах. А появилось все в магазинах — увеличилась зарплата. Но если ничего нет в магазинах, а люди требуют денег ни за что, изменений не будет. Ни в человеке, его внутреннем мире, ни в стране.

Я все же твердо уверена — человек должен верить в себя.

Аня Ч., Луганская область.

От «Факта»

Разные люди — разные мнения. Ну что же — каждый имеет право на свою точку зрения. А ты, читатель, как думаешь? Во что веришь ты?

КАЮТ-КОМПАНИЯ

Это мои друзья!

Мы дружим вчетвером с третьего класса. Характеры у нас различные — но мы дружим. И в этом нет ничего странного.

Прошли те годы, когда друзья обменивались марками, книгами, копили деньги да бегали в кино. Теперь марки мало кого интересуют, деньги родители дают, а в кино бегать не приходится — телевизоры и видеомагнитофоны отнимают большую часть жизни. И еще — всех нас интересуют компьютеры. А чтобы не в одиночку заниматься этим, мы обмениваемся дискетками и собственными программами.

Так получилось, что лидера у нас нет. Да и зачем он? Несколько раз мы пытались создать мини-организации со своим «вожаком», но из этого ничего не получалось.

Иногда мы собираемся у кого-нибудь дома, играем на гитаре, в карты, смотрим видеофильмы и попросту ничего не делаем.

В заключение я бы хотел сказать о наших сверстниках в США, где мне довелось побывать. Их день насыщен занятиями. Юные американцы все свое свободное время проводят в так называемых «детских и подростковых клубах», и не случайно — ведь там действительно интересно. Еще существуют детские фольклорные ансамбли. Там тоже ребята объединяются и сдруживаются.

Дмитрий СЕДОВ, 10-й класс, г. Москва

От «Факта».

Если читателю захочется рассказать о компании своих друзей, заметки присылайте к нам в агентство, сделав на конверте пометку «ФАКТ» — компания».

Фотография И. ЯКОВЛЕВА.

Читай стр. 24.

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

АКУКА

Рисунки О. КОРНЕВА

Свободная повесть про 3 месяца и 13 дней, для семейного чтения*

* Отдельной книгой выйдет в издательстве «Детская литература».

Утро. Душистый сосняк на горке.

Большой черный блестящий муравей спускает по травяному откосу крупную красную земляничину. Горка крутая. Трудное дело затеял. То снизу подопрет собою земляничину, чтобы не укатилась. То снова сверху на нее наседает: через сосновую иголку-двойчатку перекатывает, камушек обходит.

К вечеру, пожалуй, прикатит. Вот только куда?

А как узнаешь? Не катить же с ним до захода солнца. Еще помешаю, дело испорчу.

Пойду-ка домой. Подумаю про муравья.

Сколько же надо ему уметь, терпеть, напрягаться!

Для чего? Да чтобы смысл жизни почувствовать. Чтобы и завтра работать и надеяться на послезавтра. А можно и так сказать: чтобы и завтра жить.

Потому и заметил народ: «Без пригляду одни только муравьи плодятся».

Труженики земле нужны. Чего же тут приглядывать!

Пока думал про муравья, сосны передо мной расступились и дом мой показался у лесной дороги.

Радуюсь дому своему, а все про муравья думаю. Как он там, катит ли, не упустил ли ягоду землянику, не оплошал ли?

Дома хлеб лежит на столе. Неправильно лежит — нижней коркой вверх.

Я перевернул хлеб.

Зачем? Так надо. Как в печку сажали, как пекся, да как вынимали из печи, так пусть и живет, пока человека кормит. «Каравай хлеба починай с головы».

Положил хлеб правильно и снова муравья своего вспомнил. А мимо окошка идет соседкин зять Михал. Идет с севальником. Это лукошко для семенного хлеба, его вешают через плечо.

Сегодня Михал севец, сеятель. А не успеет засеять поле сегодня, значит, он и завтра сеятель.

Теперь про Михала думаю.

Сколько же надо ему уметь, терпеть, напрягаться!

Для чего? Да чтобы жить хорошо и красиво на своей земле. «На счастье мужик и хлеб сеет». А счастье — это все, что делает человека довольным и покойным. «Счастье доволит и покоит»,— говорят старики.

Где этому учатся? Да на той же земле и учатся. Где же еще? Была бы охота.

Выходит, все мы, и люди, и муравьи,— братья. Как хлебные зерна.

Мне пора

Последним апрельским утром звонит мне знакомая — тетя Зоя:

— Ну как, собираешься?

— Собираюсь, Зоечка, пора!

— А как там Акука?

— Носится по квартире.

— Ну, ладно, мои дорогие, я еще позвоню.

Через час звонит подруга жены тетя Люся:

— Вы когда в Литву-то уезжаете?

— Я с вещами — завтра, остальные — недели через три.

— И Акука?

— Конечно. Куда же его девать?

— Акуке будет там хорошо,— одобряет тетя Люся.

К обеду приходят старинные приятели дядя Леня и тетя Лера. Увидели Акуку — рассмеялись.

— Иди ко мне, иди! — зовет тетя Лера.

Навстречу ей катится дробный топот, будто бегут сразу пять щенков.

Дядя Леня берет Акуку на руки, треплет его голову.

— Аку-ка! — звонко катится по квартире.

— Счастливого вам пути! — говорят старинные приятели.— Нам пора: надо еще успеть в кондитерский.

— Спасибо, что зашли,— говорю я.

Дядя Леня спускает Акуку на пол, снова треплет его рыжеватую головенку.

— Аку-ка! — несется вслед гостям.

— Ребята, продолжаем сборы! — приказываю я.

...На хутор путь непростой. Поездом до Вильнюса, а дальше, как получится. Может, кто из друзей на машине довезет 90 километров. Может, еще на одном поезде — до станции Жеймяна, а там на лошади встретят. По-разному бывает.

Вещей всегда много. На всю семью да на все лето и осень. На полгода получается.

А потом прилетят Акука, жена и дочь. Самолетом проще, меньше хлопот с Акукой. Правда, еще неизвестно, как Акука перенесет свой первый полет. Но по-другому не получается: или вещи, или Акука.

Я всегда приезжаю на хутор первый. Дом оживить-обогреть, хозяйство небольшое развернуть-наладить. Вещи зимовавшие просушить. Постирать кое-что. Мало ли дел в лесном доме и вообще на хуторе, где не был с октября минувшего года!

Как все это вспомню, так на пословицы тянет, на поговорки: «Дом невелик, да лежать не велит».

...Вот и наступило мое «завтра».

Ждем такси. И тут, конечно, звонит дядя Эдик. Он муж тети Зои, но немного ухаживает и за моей женой.

— Собрался? — беспечно спрашивает Эдуард.

— Выходим уже, а ты звонить затеял! — нервно отвечаю я.

— Ну, ты там смотри, не балуйся! — смеется дядя Эдик.

— Сам смотри! — грубовато говорю я.

Такси ждет под окном.

— Присядем на дорожку...

Жена и дочь проходят в мою комнату. Плотно закрываем двери. Жена берет на руки Акуку. Багира — наша черная красавица кошка — давно разлеглась в кресле.

Акука вертится, крутит головой, вырывается на пол.

— Сели...— мрачно говорю я.

Молчим.

— И поехали,— объявляю я в пространство комнаты.

Обнимаю женщин, глажу Багиру, треплю головенку Акуки.

Багажник такси забит под крышку.

— До встречи через три недели!

Первый час

Вот я и в лесу.

Открыл дом, вошел в свою комнату. Я работаю здесь с весны до поздней осени.

Сел к столу перед окном. Примерился. Поерзал на стуле.

Стол в какой-то трухе. Потрогал ее, понюхал, сгреб в ладонь и вспомнил! Осенью, перед отъездом в Москву, я оставил на столе тыкву. Думал, дождется меня, перезимует в нетопленой хате.

Мыши думали по-другому. Хорошо, видно, пировали на тыкве. И долго пировали: тыква-то была немаленькая.

Смотрю в окно. Высокие сосны, в них теряются

три дороги и одна тропа. Правее — две стодóлы. У одной крыша рухнула еще зимой 1981-го, снег тогда был большой. Красиво стояла, красиво и рухнула. Теперь стодола напоминает роскошный архитектурный шедевр.

Колодец у самого дома. Лужайка чистая, яркозеленая. Вот-вот зацветут одуванчики. В любую секунду их тяжелые бутоны готовы треснуть и впервые улыбнуться солнцу.

Окно у меня большое, вполстены. Сидишь возле него, а кажется — на лужайке! Бинокль всегда на столе: в дождь можно разглядывать небо и лес из комнаты.

Посидел, примерился, снова поерзал на стуле. Ну что ж, можно начинать работу?

Нет. На подоконнике, с наружной стороны, толстый слой ласточкина помета. С прошлого лета лежит. А подоконник соседней комнаты чистый. В ней почти не живут, и ласточки привыкли селиться под стрехой над моим окном. Так им уютнее. Человек сидит за стеклом, вечерами из окна стелется теплый рассеянный свет — одуванчиковый привет моей настольной лампы. В комнате тихая жизнь. Человек не шумит, не мешает, не суется не в свои дела.

Даже помет не убираю под гнездом! Может, ласточкам так еще покойнее, привычнее. Потому и лепят гнездо точно надо мной.

Стук пишущей машинки ласточкам не мешает.

Но, конечно, хотя бы раз в день я смотрю, как они строят. Откуда сенцо носят. Где его в грязь окунают-обмакивают, чтобы лучше лепилось. На какой грядке в огороде головками блестящими крутят. Это они так отдыхают.

Летом на провода пересядут. А сейчас, в строительные дни,— на грядках свежих расположились.

Комочки землицы для гнезда выбирают почернее, пожирнее. А заодно и верещат, обмениваются новостями. Крутит ласточка головкой, нервничает — гнездо-то не готово, и светится паленое пятнышко на ее зобке.

И так каждую весну, каждый май.

Сегодня пятое мая. Ласточки привыкли прилетать с шестого на восьмое. Как раз с Юрьева дня по Марков день.

Время ласточкина прилета с давних пор связано у крестьян с надеждами на близкое лето. Хоть и примечали люди: после Юрьева дня еще двенадцать заморозков бывает. Но именно шестого мая, не позднее, всем положено в поле выходить. Раньше — можно, позже — грех. Юрьев день — начало полевых работ. А «на Марка — небо ярко — бабам в избе жарко». Вот, оказывается, как подгадывают ласточки!

Жду ласточек, а сам вещи хуторские и московские разбираю.

Расставил книжки, рассовал по шкафчикам крупы и консервы. Вытащил на солнышко одеяла, подушки, телогрейки, куртки — они зимовали на хуторе. Пусть продышатся верные вещи, пусть прогреются.

Воды из колодца достал. Зимняя пока вода — зеленоватая, сонная. Ничего, к ночи вычерпаю, и к утру оживет мой колодец, наберется живой воды — прозрачной, весенней.

Что дальше?

Печь надо протопить. А пока она топится, можно огородик покопать возле дома.

«Дом вести — не лапти плести». Что верно, то верно!

Вот и второй, и третий час прошел моей новой жизни. Это мое время. Я называю его «зрячим временем». Мне кажется, теперь я вижу все. От мая до октября все вижу.

С новосельем!

Удобная память

Упомянул я тут Юрьев день, Марков день и подумал: а ведь моя жизнь на хуторе подчиняется сельскому календарю. Этот календарь помнит все.

Значит, надо чуть-чуть рассказать о нем.

В дореволюционной России работы крестьянина-земледельца определялись датами церковного **христианского календаря**. Постепенно календарь и даты обросли местными признаками погоды, приметами, пословицами. Крестьяне искали зависимость урожаев и недородов от погоды. Замечали сроки сева, ухода за посевами, начала уборки. Запоминали даты зацветания диких растений. Со временем и **святцы** подчинились быту крестьянина, его заботе об урожае. «Из одного дерева — икона и лопата»!

Святцы — это список святых, которых чтит Православная церковь. Составлены святцы в порядке месяцев и дней года. Иначе святцы называют **месяцесловом**.

Чаще всего святым давали прозвища, связанные с началом и концом какой-нибудь работы. Так было удобнее запоминать даты. Ведь записей народ не вел и потому легко приспособил месяцеслов к своим наблюдениям. Например: Василий-капельник, Герасим-грачевник, Родион-ледолом, Еремей-запрягальник, Мавра-зеленые щи, Федор-житник, Степан-сеновал, Исаакий-малинник, Авдотья-огуречница...

Приметлив, поэтичен труд земледельца! Так и складывался народный календарь.

Нам очень нужны все эти приметы. Они напоминают о потерях, будят совесть.

Вот и получается, что наши предки умели и избы рубить, и землю пахать, да еще устные календари-месяцесловы составлять. Крестьяне связаны с природой ежедневно, ежечасно своим трудом.

Народный календарь помогает крестьянину и сегодня считать свое трудовое время, иметь свою историю. Это удобная памятка. По ней живет и мой хутор Шили́шки.

Новые окна

Устроился хутор на песчаной горке. Здесь хорошо во время грозы. Ходит, гуляет гроза в вышине, но сосен наших не задевает. Гроза, а под ней хутор в три дома.

Греми себе на здоровье!

Погуляет, погуляет гроза вокруг хутора и скатывается за речку Лакаю.

Шалеют после грозы дрозды, как дети, шалеют. И никто не смеет их пугать, пусть распоются!

Прошумела гроза, а утром глазам не веришь: деревья новые выросли! Это старые веселей зазеленели и распушились — молодую зелень поддразнивают.

Смешной у меня дом. Ему лет восемьдесят, и он синего цвета. Лет девять назад заменили в доме окна. Маленькие вынули и врезали большущие: от какого-то коттеджа или даже от виллы! С тех пор и смотрю я из старого дома через новые окна.

— Хорошо бы поехать туда, где тебя ждут,— любит повторять мой друг поэт Яков Аким.

На хуторе меня ждут. Ждут всегда. Я это знаю.

Кто ждет?

Все! Леса Лабанорские, речки, тихое лесное

озеро, ухоженные луга, дом и стодолы, колодец, соседские собаки, трясогузка у печной трубы, скворечни и гнезда, болото клюквенное...

Откуда я знаю, что ждут?

Я так думаю.

Хутор мой Шилишки

Лет тридцать назад хуторов в Прибалтике было много.

Хутор — отдельная усадебка в два-три жилых дома с ухожами, со скотом и с сельским хозяйством. Ухожи — это поля, пастбища, выгоны для скота, огороды и все строения вокруг жилого дома. Все, за чем надо ухаживать, что должно быть ухожено. «Без ухожей дом — волдырь»,— говорит народ.

На хуторе все культурные земли под хозяйской рукой. До всего близко. Все хозяйский глаз сам доглядит. Лично!

Есть у нас три стодолы. Это просторные, высокие сараи для скота, повозок, для хранения сена, конской сбруи, плугов. Здесь же и бак для качания меда держат — центрифуга называется.

Раньше хутора были привычной сельской картиной, ничего особенного...

Теперь на хуторе, по-моему, все особенное. И что усадебка отдельная, и живет в лесу далеко от городка. И что самый ближний городок — Швенченеляй — за десять километров. И что всякого скота много.

Время постаралось: из «ничего особенного» сделало сказку, где все особенное. Потому особенное, что человек современный дальше и дальше от природы и здорового труда уходит.

А как за детей обидно! Ведь большинство их никогда не видали домашнюю скотину. Не знают, как подсолнух живой цветет и головой крутит.

Попадут такие ребятишки на хутор лесной — растеряются. А то и заплачут вместе с родителями: дети — от страха, мамы-папы — от тоски.

В синем доме с новыми окнами я чаще всего живу один. Старые его хозяева умерли, молодые перебрались кто в Вильнюс, кто в Швенченеляй. Вот и приезжаю я сюда из Москвы. Статьи пишу, книжки и существую, как все.

Кто эти «все»?

В одном соседнем доме живут старые поляки: пан Ян Юсис 92 лет и его жена пани * Текля 82 лет. Летом к ним раз в неделю наезжают дети и внуки, иногда и отпуска здесь проводят.

В другом доме жила одинокая пани Юзя. Да прошлой зимой умерла. Теперь домик ее пустой.

Знаком я с соседями и их детьми больше десяти лет. Помню стариков еще бодрыми, быстрыми, ловкими. Теперь-то трудно им управляться с хозяйством. Но не сдаются, привыкли жить и работать на земле. По-другому жизни не понимают.

Вот так и живем: они и я. Живем по-разному, но по-соседски.

В свою погоду гуляет вокруг хутора гроза, а по земле ходят вокруг него черемуха и сирень.

Белая черемуха с черными ягодами напоминает мою умершую бабушку.

А сирень соловьям нужна — для пения, чистого и одуряющего и соловьев, и слушателей.

И уводят с хутора четыре дороги. Иди, куда хочешь.

И уносят с хутора две речки. Плыви, куда хочешь.

Самая красивая дорога — перед моим окном.

Она как огромная ветка. Отойдет от дома и не спеша к перекрестку тянется.

Потом в лес уходит и дальше через вырубки, гари и молодые посадки будто в небо поднимается.

Случится плохое настроение, и кажется мне, что и небо заканчивается вместе с хуторскими дорогами. И тогда изводит меня только одно желание: лишь бы майским утром увидеть черемуху. Ведь она, как моя бабушка, дождалась меня и поседела от радости.

Упали дороги в Лабанорские леса, разбросали руки и ждут.

Зрячее время

— Как перезимовали?— спрашиваю у старой Текли.

— Со стариком трудно — ноги не хотят ходить. Злится на себя.

А я и зимою, из Москвы, вижу их лесные дни и ночи и как им обоим тяжко.

Но никогда они не откажутся от этой жизни. Они — дома.

Здесь их стены, и дымит послушная труба.

И не дым это совсем. Это летучая теплая забота друг о друге и такой же летучий теплый отдых до следующего близкого утра.

Здесь братские души среди доверчивых стен.

В своем доме на стены не натыкаются. Это все равно что натыкаться на облака, на туманы. Протяни руку — и сама рука выведет тебя к свету, к такой же золотой руке.

На хуторе живут испытанные, оседлые слова.

Кто и долго ли еще будет их слушать?

Чтобы сохранить сокровенные слова, здесь надо жить и работать. По-другому не сохранишь. Ведь слово — это дело.

Утро — мое время...

Поднимается солнце.

На трубу опускается окоченевший с ночи залетный березовый листок. Ждет, когда затопят печь. Теплый дымок оживит его, смахнет с трубы и, глядишь, снесет к родному дереву березе.

Сердце не молчит, значит, глаза видят.

Пустые зимние сани впали в летнюю спячку.

Нетерпеливая телега сегодня дремала под молодым месяцем, под звездами.

Телега ждет ранних хозяев — человека и лошадку.

Хотите частушку? А то рассказ что-то грустноватый!

У ворот стоит телега,
Мелки семечки грызет.
Отморозила оглобли —
Никто замуж не берет!

Говорят, на хуторе зимнее время училось расти и умирать у дуба. Такое оно тяжелое и медленное.

А весеннее время?

Весеннее время должно обгонять первоцветы, но, главное — успевать за озимым хлебом.

День — мое время...

Он поворачивает хозяйство к маю, к лету, к солнцу.

Зацвели яблони. Лепестки черемухи засыпали двор.

Никто ни к кому не стучит в двери.

Прохожие случаются, но ни одного пришельца.

В будни не бывает гостей. С мая по август редко гостюют: некогда. А коренные люди и так на виду один у другого. И руки их на виду.

Вон заскорузлые пальцы Яна и Текли в занозах чертополоха.

* Русские раньше обращались друг к другу «сударь», потом «товарищ». А вот поляки зовут друг друга «панами».

Такие руки могут излечить ближнего от тоски, а землю — от нелюбви. Излечат делом, других лекарств у них нет.

На худой Текле вечный фартук цвета палой листвы. Снимает его только на ночь. Днем отдыхает — не снимает, некогда.

Вижу соседку, и в голове крутится постоянный вопрос-ответ:

— Сколько тебе лет?
— Сколько вчера было, того нет!
Под стол ходила —
хворост носила;
стол переросла —
коров доить пошла;
косу отпустила —
в работницах служила;
пора настала —
с молодцем гуляла;
пора пришла —
замуж пошла;
замужем сорок лет жила —
тяжко горюшко несла...
Вот тебе и весь сказ,
а когда родилась —
память извелась! *

И что из того, что душа стариков соседей оглохла к тайнам? Да, может, и не было для них в жизни тайн. «Не та счастлива, которая у отца, а та счастлива, которая у мужа».

Вечер...

Старикам время опустить руки. Дать рукам и себе отдых.

Мне время поднять руки — откровенно признаться: трудно жить, как они; нет физической силы на такую жизнь. Душевные силы есть. Они и держат меня возле стариков. Спасибо им.

Не огня прошу. Прошу терпения.

Перед самым сном будто лопаются надо мною почки неуклюжих, невысказанных, сокровенных слов. И валится на меня налитая их тяжестью верхушка лохматого дерева. Ель столетняя валится. Значит, засыпаю...

Зрячее время не прощает иллюзий.

Хорошо.

Не печка греет

И снова утро. Солнечное, сосновое и травное.

Пани Текля сидит на низенькой скамеечке и стрижет дымчато-белую грустную козу. На них свешивается душистая розовая ветка яблони. Шерсть пеной падает и падает на одуванчики.

Коза положила голову на колени хозяйки и покорно смотрится в задубелый до блеска ее фартук. Потом поднимает рогатую голову — глядит в ласточкино небо.

Коза молчит. Ей не жалко своей облачной шерсти. Ей легче дышится. Это все, что можно понять, глядя на козу и Теклю.

Козы непоследовательны и своенравны. Но их можно держать на привязи! Овец на хуторах почти не держат — из-за волков. Некому пастушить: каждая пара рук и ног нужна в поле и на огороде. А «без пастуха овцы не стадо».

Гудят пчелы, охаживают-облетают яблоневый цвет над головой и одуванчики под ногами. На паре задних пчелиных лапок топорщатся шарики-ботфорты, розовые и оранжевые. Так смешно налипает яблоневая и одуванчиковая пыльца. Зато переносить удобно!

У хутора нашего со стороны поля есть каменный холм.

Откуда он, кем насыпан?

Пахарем.

Годами пахарь и огородник выбирают камни из-под сохи и лопаты, из-под бороны и лошадиного копыта, из-под вил и собственных каблуков. Сперва человек кидает камни на межу, на край поля и огорода. А появится время — сносит в выбранное у дороги место.

Десять, тридцать, пятьдесят лет растет каменный холм. Памятник хуторянина себе, своим рукам, спине своей. Простой памятник — строгий и опрятный.

Смотрю на стариков соседей. Соображаю.

Из всех истин человеку в конце концов остаются земля и небо. Значит, и мне.

Мой хутор мал. Мал наш мир. Коротки длинные заботные дни.

Но велик зов дома: дом постоянно ждет человеческого тепла. Не печка греет.

Акука прилетел

Сегодня 21 мая. В этот день народ приговаривает: велика милость, если сегодня дождь пойдет. С этого дня, считается, приходит устойчивое тепло.

Завтра прилетает в Вильнюс моя семья с Акукой.

Сегодня надо добраться до города.

Надеваю оранжевый рюкзак. Зеленым лесом иду к ближайшей станции. И поездом до Вильнюса. Ночую, как всегда, у старого друга К. Марукаса *.

Самолет прилетел минут на пятнадцать раньше! Подрулил к сетке-забору. За забором сгрудились встречающие. Одни с цветами, другие с детьми, есть даже с собаками.

«Не испугался бы Акука»,— подумал я и заволновался. Лоб мокрый, спина холодная.

Как перенес Акука первый в жизни полет? Ведь маленький совсем.

Автобус «Икарус» подвозит пассажиров к сетке. Моих нет.

Поцелуи, цветы. Собаки покрупнее по-свойски бьют хозяев лапами в грудь. Мелкота разноцветная просто визжит и скачет от восторга.

«В этот автобус не сели»,— догадываюсь я и еще больше волнуюсь.

Следующий «Икарус» катит.

Глазами сразу отыскал своих. Акука на руках у жены. Дочь держит огромную белую сумку.

— Акука-а-а! — кричу через сетку.

— Аку-ка! — во весь свой шестизубый рот отзывается внук.

Жена с мальчишкой подходит ближе. Внук прячет лицо в ее плечо. Игра у нас такая. Это значит, нет внука, спрятался внук, пропал куда-то.

— Как долетели?

— Спокойно,— отвечает бабушка.— Мальчишка долго носился по аэровокзалу. А внесли в самолет — он и заснул. Проснулся, когда шли на посадку.

— Аку-ка! — хохочет новый авиапассажир.

Хохотать внук начал, кажется, с четырех месяцев.

Мы в то время не хохотали: ни жена (бабушка), ни я (дедушка), ни наша дочь (мама Акуки). Внук не-

---

* Это приговор знаменитой олонецкой стиховодницы Ирины Андреевны Федосовой. Приговор 1895 года!

* К. Марукас — литературный псевдоним писателя Марионаса Красаускаса.

прерывно болел, начиная с родильного дома.

Мы захохотали месяцев через семь-восемь.

Сегодня 22 мая. Внуку один год, два месяца и один день. Пусть смеется, сколько хочет. И мы вместе с ним.

Имя

Откуда такое имя — Акука?

Это не имя, а прозвище.

Даже не прозвище. «Акука» — первое слово, какое сказал внук в своей жизни. Взял однажды и сказал:

— Акука!

Хорошее слово, удобное. Им можно назвать все, что хочешь. И меня, и бабушку, и табуретку, и горшок, и телефон, и кошку Багиру, и черепаху Чечу. И самого себя.

И читается слово легко с обоих концов. Хоть справа налево, хоть слева направо — все равно получается АКУКА.

Настоящее имя у мальчишки тоже есть. И родители есть. Только фантазии у них нет. Полное имя внука — Антон Антонович.

Я сперва звал его Городничим *. Звал в знак протеста. Потому что в хорошей пьесе писателя Гоголя «Ревизор» есть такой персонаж — Антон Антонович, а работает он городничим.

Звал я внука Городничим, а потом подумал: «А может, у меня нет фантазии?» И перестал дразнить мальчишку.

И остался внук не по своей вине на всю жизнь Антоном Антоновичем Косынкиным.

Думаю, у родителей наших внуков должно быть больше фантазии, а то скука наступит.

Если говорить честно, родители должны были назвать внука Вовой.

Почему? Чтобы не обижать поэта Якова Акима, художника Виктора Чижикова и журнал «Мурзилка».

А получилось вот как. Заметил однажды поэт, что моя дочь скоро станет мамой, и задумался. Задумался и написал стихотворение «Про Вову и корову»:

— Я Буренушка, корова,
Молоко даю!
— Ну а я, Косынкин Вова,
Подою тебя, корова,
Мигом подою...
Что-то нету молока,
Не звенит ведро пока,
Еле-еле, кап-кап-кап,
Больше надо молока б!
— Не спеши, Косынкин Вова,—
Говорит ему корова,—
Ты бы лучше, мужичок,
Скинул новый пиджачок:
Молоко бежит в рукав,
Вот и «кап-кап-кап»!

Поэт прочитал стихотворение художнику. Художник нарисовал рыжеватого Вову в фартуке и голубую корову с красным цветком в губах на голубом лугу.

Поэт и художник отнесли свое творчество в журнал «Мурзилка». И там все это напечатали.

А через два с половиной месяца родился мой внук...

С настоящей коровой Антон Антоныч через год познакомился. А вот Вовой так и не стал — из-за родителей. Поэтому на Я. Акима и В. Чижикова я не обижаюсь, они все равно молодцы. Они знали самое главное: родится мальчик.

Будущая мама и даже ее подруги не знали.

Будущая бабушка и даже ее задушевная подруга тетя Люся не знали.

Ни один врач не догадался!

Я вот тоже не знал.

А поэт и художник знали. И заранее подготовились: придумали про будущего Вову Косынкина стихотворение с картинкой.

Настоящие детские поэты и художники все умеют и все знают!

Только вот вместо Вовы получился Антон Антоныч. Но мы теперь знаем почему.

Какой из себя Антон Антоныч?

Точно как в «Мурзилке».

Маленький, сантиметров 70 от земли. Весит килограммов 12, и бабушке тяжеловато его поднимать. Да он и не любит на руках ездить. Он пешком обожает ходить. Или в коляске ехать, но недолго. Пешком лучше.

Самые образованные ученые говорят: характер зависит от имени. Например, «Антон», по их исследованиям, почему-то обязательно получается противоречивый, упрямый и настойчивый.

Посмотрим.

Железный режим

И вот мы на хуторе все вместе.

Как бы получше начать жизнь?

Бабушка решила начать нашу новую жизнь строго.

— Сейчас 8 часов 25 минут,— строго сказала бабушка. Она повернула к нам свои часы.

Мы замерли.

— Правда, часы мои стоят,— добавила она мягче, но все-таки еще строго.

Я засмеялся.

Время у бабушки летит стремительно. Не успевает за всем уследить, даже за часами.

Но все равно режим у Антона Антоныча будет железный.

...А мама мальчишкина уже улетела.

Сами знаете — мамы, особенно двадцатилетние, теперь тоже сплошь строгие. Они уверены: за бабушками строгий глаз нужен.

Антон Антонычу как раз такая мама попалась. Она студентка.

Мама-студентка помогла привезти своего ненаглядного мальчика на хутор, проверила, как здесь хорошо, и через пять дней вернулась в Москву. Читать книги по генетике, доучиваться.

Зеленка

День начинается росисто, не жарко.

Из темных сеней на солнечную траву выбегает голый внук.

— Пусть закаляется! — говорит бабушка.

«Пусть»,— думаю я, но молчу.

Нынешней весной полно комаров. Сегодня у них праздник — знакомство с Антон Антонычем.

Поздновато мы поняли это!

Бедный внук уже чешется — сурово, неутомимо, до крови. Пыхтит от усердия. Маленькая рука достает укусы в любой точке бледного тела. Такое увидишь только в цирке, когда выступает «женщина-змея» или китаянка с фарфором на бамбуковых тросточках.

Расчесал укусы и на лопатках, и на позвоночнике, и даже страшно сказать, где еще. Но не плачет, не убегает. Антон Антонычу некогда, ведь он чешется,

* По-нашему — начальник милиции небольшого городка.

скребется, царапается.

А что же бабушка?

Бабушка отловила внука и теперь сердится — на себя, на меня, в последнюю очередь на комаров. Бабушка у нас часто бывает справедливой.

Сердится и украшает поверхность внука изумрудными пятнами зеленки. Украшает плотно, без пропусков и осечек. «Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит»!

Человек-салют из внука получается. Даже человек-салат.

Мальчишка извивается изо всех своих голых сил. Но сегодня волю бабушки ему не согнуть.

Хорошо бы обрисовать Антон Антоныча в зеленке. Но у меня не хватит слов. Попробую догадаться, какие слова нашли бы для этой картины некоторые детские писатели.

Начну, как положено, с Михалкова.

— Твой, что ли, десантник? — спросил бы Сергей Владимирович. И добавил бы: — А телефон здесь есть?

— Огурец-корнишон! — твердо заявил бы Радий Погодин.

А Юрий Коваль заметил бы, между прочим:

— Кактус из деревни Вертушино Московской области.

Терпеливый и загорелый Шукурбек Бейшеналиев успокоил бы:

— Пусть так будет.

— С этим парнем можно идти через лес! — воскликнул бы Анзельмас Матутис.

Спиридон Вангели сразу бы предложил:

— Мой Гугуцэ вырос. Шапка цела! Я пришлю шапку. Пусть твой малый хоть голову и уши прикроет.

Юрий Дмитриев осторожно потрогал бы Антон Антоныча, потом захохотал бы, закурил трубку и снова захохотал.

Точно знаю, как определил бы вид внука Эдуард Успенский. Эдуард Николаевич сказал бы своему секретарю-юристу Толе:

— По-моему, малый не выездной!

— Хочешь, в Ашхабад увезу? — спросил бы Каюм Тангрыкулиев.— Акуке дыню есть надо.

Как отозвался бы К. Марукас? Не знаю. Этот писатель всегда занят: он ловит рыбу.

Владимиру Железникову показывать внука, пожалуй, опасно. Хорошо, если скажет:

— Чудак. Фанат.

А если произнесет:

— Чучело!

Я-то ничего. Но бабушка может обидеться.

— Олени, однако, испугаются...— забеспокоится Андрей Кривошапкин о стаде.— Мальчика надо спрятать.

— Одна гадалка на Филиппинах мне говорила: «Квадратная голова — хорошая примета»,— раздумчиво сообщил бы Имант Зиедонис. Зеленку и укусы Имант не заметил бы.

— Бедный малый,— посочувствовал бы Яков Аким. И еще головой покачал бы Яков Лазаревич.

— Ребенок цвета национального возрождения! — догадался бы Григоре Виеру.— Цветной мальчик должен понимать молдавский язык...

Вот такой мог получиться портрет Антон Антоныча в зеленке. На правду немного слов требуется!

...А вечером к соседям приехали по делам лесники.

Антон Антоныч бросился к их пыльному мотоциклу с коляской. Потрогал фару. Сунул пальцы в спицы, потом палку. Пытался залезать на седло, но упал. Снова полез.

Выходят мужчины от старика Яна, а перед ними раскрашенный Антон Антоныч.

Молодой, чисто выбритый парень в форменной фуражке привалился от смеха к стене. Два других лесника повалились в траву. Такого здесь они еще не видали.

— Комары в Красной книге, а ты их вон сколько угробил! — сказал лесник в фуражке.

— Маугли,— добавил самый старший и вытер глаза платком.

— Акука! — ответил внук хозяевам леса и почесал макушку.

Агы́н!

Рядом с хутором, за речкой Лакаей, живет семья лесного ворона. Его гнездо на высокой дремучей ели с лысой макушкой. Старики соседи знакомы с вороном и его воронессой лет сорок.

«Глупа та птица, которой гнездо свое не мило». Ворон умен и пословицу должен помнить.

Я знаю эту птичью семью десять лет. У ворона в воздушном бою выщерблено левое крыло. У воронессы крылья в порядке.

Два раза в день, утром и после обеда, вороны облетают лес, хутора, реки. Настоящие хозяева в нашем небе. Коршуна не боятся, ворон гоняют. Новые и чужие места не навещают, там небо и земля других вороновых семей.

Все знакомо черному ворону на моем хуторе. Всех он давно знает.

Вон сидит на скамеечке у дома 92-летний Ян. Не ходит почти: ноги болят. Сидит и головой по-орлиному крутит. Все вокруг старик видит. Ян и сам, как ворон! Только совсем старый.

Иногда старик передвигается по двору с двумя палочками. Приземистый, плечистый, плотный, без единой морщины. С палочками он кажется совсем беспомощным. Пополнел, погрузнел без многочасовой работы. Старость...

Вспомнил ворон, как на днях складывал старик мощную, красивую поленницу из колотых дров.

Дрова зять наколол. А когда сложить приедет, не сказал. Вот и взялся дед в две перекидки сочинять поленницу. Десять дней кряду работал.

Повесит складную скамеечку на шею и отправляется утром в путь. Сорок метров надо пройти.

Добредет до дровяной пирамиды, разложит старинную скамеечку, сядет. Отдышится и по полешку перекидает дрова ближе к стодоле.

Покидает-покидает, отдохнет. Работой сотворенной полюбуется. На кур покричит. Палкой по полену постучит. На небо посмотрит, не гонит ли тучу с запада. Муху наглую отгонит...

И опять летят полешки на новое место: «Полешко к полешку — и дрова». Через три дня на старом месте ни одного дрова не осталось.

И снова старый Ян перекидывает поленья, под самую стену сарая летят. И через три дня второй раз передвинул пирамиду.

Теперь можно складывать дрова, как положено, впритык к стене. И дровам хорошо сохнуть на воле, и стене хорошо: утепляется толстым слоем поленьев.

Через четыре дня поленья украсили стену в рост старика Яна. Готова поленница. Здорово сочинил ее старый хозяин хутора.

«Еле ходит, а сотворил красиво!» — восхищается старый ворон. От тоже любит красивую работу.

* Выездной, не выездной — спроси, пожалуйста, у родителей, кто это.

Летит птица и поленницей любуется.

А вон старая Текля идет с ведром в луга.

«Обед скоро, пора доить корову,— понимает ворон.— Согнули годы хозяйку. Совсем похудела...»

Кар-р-р,— посочувствовал ей ворон.

«Старый ворон не каркает даром: либо было что, либо будет что»,— вспоминает пани Текля крестьянский приговор.

А черная птица уже размышляет в своем проверочном полете о нас с женой: «Этих двоих зимой не видно. А чуть весна — вот они! И чего повадились?».

И вдруг словно застыла в воздухе умнейшая из птиц: «А это кто же?».

Ворон сделал плавный круг. Не понял.

«Подлетим-ка поближе да пониже. Да каркнем для порядка пострашнее!» — И ворон пошел прямо на Антон Антоныча.

Голый наш мальчишка бежал к речке Першокшне. Там бабушка полоскала белье.

Устрашающе затягивая медленный полет, лениво и бесшумно ворон бреющим пошел на внука:

— Карр-рр-р! — И он для пущего страха вытянул шею.

Ну крест черный летит, и все!

Антон Антоныч задрал безволосую головушку и закричал. То ли от удивления закричал, то ли от страха, то ли ворону что ответил.

Вот этого ворон не ожидал от неведомой головушки. Ворон сбился с курса и прошел мимо.

А внук продолжал орать и не убегал. Смотрел на птицу.

Ворон заканчивал новый боевой разворот. Но с криком «Кыш, черный, кыш!» навстречу ему летела бабушка с мокрой простыней.

Умнейшая из птиц безвольно перевернулась в воздухе и взмыла на верхушку сухого тополя.

Посмотрел ворон вниз: под ним — таз, в тазу — стираное белье.

— Крр-э-эх! — шепелявo вырвалось у ворона.

Не складывая крыльев, как орел с польского герба, смотрел ворон на бабушку и внука стеклянным острым зрачком.

Смелая бабушка подвела внука к тополю и строго крикнула:

— Что же ты своих-то пугаешь, черт черный!

И погрозила птице мокрой простыней.

— Акука! — сказал внук вверх, не отделяясь от бабушкиной юбки.

— Кр-э-э-эхх! — простонал ворон и сложил крылья. Его блестящая голова с тяжелым клювом обиженно раскачивалась вправо-влево, вправо-влево, словно зуб больной успокаивал.

Ворон встряхнул сложенными крыльями и стал рассматривать окружающую природу.

Напугался ли Антон Антоныч?

До сих пор не знаем. Но после этой истории научили мальчишку кричать: «Кыш!».

Увидим сойку расписную или ворону серую и уговариваем внука:

— А ты крикни ей: «Кыш, ворона, кыш!».

— Агын, агын! — кричит Антон Антоныч. На его языке «кыш!» получается чуть-чуть по-другому.

На ворона мы не кричим. Он же теперь совсем умный стал.

А тут еще начали летать военные истребители. Здесь их учебная база. Мальчишку по-настоящему пугают грохот и свист истребителей.

Я посоветовал:

— Отгоняй самолетики, как птиц: «Кыш, самолеты, кыш!».

ГОРОСКОП

ВЕСЫ

Знак Воздуха под покровительством Венеры.

Мальчики

Они не герои и очень миролюбивы, ненавидят ссоры; неприятности могут выбить их из колеи. Воистину, о них сказано: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». Их любят за общительный и веселый нрав.

Девочки

Иногда могут проспать в школу. И при этом не терпят укоров. Да и вообще никогда не терпят упреков. Правда, в упреках для них мало толку. Любят поплакать. Но, смахнув слезинки, через минуту уже улыбаются.

Весы дружат с Тельцами, Близнецами, Овнами, Львами, Девами и Рыбами. Не очень хорошо дружба складывается с теми, кто родился под созвездием Рака.

ВНИМАНИЕ!

В результате жеребьевки определены «победители среди победителей» в игре «Календарь-закладка». Их по условиям второго тура (см. «Пионер» № 4) 10 человек.

Итак, победителями стали: БЕЛОУСОВЫ Катя и Лена, г. Жуковский; ДЮМАЕВА Вероника, г. Павловский Посад; ЕФИМОВА Оксана, г. Стерлитамак; ИХСАНОВ Рамиль,

КАЛЕНДАРЬ-ЗАГАДКА

— Агын...— несмело говорит внук и прячет лицо в мои колени.

Грохота и свиста реактивных истребителей он боялся все лето. Даже когда играл в доме и пел песни...

Наш аист

После 10 мая на хутор каждый день прилетает белый аист.

Давний знакомый. Большой, тяжелый, видно, в годах. Гнезда у него нет и спутницы нет.

И все-таки наш аист — общительная душа! Опустился на конек и сразу щелкать красным клювом. Оповещает двор о своем появлении.

Обе собаки и особенно куры истерично возмущаются. Нестройным, трусливым хором завидуют свободной птице.

А птица щелкает клювом себе и нам на радость да головой крутит на все четыре стороны. Хутор приветствует!

Антон Антоныч торопится навстречу аисту.

Живность дворовая успокаивается, внук поднимает руки и кричит:

— Аика! — так он аиста называет.

Успокаивается и аист. «Вот и новая весна,— думает он,— а люди так и не приладили донышко под гнездо. Где им теперь: стары мои хуторяне, сами себя обихаживают с трудом».

Аист разгуливает по коньку Яновой крыши. Подолгу стоит на коньке, охорашивается. Знает важная птица: ни на эту крышу, ни на душистую сосну возле дома старики хозяева уже никогда не втащут тележное колесо, корзину или хотя бы автомобильную покрышку. «Значит, и гнезду моему здесь не быть»,— в сотый раз говорит себе аист.

А внизу, задрав головенку, стоит мальчишка.

Ян и Текля хорошо понимают аиста, а помочь и вправду не могут. Раньше могли, но откладывали с весны на весну, так и не выбрали времечко в плотной хуторской жизни. Теперь оно ушло. А как хорошо было бы пожить в таком счастливом соседстве!

Могли бы и дети гнездо устроить, но тоже с весны на весну откладывают. Да и не верят старики в их таланты. Отговаривают детей, сглазу боятся, руки неверной: а вдруг аист откажется от городской помощи? Так бывает.

Подразнил аист живность дворовую, вызвал щёлком из дому Антон Антоныча и теперь на поле перелетает. Рядышком совсем.

А как летит! Широкими крыльями не взмахивает, а высоту набирает.

Краем поля похаживает длинноногий. Держится спиной к солнцу: так глаза не слепит и зайчики от клюва лакового не распугивают лягушат. Хитрит!

Ходит-ходит, и вдруг головка надолго в траве тонет. Клюв у птицы ловкий, но и лягушата — народ проворный. Так просто не уловишь, не схватишь. Аисту поесть охота, а лягушонку-то жить надо, прыгать, а не аистов да ворон подкармливать.

Птица перелетает на люпин, на люцерну, расхаживает между грядок картофельных, потом перемахивает в овсы и на клевер.

Ходит неторопливо, будто воздух клюет перед собой. И кажется, от клюва к лапам волна перекатывается по тонкому мускулистому телу.

Вот и окончен утренний обход.

Аист, аист длинноногий,
Покажи домой дорогу...

Весною и осенью до отлета аист ходит за плугом по свежей дымной пахоте. А нет других дел по утрам — стоит на одной ноге возле коровы или лошади. Стоит, в глаза скотине смотрит. Хочет понять, хорошо ли отдохнули корова и лошадь ночью, гордо ли голову держат. Настроением главных работников интересуется.

Сам одинокий наш аист уважает одиноких корову и лошадь. Ценит равную себе компанию. А теперь вот и к Антон Антонычу присматривается.

— Аика.— Внук показывает бабушке на аиста.

— Аист,— соглашается бабушка.

Аист смотрит в глаза Антон Антонычу.

Лошадка

Пошел Антон Антоныч к колодцу. Проверить пошел: вдруг у колодца пустые ведра стоят. Если есть, значит, и я там, и мы вдвоем воду будем доставать.

Я буду ворот крутить, Антон Антоныч положит подбородок на край сруба и будет заглядывать в страшную глубину. Посмотрит-посмотрит, да и крикнет в темноту:

— Акука!

— Ука-а-а! — отзовется глубина.

Сто раз крикнешь — и сто раз глубина ответит!

Пошел, значит, мальчишка к колодцу.

г. Сургут; КОМАРОВА Света, г. Ртищево; КРЫСИНА Марина, г. Москва; МАРКОВА Наташа, п. Восток Приморского края; МЕТЛЕВ Алексей, г. Новосибирск; НИКИТИНА Кристина, г. Москва; СИЗОНЕНКО Ольга, г. Саяногорск.

Просим не расстраиваться тех, кто правильно угадал все номера, но не прошел заключительного тура игры. Убеждены: удача улыбнется в следующий раз!

5

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс	пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31									

Это обложка «Пионера» за июль 1955 года. На ней репродукция картины «Портрет мальчика» итальянского художника XV века Бернардино Пинтурик-кио. В журнале 50-х годов 80 страниц, но весь он, кроме обложек, был черно-белым.

Ведер нет, дверца специального шалашика-домика над колодцем закрыта на крючок. Поискал меня внук глазами. Не видно. Покричал.

Отправился искать дальше, зашел за дом. А там, всего-то через дорогу песчаную, в траве стоит лошадка!

Антон Антоныч, конечно, к ней направился. А в руках — красная кружка с молоком: когда еще про колодец думал, он молоко пил.

Пересек дорожку, а за нею, оказывается, луг.

Идет мальчишка по высоким травам с кружкой молока.

Под ноги не смотрит, на лошадку глядит.

Обогнул куст сирени и дальше топает.

А мышиный горошек и клевер молодой дергают Антон Антоныча за штаны льняные белые. Уже и пупок кривой показался на пузе.

В левой руке кружка, а одной правой разве штаны поддернешь, как положено?

А глаза на лошадку смотрят.

Головенку обдувает ласковый ветерок.

Луг вяло выбрасывает горстями белянок, капустниц, лимонниц.

Рассыпаются, рассыпаются бабочки против ветра, на Антон Антоныча натыкаются.

Как порванные бумажки, кувыркаются бабочки над лугом.

Шагает себе Акука-человечек по лугу, идет к лошадке. И так он занят, что нет времени молоко выпить.

А травы идут и идут за мальчишкой, стягивают штаны и стягивают.

Лошадка головой кивает — заметила гостя, ждет.

Смотрит ягода «вороньего глаза» на человечка с красной кружкой и удивляется.

И ромашковые островки на лугу удивляются.

Совсем близко лошадка. Голову с черной челкой подняла, ушами поводит, Антон Антоныча встречает.

А он вдруг ни с места. Не может ноги из травы вырвать. Ни шагнуть, ни двинуться. Запутался. И руки заняты штанами и кружкой.

Посмотрел Антон Антоныч назад: луг, куст сирени и все. Дома нет.

И заревел Антон Антоныч на весь луг во все горло.

Ревет, а кружку и штаны не выпускает.

Двинулась лошадка к нему на помощь. Совсем было подошла, да кончился запас привязной цепи. Натянула ее и остановилась. Головой мальчишке кивает, челкой трясет, губами к его мокрой щеке тянется, но не достает — цепь не пускает.

Так и стоят. А между ними метр. Один кричит, другая кивает.

...Просто и ясно жить в деревне. А заблудиться можно у самого дома. Тогда все перед глазами смешается. Весь мир за минуту превращается в бескрайний луг да в непроходимый куст сирени. Ни дома, ни следов к дому.

Доверчивое мокрое лицо и рука с кружкой тянутся к большой теплой лошади. А травы за ноги держат.

Доверчивая большая душа лошади жаждет познать братскую душу маленького гостя. А цепь не пускает.

Теплое дыхание близкой лошади не успевает сушить горькие слезы мальчонки.

Прибежали мы на крик. Освободили Антон Антоныча из плена травяного и очень удивились: он почти не разлил молоко!

Взялись все трое за руки, подошли к лошади. Вылил я молоко в бабушкины ладони, лошадка втянула молоко мягкими губами и языком по ладоням прошлась.

Когда-нибудь я расскажу внуку эту историю.

Надо знать, что тебя любят

А могу и другую рассказать, похожую — про птенцов куропатки.

...Тучи плывут над вечерним ячменным полем.

Бежит в ячмене семейка маленьких куропаток — десять штук. Маму догоняют.

Робкая серая стайка в густом желтом поле.

Ворона боятся. Лисы боятся. Шмеля боятся. Ветра боятся.

Бегут, падают, друг на друга натыкаются, маму зовут. Крылышки топорщат, сами себе мешают.

Легко в высоком ячмене заблудиться.

Но перед самым заходом солнце золотое разорвало тучи, наклонилось к ячменному полю.

Просветило солнце ячменное поле до самой земли. Теперь все видно!

И птенцы весело побежали на крик матери.

Повзрослеет Антон Антоныч хотя бы еще на один месяц — сам найдет в травах дорогу домой.

И до лошади сам дойдет.

Сирень будет душистым маяком. Липа старая маяком жужжащим — в ней пчелы работают. Сухой тополь — вороновым маяком, с него ворон на бабушку смотрел.

А малинник дикий на берегу Першокшны пусть будет маяком сладким.

Пойдет мальчишка к лошадке и почувствует, как к нему прикасается Вся Жизнь. Душистая, цветная, поющая, летающая, текущая, светящаяся. Почувствует мальчишка, как любят его вода и воздух, день и вечер, земля и трава, ночь и утро, дом и бабушка, луна и облака.

А потом пусть еще месяц пройдет, и поймет Антон Антоныч Главное. На самом-то деле надо знать очень немного.

Надо знать, что тебя любят.

Надо понимать, где твоя кожа, а что — только одежда твоя.

И мир, любя, прикоснется к твоей сути — к самому главному в Тебе.

Ты поймешь это, не волнуйся. Поймешь и изумишься:

— Вижу!

Ласточки утром

— Антон, вставай! Ласточки играют.

Прозрачным солнечным утром в высоком небе играют касатки — деревенские ласточки.

Лихо планируют друг другу навстречу, гладко расправив крылышки. А то идут рядом, все вместе, и вдруг веером расходятся над землею с веселым свистом.

Блестят на солнце перламутровые грудки. Переливаются под солнцем иссиня-черные головки и крылья.

И все же в солнечном луче ласточка отливает золотом. Золотое мгновение — и она снова ворона.

Я вспоминаю старинную загадку про ласточку: «Шитовило-битовило, по-немецки говорило, спереди шильце, сзади вильце, сверху синенько суконце, с исподу бело полотенце».

А чуть позднее, часов в восемь утра, обрываются игры ласточек. Уходит из них беззаботность и веселье.

В небе появляются сверхзвуковые истребители. Они тоже любят тренироваться в хорошую погоду.

Когда истребитель переходит от нормальной скорости, дозвуковой, к скорости сверхзвуковой, возникает тяжелый, как близкий пушечный выстрел, воздушный удар. И ласточки пугаются.

Неужели не привыкли?

А можно ли к такому привыкнуть? Даже человек пугается.

И вот уже не щебечут, не свистят наши ласточки. Они бестолково трещат и безрадостно носятся вверх-вниз, вверх-вниз.

Ласточки привыкли к солнцу, к теплому дождю, даже к грозовым молниям. Воздушный удар сверхзвукового истребителя для них, как звук охоты и беды. Разве к такому привыкают?

А как страшно, наверное, ласточкиным птенцам?..

Снова бросается самолет на сверхзвуковой барьер.

И вздрагивают наши дома, стодолы, стога, колодцы.

Вздрагивает высокий обрывистый берег Лакаи вместе с седыми елями, корабельными соснами, старинными березами.

Как убитая, с треском падает в воду красавица ель.

Ее корни безжалостно выворачивают-отваливают мшистое тело древнего берега.

Неуклюже переваливается полуживая глыба песчаного откоса, прошитая лопающимися корнями, и сползает в воду. Тоже как убитая.

Сползает и тонет вместе с норами ласточек-береговушек, с птенцами.

Плашмя шлепается в речку живая береза — ровесница Яна.

Шлепаются и летят в воду гнезда дроздов, синиц, малиновок.

И так — до десяти часов утра.

А бывают учебные полеты истребителей, вечерние, ночные...

Есть поверье: кто разорит гнездо ласточки, у того будут веснушки. Не страшное, конечно, наказание, особенно для мужчины. Но даже его не испытывают экипажи сверхзвуковых самолетов.

У Антона Антоныча веснушки есть. Но они от рождения. Ласточек он уважает.

Колодец

Все видит старый Ян. У него два наблюдательных пункта — подоконник и скамеечка возле дома. В любую погоду на посту.

Старик сразу заметил: Антон Антоныч не играет в песок, не возится с игрушками. Больше крутится возле нас и наших дел.

Помогает бабушке белье носить с проволоки, где оно сушится. Бросает в воду свои грязные вещички. Камни кидает в Першокшну с мостика. Книжки листает с картинками. Дверь входную раскачивает туда-сюда. В тазу с водой посиживает. Путешествует между яблонями и ульями.

— Ходит, ходит он у тебя, пани Лида,— говорит старик нашей бабушке.

Моя жена у него «пани», а я — «пан». Такая у поляков хорошая привычка.

— Помощник растет,— отвечает бабушка, опуская глаза, и в голове у нее делается горячо-горячо.

— Да, совсем не играет,— одобрительно качает головой старик.— Ходит, ходит...

Так старый человек освобождается от тоски по здоровым ногам, по движению, по крепкой работе. Возраст отнял у него это счастье. И даже в маленьком ребенке он оценил деловую неуемность, осмысленность муравьиной суеты малыша.

«Жизнь не кончена...» — успокоительно думает Ян.

Верно говорят: «Ребенок играет куклой, кошка — мышью, а всяк — любимою мечтою».

Муравей наш, как и сосед, ближе к мечте. Нашел-таки пустое ведро и тащит к колодцу.

Иду за ним. Открываю крышку, опускаю ведро. Антон Антоныч от нетерпения пританцовывает на месте, ходуном ходит, высоко поднимает колени, размахивает руками над головой. «Сучит ножками»,— говорит бабушка.

Ждет мальчишка, когда полное ведро вынырнет из гулкой глубины.

Вынырнуло. В ведре плавает большая лягушка.

— Акука! — кричит внук и хватает лягушку.

Она выскальзывает из его пустяковой ладошки и бодрым скоком уходит в крапиву.

— Все, Антон, спасибо! — Я закрываю колодец. Относим ведро в дом.

Вчера мы вытащили в ведре крота!

Теперь завтра воду брать будем.

Колодец есть и возле соседского дома. Антон Антоныч наведывается и к нему. Тайком от бабушки.

Но не так это просто — подобраться тайком. Ведь и у другого колодца есть хозяйка. Это пани Текля. Ей 82 года — настоящая хозяйка! Антон Антонычу она получается прабабушка, только соседская.

Сегодня повезло: добрался мальчишка до ее колодца. Схватился обеими руками за железную ручку ворота и стал раскачивать туда-сюда, туда-сюда...

— Антоша, нельзя к колодцу! Вот я тебя палкой...— скрипучим спокойным голосом объявляет прабабушка Текля.

Она тоже видит все, как и ее муж.

Соседка издали грозит мальчишке можжевеловой палкой. (А палку-то я сделал, когда пани Текле стало трудновато ходить.)

Антон Антоныч строгость со стороны ценит.

Услышал прабабушкин голос, присел на секунду от легкого страха — и к своему дому. Но не бежит, просто идет побыстрее, дескать, не очень испугался.

А однажды мальчишка совсем оплошал.

Вижу: бежит к соседскому колодцу, счастливо улыбается. Поет новую специальную песню на секретном языке.

Вот она — ручка колодезного ворота. Блестящая, холодная. Сияет Антон Антоныч. Глаза горят — солнце отражают. А ручка ворота туда-сюда, туда-сюда. Жизнь!

Полный оборот ручкой он сделать пока не может. Роста мальчишке не хватает, чтобы полностью крутануть. Но и так хорошо: туда-сюда, туда-сюда. «Скрип-скроп, скрип-скроп...»

И вдруг:

— Возьми своего! — загудел из окна страшный голос соседского прадедушки.— Следи, говорю тебе, за своим! Он мне колодец сломает!

Голос у Яна громовой.

Гудит старик в сторону нашего дома, бабушку Антон Антоныча призывает. Гудит, как басовая труба духовая.

Тут уж Антон Антоныч испугался, как надо: описался от живого страха.

Попробовал бежать — ноги заплелись в воздухе. И так ловко заплелись, что он рухнул прямо под блестящую ручку.

Не плачет. По белым льняным штанам расплывается желтоватое пятно. А холодная ручка ворота предательски покачивается: «скрип-скроп, скрип-скроп...»

(ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.)

Владимир СТЕПАНОВ

Кувшинки

В прозрачной летней дымке
Качаются кувшинки.
Качаются кувшинки
На озере лесном.
Тают в себе кувшинки
Прохладу зимней льдинки.
Прохладу зимней льдинки
И летней ночи сон.

В прозрачной летней дымке
Качаются кувшинки.
Качаются кувшинки
На ласковой волне.
И капельки росинок
Звенят на дне кувшинок,
Звенят на дне кувшинок
В хрустальной тишине.

В прозрачной летней дымке
Качаются кувшинки.
Качаются кувшинки
От берега вдали.
Позвольте мне, сестрицы,
Из вас росы напиться.
Из вас росы напиться
И утренней зари.

Тревожный сон

Почему тревожно птицам
На руках деревьев спится?
Видно, птицы и во сне
Все летают в вышине.
И на крыльях в час ночной
Держат небо над землей.

Синие блюдца

С берега в речку
Брошу я камень —
По речке вода
Разойдется кругами,
По речке закружатся
Синие блюдца,
О берег ударятся
И... разобьются.

Эхо речное
Заблудится в тине,
Словно и не было
Блюдец в помине.

Водолаз

— Ты обрадуй нас, водолаз!
Ты достань нам звезду со дна.
Вон как ярко в вечерний час
В синих волнах горит она.

— Хорошо,— сказал водолаз.—
Я достать вам звезду могу.
Но погаснет она у вас,
Не засветится на берегу.
Только там, глубоко под водой,
Виден свет ее золотой.

И шагнул он спиной к волне.
И пропал в голубой стране.

Зеленое эхо

Чем ближе деревья
К воде подступают,
Тем ниже
К ней ветки
Они опускают.

Так хочется им
Рассмотреть
Каждой веткой,
Какое оно —
Их зеленое эхо...

Ночной цветок

Целый день
В тиши лесной
Спит цветок,
Цветок ночной.

И во сне,
Под звон берез,
Он растет
До самых звезд...

Туча
Пó небу плывет,
А по лесу
Дождь идет.

Ты потише,
Дождь, иди,
Ты цветок
Не разбуди.

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

АДРЕСНОЕ БЮРО

394083, г. Воронеж, ул. Глинки, д. 5, кв. 4. Оксана КОРОТКИХ.

«Мне 13 лет. Люблю читать, рисовать. Собираю открытки, календарики, наклейки и плакаты с изображением популярных певцов. Буду рада найти хороших друзей».

152742, Ярославская область, п. Борок, д. 36, кв. 16. Наташа СУББОТКИНА.

«Мне 12 лет. Люблю читать, вышивать, вязать. Учусь в музыкальной школе».

347000, Ростовская область, г. Белая Калитва, ул. Л. Толстого, д. 6 «А», кв. 312. Инна АБЗАЛОВА.

«Мне 13 лет. Чувствую себя одинокой, хотя у меня много друзей. Я увлекаюсь современной музыкой, люблю животных».

600020, г. Владимир, ул. Михайловская, д. 59, кв. 32. Оля Г.

«Мне 12 лет, учусь в 7 классе. Я собираю календарики и вкладыши от жвачки».

334270, Крымская область, г. Алушта, 15 отд., ул. Октябрьская, д. 33, кв. 85. Елена ЛАПШИНА.

«Мне 13 лет. Хочу иметь много друзей по переписке».

184151, Мурманская область, п. Полярные Зори, ул. Ломоносова, д. 26, кв. 34. Елена ФОМИЧЕВА.

«Мне 11 лет. Я люблю петь, танцевать, кататься на лыжах».

454130, г. Челябинск, ул. Захаренко, д. 17, кв. 399. Анна ШАРМАНКИНА.

«Мне 12 лет. Собираю открытки с животными и марки. Я увлекаюсь спортом, музыкой, гороскопами, люблю читать. Отвечу всем».

670045, Бурятская ССР, г. Улан-Удэ, ул. Октябрьская, д. 44, кв. 75. Ирина ВАСИЛЬЕВА.

«Мне 14 лет. Увлечения разнообразные: спорт, рыбки, открытки и многое другое. Жду писем от ровесников».

330054, УССР, г. Запорожье, ул. Украинская, д. 35, кв. 118. Ольга ГОРДЕЕВА.

«Мне 14 лет. Хожу на ритмическую гимнастику, собираю фотографии певцов и певиц. Люблю группы «КИНО», «СТАЛКЕР» и другие».

МАМА! МАМОЧКА, ПРОСТИ...

В редакцию пришло письмо. Мы решили оставить его таким, какое оно есть. Потому что нельзя отредактировать ту боль, то отчаяние, которые читаются между строк. Можно только разделить горечь прозрения: а вдруг эти строки могли бы быть и моими? Может быть, и мне стоит, глядя в усталые глаза своей мамы, выдохнуть слова, написанные Леной...

Дорогой «Пионер»! Хочу написать тебе о том, как беззаботно мне жилось и как живется сейчас.

Расту я в благополучной семье. Есть все, хотя раньше мне казалось, что очень многого не хватает. Учусь средне, но зато, как говорится, «без забот и хлопот»: как будет, так и будет.

У родителей я одна. Рассказывают, что досталась им тяжело. Мама родила меня в 33 года. Надо мной все тряслись, отказа ни в чем не было. В общем, жилось мне легко и беззаботно.

И вдруг тяжело и надолго заболела мама. Несколько лет она была на инвалидности. Хорошо еще, что помогали дедушка с бабушкой. Отец очень любил маму, заботился о ней. А мама моя — замечательная рукодельница, брала заказы у знакомых, чтобы тоже как-то поддержать семью, меня.

А я... Я не замечала или даже не хотела заметить, что в нашем доме больной человек, которому тяжело и которому нужна помощь. Я отправлялась гулять. К тому времени у меня образовалась компания, хотя мне и было всего 11 лет. Но это, наверное, потому, что я симпатичная (так считают все)... Мальчики, подружки, вечеринки. Попробовала вино и сигареты. Такая веселая жизнь мне нравилась... Со своими новыми знакомыми мне было легко и беззаботно. Домой возвращалась поздно, радостная и веселая. А мама меня ждала, спать не ложилась, переживала. Сколько раз она пыталась поговорить со мной, образумить. В ответ я дерзила, насмехалась, а иногда и просто вела себя по-хамски. Но это я только теперь понимаю. Мама плакала и пила лекарства.

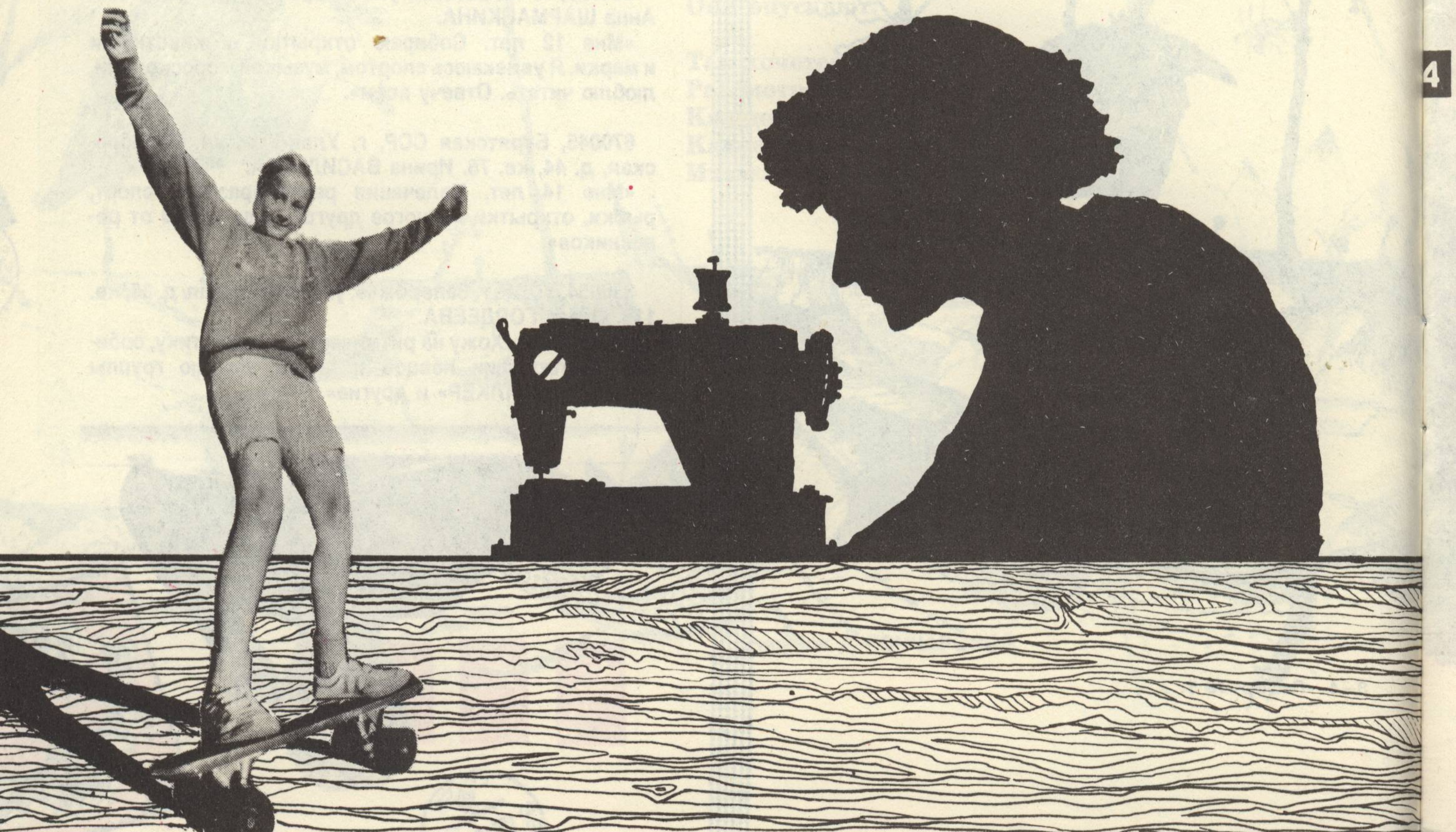
Однажды, уже не помню почему именно, я закричала: «Надоело! Все надоело! Что ты меня все время пилишь, хуже мачехи?» На шум вышел отец, пытался успокоить меня, но я и ему нагрубила. А каково было моим родителям услышать от меня: «Лицемеры проклятые! Все вы врете, что желаете мне добра. Уйду из дома, тогда узнаете!»

Я убежала, хлопнув дверью. А когда вернулась, увидела у дома «Скорую помощь». Тогда впервые во мне что-то дрогнуло, перевернулось...

Прошло с тех пор два года. А сколько изменилось всего! Умерли мои бабушка и дедушка. Трагически в автомобильной катастрофе погиб отец. В сорок с небольшим моя мама стала седой, совсем старой женщиной. Мы остались вдвоем на всем белом свете. И как же мне горько оттого, что я не жалела свою маму!

Вчера пришла из школы, а мама тихо так сидит на диване и вяжет. Посмотрела на нее, и такая боль пронзила! Подбежала к ней, положила голову на колени и плачу. Прости, мамочка. А она гладит меня по голове, и я знаю: она все понимает, она простила. Она уже меня простила, моя мама...

Лена,
Волгоградская область.

Дорогие ребята! Несколько своих выпусков «Зеленая карета» решила посвятить Человеку, его здоровью.

Конечно же, вы знаете, что Человек — это такое же прекрасное создание матери Природы, как и все живое на Земле. И нуждается в бережном отношении, сохранении, если хотите, добре и любви.

Человек счастлив, когда здоров. Не случайно люди желают друг другу в праздники прежде всего здоровья, а уж потом — счастья, успехов в труде и так далее.

Поэтому «Зеленая карета» попытается рассказать вам, ребята, о том, как избегать различных недугов с помощью народных средств.

ДОКТОР ДЖАРВИС РАССКАЗЫВАЕТ

В Америке, в Вермонте, жил доктор Джарвис. Он был человеком ищущим, любознательным и поэтому начал изучать народную медицину. Беседовал с людьми, записывал те советы, которые они знали от своих предков, а потом многие рекомендации использовал в своей врачебной практике.

Доктор Джарвис напечатал книгу «Мед и другие естественные продукты. Опыт и исследования одного врача». Отрывки из этой книги мы начинаем публиковать в «Зеленой карете».

ИЗ ГЛАВЫ I «ПОЯСНЕНИЯ»

Народная медицина своими корнями уходит в далекое прошлое. Первую аптеку открыла Природа...

Наши первые предки положили начало народной медицине в применении целебных растений, в поисках которых бродили животные, страдавшие от расстройства пищеварения, от лихорадки или ран... Я дивлюсь инстинкту животных извлекать пользу из естественных законов в лечении болезней. Они безошибочно определяют, какая трава может помочь в каждом конкретном случае... Медведь выкапывает корни папоротника; фазан заставляет своих больных птенцов есть листья бензойного дерева; животное, которое укусила ядовитая змея, уверенно жует кирказон — все это типичные примеры. Если животного лихорадит, оно быстро находит проветриваемое, тенистое место близ воды, лежит там спокойно без пищи, только часто пьет, до тех пор, пока его состояние не улучшится. Напротив, животное, страдающее от ревматизма, выбирает место, хорошо прогреваемое солнцем, и лежит там, пока боль не прекратится.

Жители Вермонта следуют предсказанным самой Природой методам, позволяющим поддерживать крепкое здоровье и сопротивляться болезням... Таким образом, они переносят в жизнь старшего поколения инстинкты детства...

Если у вас есть желание понаблюдать за пчелами, птицами, кошками, собаками, козами, телятами, норками, молочными коровами, быками и лошадьми и позаимствовать кое-какие из их привычек, они вас научат таким методам лечения, о которых вы не прочтете в медицинских книгах.

ДОМАШНЯЯ АПТЕЧКА

СЛЕЗЫ ДЕРЕВЬЕВ

Обычная картина — из улья вылетает пчела. Летит себе труженица за медом, а может быть, за пыльцой или смолой с почек. Зачем ей смола? Из нее крылатые фармацевты делают прополис.

В улье пчелы заделывают им щели, чтобы не дуло; да и враги-чужаки не смогут пролезть в жилище. А если кто-нибудь все-таки прорвется внутрь, то налетчика, до смерти закусанного, замуровывают не в воск, а в тот же прополис. Останки ящериц и крупных насекомых, которых пчелам не под силу вытащить наружу, совсем не гниют и могут годами лежать в улье, если они тщательно, со всех сторон обмазаны пчелиным клеем — прополисом.

Благодаря прополису в жилище — стерильная чистота. Может быть, поэтому пчелы, лишенные иммунитета, почти не страдают вирусными заболеваниями.

Прополис, уза, или пчелиный клей, — темно-коричневое, бурое или зеленоватое вещество с приятным запахом, горькое на вкус — до сих пор остается загадкой для науки. Энтомологи толком не знают даже, как его делают пчелы. Ясно только одно: из всей пчелиной семьи лишь несколько тружениц занимаются этой ответственной работой. Работа трудная, поэтому поручается избранницам не моложе 15 дней от роду. Перед полетом такая пчела хорошенько подкрепляется медом, чтобы, вылетев на сбор, не отвлекаться на самые соблазнительные лакомства, манящие со всех сторон. Заготовки составных частей тянутся почти до полудня. А потом сборщица узы пробирается в улей, к тому месту, где идет работа с прополисом, и спокойно ждет, когда ее освободят от ноши. Иногда и до следующего утра.

По утрам пчелы часто греются на солнышке перед ульями. Это не просто удовольствие, но и один из самых лучших способов размягчить смолу, собранную и не востребованную вчера.

Для человека же сбор прополиса очень прост. Надо лишь очистить его с внутренней стороны улья. Лучше всего это делать, когда похолодает: прополисный воск станет хрупким и легко соскабливается. А уж использовать его можно как угодно.

Растворенная в горячем спирте уза — идеальный защитный лак для любых лабораторных инструментов. Португалец Эрик Кнофф утверждает, что скрипки великого Страдивари обрели свои исключительные качества только благодаря лаку из прополиса, собранного пчелами в окрестностях Кремоны. Сохранилось немало рецептов лаков с прополисом для деревянных и глиняных изделий. Но вряд ли стоит переводить такой уникальный материал на лаки, ведь он так нужен медицине!

С древних времен «слезы деревьев», как называли прополис наши предки, употребляли для облегчения страданий люди всех возрастов и с самыми разными недугами. В Грузии был обычай класть новорожденному ребенку на пупок прополисную лепешку и протирать раствором того же снадобья все детские игрушки — прекрасная дезинфекция! С помощью пчелиного клея лечили ревматизм, подагру, фурункулез, зубную боль, ожоги. По мнению Авиценны, одного из самых великих целителей прошлого, черный воск — прополис — может «вытягивать из тела концы стрел, шипы... Очищает и сильно смягчает ткани».

Сегодня прополис помогает и при заболеваниях мочевых путей, простуде, гриппе, гастрите, экземах, сыпях, мигренях. Уже несколько десятилетий в ожоговых центрах накладывают повязки с прополисной мазью при подготовке больных к пересадке кожи, после операции и просто для лечения обожженных мест. С такой мазью лоскутки кожи прирастают лучше

Правда, воодушевляет? Болезни отступают так просто! И все-таки даже с таким безвредным препаратом ухо надо держать востро! У некоторых людей прополис вызывает сильную аллергию. Поэтому те, у кого появляются отеки после пчелиных укусов, прополисом не пользуются.

К сожалению, не так уж много лекарственных препаратов с прополисом мы можем найти в аптеках. Иногда появляются мазь «Пропоцеум», капли от насморка с прополисом да баллончики с аэрозолью «Пропосол». Вот и все, что можно перечислить. А жаль.

Е. Курапова

Рисунок Е. УСКОВОЙ.

ПОШЕЛ ТЫ... В БАНЮ!

Ходите ли вы в баню? Да, да, в самую настоящую: с парной, вениками, дождевой или ключевой водой?

Если ходите, то вам можно только позавидовать. А если нет, но у вас есть возможность в баню попасть — у бабушки в деревне, на даче, у родственников,— то начните туда ходить.

Правда, сначала спросите у врача — не противопоказано именно вам париться? Будем надеяться, что ответ будет положительный. Тогда собирайтесь в баню **вместе со взрослыми.** Без них в бане никак не обойтись: взрослые — люди опытные, и попарят вас всласть, и научат, как в бане себя вести, и веником умеючи похлещут...

«Баня,— говорил своим ученикам великий греческий философ Сократ,— очищает не только тело, но все мое существо... Если человек сам следит за своим здоровьем, то чаще всего он не нуждается во врачах, ибо знает, что ему всегда полезнее для здоровья».

Сержант Сергеев, находившийся почти безотлучно в течение шестнадцати лет рядом с Александром Васильевичем Суворовым, вспоминал: «В бане Суворов выдерживал ужасный жар на полке, после чего на него выливали ведер десять холодной воды и всегда два ведра вдруг».

А великий певец Федор Иванович Шаляпин! «Любил я с отцом ходить в баню... Там мылись и парились мы часами, до устали, до изнеможения. А потом, когда ушел я из дому, помню: в какой бы город я ни приезжал, первым долгом, если хоть один пятак был у меня в кармане, шел я в баню и там без конца мылся, намыливался, обливался, парился, шпарился — и опять все сначала».

Теперь немного о банном венике. Они бывают самыми разнообразными — и березовые, и дубовые, и эвкалиптовые, и крапивные, и хвойные. Сразу все и не перечислишь! Помогают веники от разных недугов: березовый — от ревматизма, подагры; дубовый — от потливости ног, при некоторых кожных заболеваниях; эвкалиптовый излечивает от болезней бронхов, горла, носа; крапивный — от ломоты суставов, ревматизма, радикулита.

Вы можете сами приготовить себе банный веник. Ну, хотя бы березовый. Он должен быть с нестарыми листьями, чуть меньше полуметра, легким, с очищенными от листьев ветками — с той стороны, где за веник держатся. Связав веник крепко-накрепко, подсушите его в тени, а затем — если живете в деревне — спрячьте в стог сена. Если же вы — житель городской, то храните веник в полиэтиленовом мешке в холодильнике, а зимой — на балконе.

Иногда, когда надо идти париться, веник оказывается пересушенным. Тогда распарьте его в горячей воде прямо в бане. Но держат в воде веник недолго, иначе он потеряет аромат. Есть и другой способ «восстановить» пересохший веник: его замачивают в холодной воде на 10—15 часов, а затем заворачивают в сырую тряпку. С такого веника листья облетают не сразу, получается он более долговечным.

А горячим настоем банного веника хорошо мыть голову — волосы укрепятся, пропадет перхоть.

Ну, читатель, теперь мы с полным правом можем сказать тебе: «Пошел ты в баню!» И добавить: «С легким паром!»

И. АНАТОЛЬЕВА.

* * *

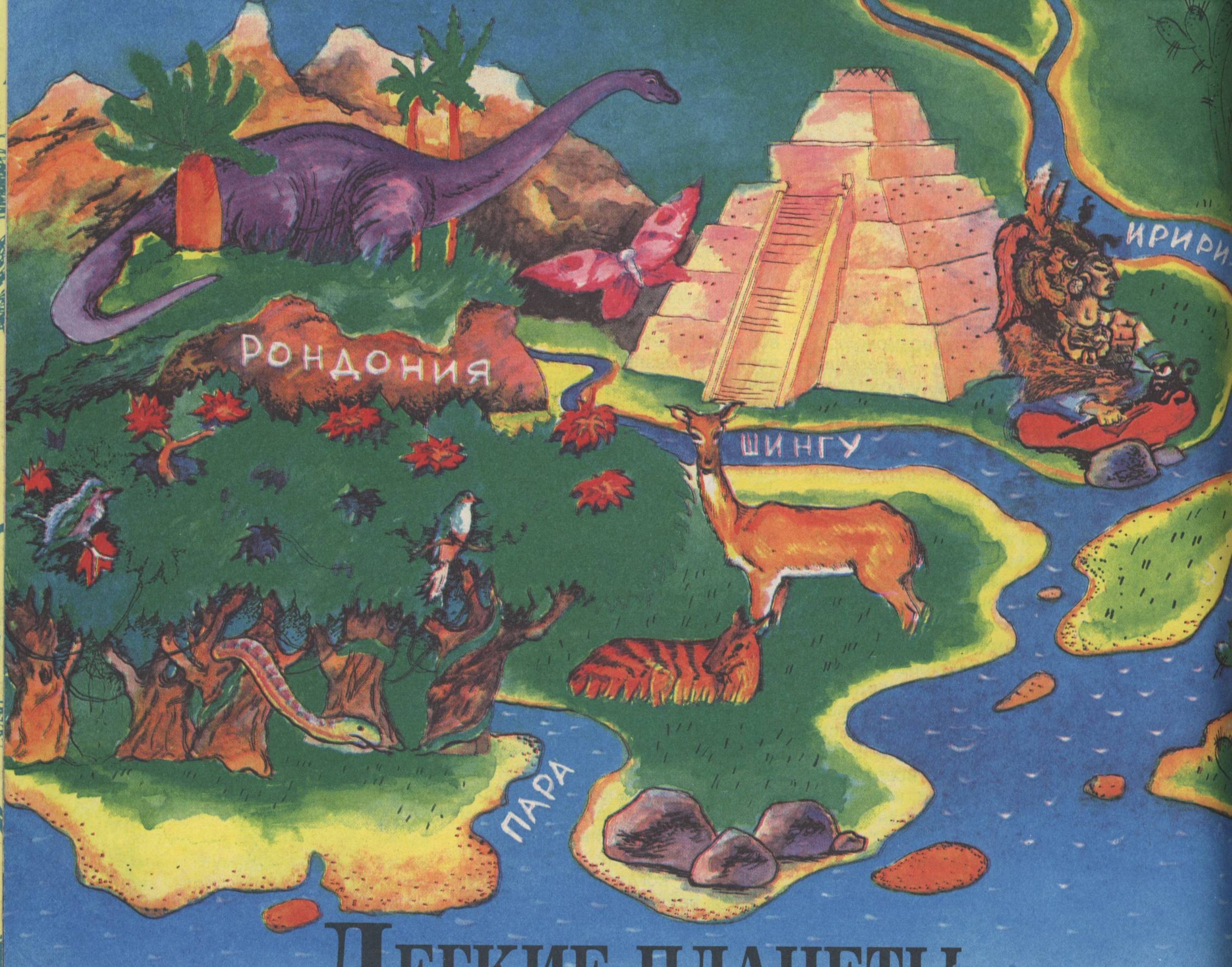
В конкурсе «Самое трудное задание» (№ 8, 1990 г.) победила Оля Бродская из Приморского края — единственная из 457 участников. Вот правильные ответы на народные загадки: 1. Морковь. 2. Лук. 3. Дождь. 4. Роса. 5. Ласточка. 6. Лен. 7. Гусь. 8. Лягушка. 9. Иней. 10. Телега.

Поздравляем, Оля!

* * *

Дорогие читатели! В этом выпуске «Зеленой кареты» мы решили не публиковать новую викторину. А хотим обратиться к вам вот с каким заданием: ПРИСЫЛАЙТЕ В «ЗЕЛЕНУЮ КАРЕТУ» ТЕ НАРОДНЫЕ РЕЦЕПТЫ ОТ РАЗЛИЧНЫХ НЕДУГОВ, КОТОРЫМИ ИЗДАВНА ПОЛЬЗУЮТСЯ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ. Расскажите нам, от кого вы получили тот или иной рецепт. А лучшие народные, то есть ваши, рекомендации-рецепты — ОПУБЛИКУЕМ.

ЛЕГКИЕ ПЛАНЕТЫ

«На далекой Амазонке не бывал я никогда, Никогда туда не ходят быстроходные суда», — мечтал об этом крае Редьярд Киплинг.

Сегодня в Амазонию, где, представьте себе, никогда не жили мифические амазонки, попасть легче, чем представлялось поэту много лет назад. И хотя это не «пуп» Земли, Амазония — именно то место, от состояния «здоровья» которого зависит во многом здоровье всей планеты и землян.

Хорошо известно, что Амазонка — крупнейшая и длиннейшая река планеты. Зарождаясь в перуанских Андах, 6700 километров она царственно течет на восток, к Атлантическому океану. Около 1100 притоков впадают в эту величественную реку, и ближе к дельте она уже похожа на море. Бассейн Амазонки, покрытый тропическим лесом — сельвой, занимает площадь почти в 8 миллионов квадратных километров. Большая часть амазонской сельвы приходится на Бразилию. А вообще ее делят между собой Перу, Боливия, Колумбия, Эквадор, Гайана, Суринам, французская Гвиана и Венесуэла. (Что, кстати, по площади примерно равно нашей отечественной сибирской тайге.)

Сельва похожа на небоскреб. Обитатели верхних этажей никогда не спускаются на нижние, а жителям подвала не одолеть путь снизу до тридцатого этажа — девяностометровых верхушек деревьев-гигантов. Каждый метр «подвала» населяют примерно 800 муравьев разных пород. Несмотря на такую густозаселенность, обитатели этой «коммуналки» не ссорятся друг с другом, и каждый занимает полагающееся ему место с достоинством. Высоченные вершины украшают орхидеи, способные расцветать только на самой «выдающейся в небо» точке кроны. А между этими сказочными цветами летают птицы. Они никогда не ступают на землю, по которой бродят тапиры, броненосцы, муравьеды и местный царь зверей — ягуар.

Таинственная часть Амазонии — Рондония — и сегодня, в конце двадцатого века, похожа на знаменитый «затерянный мир», описанный Конан-Дойлем. Там есть заповедное плато, где живут звери и цветут растения, до сих пор как следует не изученные учеными.

Но когда «затерянный мир» был открыт, заветные уголки стали более доступными, началось разрушение Амазонии. Сельву, поставляющую кислород для планеты, стали хищнически вырубать. На освоение новых земель ринулись сотни тысяч людей, тем более что 70 процентов крестьян Бразилии не имеют земли. Поток переселенцев стимулировался лозунгом «Земля без людей для людей без земли». Хорошо, что кресть-

яне получили землю: этим был предотвращен социальный взрыв. Но этим же была заложена и бомба замедленного действия — началась подготовка для другого взрыва, экологического.

В зеленом ковре сельвы появились проплешины. Леса вырубаются без всяких планов и безжалостно. Каждый год от сельвы, как от гигантского пирога, отрезают по куску в 80—100 тысяч квадратных километров. Одна плотина, сооруженная на реке, привела к затоплению 2360 квадратных километров. Погибли леса ценных пород и животные. Вынуждены были уйти с родных мест индейцы.

В погоне за полезными ископаемыми и ценными минералами — в Бразилии есть и золото, и серебро, и железо, и бокситы, и марганец, и изумруды, и редкие металлы, использующиеся для космических исследований,— уничтожаются деревья, не растущие больше нигде в мире. По мнению ученых, занимающихся проблемами тропического леса, если сохранятся нынешние темпы «освоения» сельвы, то через тридцать—сорок лет зеленая Амазония превратится в «красную пустыню». Другие экологи убеждены: то, что происходит на наших глазах, равносильно гибели динозавров 65 миллионов лет назад.

Может быть, нам сегодня не так и плохо без гигантских ящеров — и без них на земле тесновато,— но ведь вместе с ними исчезли и многие другие, не столь огромные, более симпатичные существа...

Сведение лесов на планете усугубляет и «парниковый эффект», то есть ведет к такому потеплению, которое может дать импульс великой климатической катастрофе.

Председатель бразильской партии «зеленых» Фернанду Габейра сильно озабочен состоянием «легких планеты».

— Такое освоение сельвы, как уничтожение лесов и экономическая их эксплуатация,— говорит он,— нельзя назвать прогрессом. Когда в недрах тропиков создаются огромные полуподпольные империи, главная цель которых выжать побольше денег, это ведет исключительно к уничтожению будущего Земли. А такие империи существуют. Например, в конце 70-х годов американец Даниель К. Людвиг в устье Амазонки захватил около 12 000 квадратных километров сельвы, проложил 75 километров собственных железных дорог, построил 15 взлетно-посадочных полос. Даже столицу основал — Монте Дорадо, что в переводе обозначает «Золотая гора».

К счастью, тревогу бразильских «зеленых» разделяют во всем мире и приступают к работе по спасению «легких планеты». Составляются комплексные планы по цивилизованному использованию богатств Амазонии. Вопрос о спасении Амазонии стал наиважнейшим в программе по окружающей среде, за которую в рамках ООН отвечает организация ЮНЕП.

Человек пользуется дарами природы. Но при этом он должен помнить, что природе он обязан жизнью. Иначе — при всем уровне развития технического прогресса — жизни на Земле не будет.

Ю. ГУСЕВ

Рисунок К. ШИТОВА.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Не ори!

«Наша математичка орет на нас, будто мы какие-то дебилы, обзывает дураками, психами, но, когда на уроке сидит другой учитель или завуч, она сразу становится доброй».

Таня Дергачева, г. Красноярск.

Ситуация, хорошо знакомая каждому школьнику. К сожалению, есть учителя, которые кричат на ребят, оскорбляют их, могут и ударить, а на открытых уроках на них только смотрят и любуются. Перед глазами у ребят постоянно находится пример лицемерия, двоедушия.

По поводу письма Тани и других подобных писем я говорила **с Всеволодом Васильевичем Борисовым, членом комиссии по образованию при Моссовете, депутатом Моссовета.** Всеволод Васильевич сказал, что если дела на уроках обстоят действительно так, как пишет Таня, то ничего хорошего здесь нет. Еще не было случая, когда крик помогал ученику добиться успехов. И для учителя тоже полезнее уважительное отношение к ученикам, ибо только так можно достичь лучшей успеваемости. Нельзя унижать в ребенке человеческое достоинство: ведь если ученик поверит, что ничего не стоит, он и вырастет ничего не стоящим. С самых ранних лет ребенку нужно внушать, что он полноценный, полноправный гражданин.

— Но ведь надо бороться с учительским криком в школе? Как, по вашему мнению, следует это делать?

— Можно писать об этом в тех газетах, которые читают учителя. Школьники должны выступать на школьных советах, учкомах. Но не нужно сразу «воевать», лучше попытаться найти общий язык на основе взаимного уважения. Ученикам надо проявить инициативу в поисках контактов с учителем. Полезно сказать педагогу: «Мы будем лучше заниматься, если вы не будете на нас кричать».

В заключение Всеволод Васильевич подчеркнул, что учитель обязан уважать в ученике человека и только тогда может рассчитывать на ответное уважение.

Светлана Князева, г. Москва

ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

«...нельзя покупать жевательные резинки у цыганок?»

С. Г., г. Находка.

Хотя я убеждена в том, что лучше всего мудрости учат свои собственные шишки, я все же попытаюсь поделиться с вами личным опытом знакомства с цыганками. Лелея высшую надежду, что хотя бы один из десяти наших читателей после прочтения этой заметки произнесет: «Ну уж нет, таким дураком я никогда не буду!»

Для москвичей давно уже стали обыденным явлением снующие в толпе у Рижского рынка шустрые смуглянки в цветастых платочках, то и дело выкрикивающие: «Девочки, девочки, помада!» или «Мальчики, кому сигареты?» или наконец «Жвачки, жвачки!» Вот туда-то я и отправилась.

Говорят, цыгане очень проницательны. Жульническое их мастерство, которое основывается на богатом опыте в облапошивании людей и наличии некоего особенного таланта, позволяет им безошибочно выхватывать из толпы подходящую жертву — из самых простодушных.

К счастью или к несчастью, мое лицо оказалось как раз из разряда наиболее притягательных для цыганок. Стоило мне появиться, словно из-под земли выросла передо мною пожилая цыганка и, с надеждой заглядывая в глаза, предложила жвачки. Купив две штуки за трешник, я приступила к разговору.

— Откуда у вас товар? — спросила я, пытаясь изобразить наивное любопытство.

— Польские.

— У вас прямые связи с Польшей?

— Э, девочка.— Глаза моей собеседницы наполнились невыразимой грустью, в них мелькнул даже укор.— Разве это обязательно знать?

Вдруг цыганка, ни слова не говоря, вырвала из моей головы волос и зашептала скороговоркой:

— Ты, девочка, слушай! У меня дар от Бога: могу лечить, могу калечить. Ты хорошая, я тебя научу, как счастливой стать. Люди мне много платят, кое-кто 100—150 рублей за гадание дает. Но от тебя мне ничего не надо. Ты ведь бедная?

— Бедная! — с готовностью ответила я.

— Ну, так мне твоих грошей не надо. Слушай меня: волос ты ночью на кладбище отнесешь и молитву там прочитаешь. Только...— цыганка несколько сконфузилась,— его бы **в бумажку** завернуть, а не то ведь заболеешь, погибнешь, беда будет. Да нет, не в такую. И не в такую. Красненькая есть? — спросила она, раздосадованная моим непониманием.— Ты не волнуйся, мне твои гроши не нужны,— продолжала она, открывая неведомо как перекочевавший из кармана моей куртки в ее руки кошелек и вынимая из него последние семь рублей, оставшиеся до стипендии. Деньги она быстро скомкала в руке и ласково взглянула на меня своими честными глазами.

— Вы хоть кошелек оставьте,— попросила я безнадежно.

— Ты, девочка, не скупись. Ты слушай дальше, на кладбище ночью не всякий сможет пойти. Нужна воля. Сумеешь? — Последнее слово цыганка произнесла с такой искренней суровостью, такой наивной показалась мне вера ее в мою глупость, что я, не удержавшись, рассмеялась.

— Ах, ты смеешься, проклятая! — вскричала цыганка, плюнула с презрением и мгновенно растворилась в толпе, не забыв захватить и кошелек с «грошами».

Признаюсь, я очень благодарна моей цыганке за отличный урок, обидно только, что так жестоко она меня обманула: ведь жвачки оказались не польские, а арабские, судя по обертке.

Сергей Вячеславович Волнухин, в недавнем прошлом сотрудник Пресс-службы ГУВД,

Читай стр. 36.

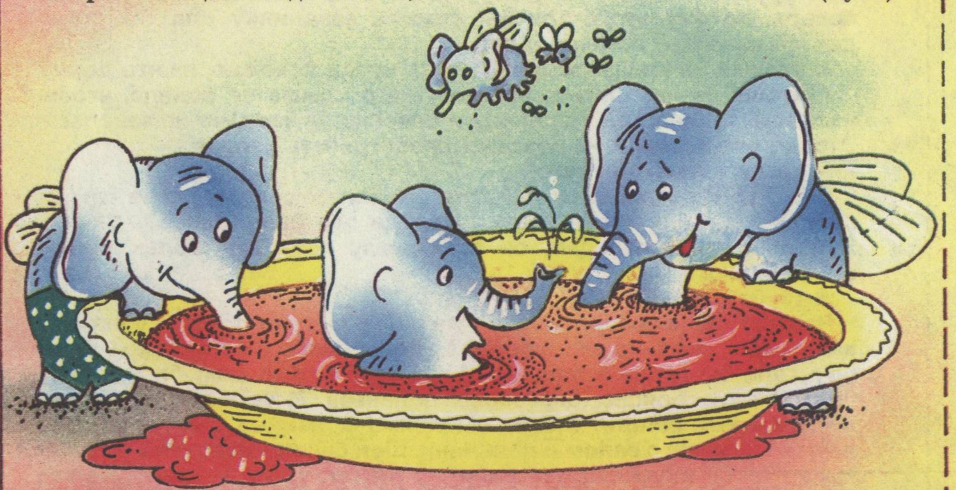
Дмитрий ФИЛИМОНОВ

ПРЫГ-СКОК

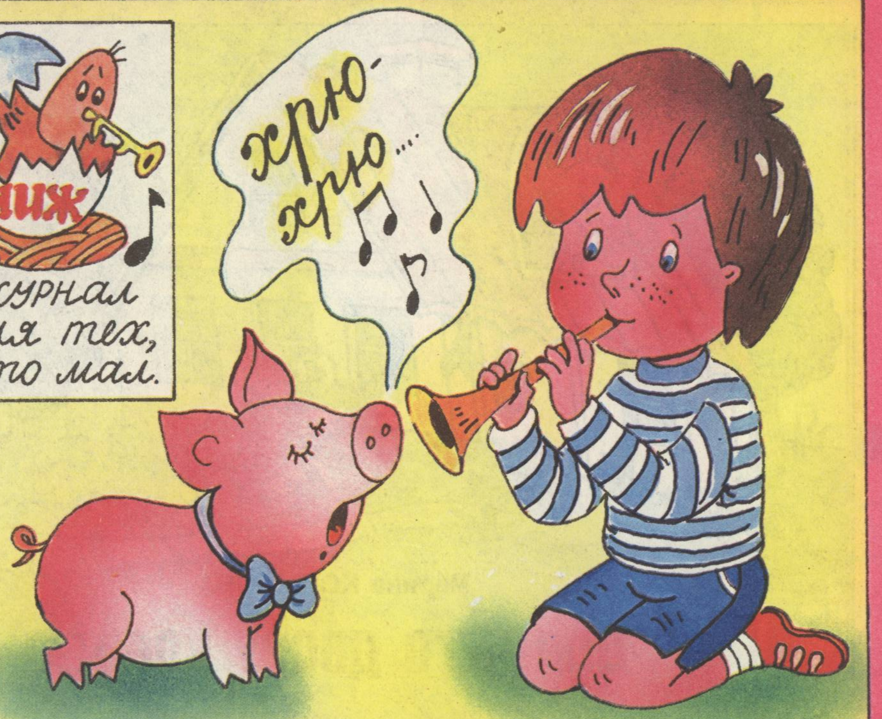
СЛОНЫ

Наступила весна.
Прилетели слоны.
И на каждом слоне –
из нейлона штаны:
золотые, зеленые, синие.
Глянцевые.
Красивые.
И под люстрой слоны,
не пугаясь ребят,
над столами кружатся,
в тарелки глядят.
Зазеваешься –
сядут в тарелку,
все, что есть на тарелке,
съедят.
И гоняются за слонами,
пролетающими над столами,
бабушки с полотенцами,
мамы с грудными младенцами,
сердитые папы с газетами толстыми
и старшие братья
со старшими сестрами.
А слоны летают.
Слонам хоть бы хны!
Потому что они
не простые слоны.
Не четыре у них,
а шесть ног.
И не хобот у них –
хоботок.
И цветные штанишки на брюхе.
Не слоны это вовсе,
а...

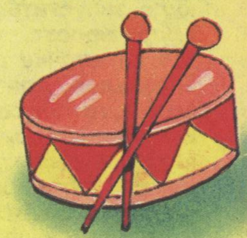
(мухи)

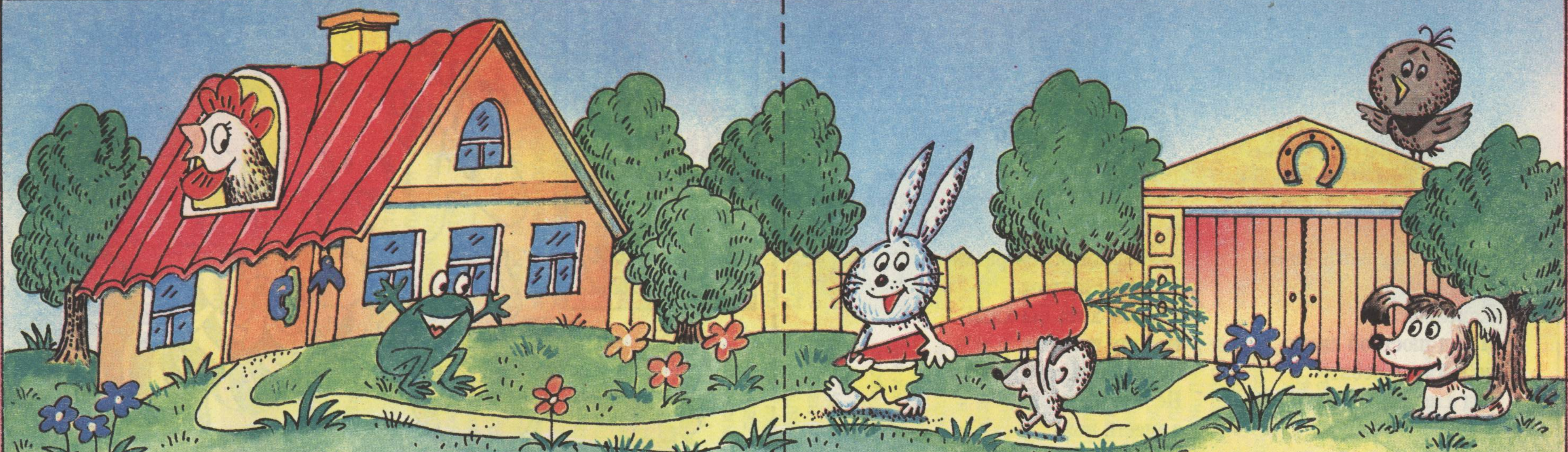
ЧИЖ
журнал для тех, кто мал.

ПОРОСЕНОК ТОМА
(из английской детской поэзии)

У маленького Тома
есть поросенок дома.
Он ни большой,
ни маленький,
ни толстый,
ни худой,
ни низкий,
ни высокий,
ни узкий,
ни широкий,
он говорить не может,
но хрюкает с душой!

Марина КОПЫЛОВА

ДЛЯ ЧЕГО ДВОРУ ВОРОТА

Для чего двору ворота? Правильно, чтобы конь прошел и воз с сеном и дровами проехал; на случай свадьбы — было бы куда запустить шумную ораву гостей. Именно для этого нужны двору ворота.

А калиточка только для пеших странников нужна, для соседей и соседок, для дочки хозяйской, чтобы к мальчишкам на улицу бегать, чтобы сваты проходили по одному, чинно, не толкаясь, как в очереди за одеколоном; для маленьких мальчишек и девчонок, которые бегают к бабушке за малиновым вареньем и пирожками, нужна калиточка с простеньким слабеньким засовчиком, чтобы одним пальцем открывался. А не с секретным японским замком и не с амбарным, конечно!

А для чего тогда забор дому?

Чтобы ураганом редиску не вырвало с грядки — для чего ж еще?!

Про окна ты даже не спрашивай: это ужас как длинно рассказывать, зачем они дому. Он бы и рад иногда не смотреть на то, что вокруг происходит, да ставни оторваны давным-давно городскими туристами какими-то. Теперь, наверно, в музее стоят, в Москве... Вот так и пялится день и ночь на все вокруг этот дом несчастный — и в непогодь, и ясным летним утром,— и нет ему ни сна, ни покоя.

Завалинка — это чтобы картошка зимой в подвале не померзла. Это так Гóра-дурачок говорит, но ему никто не верит, а все говорят, что завалинка для того, чтоб на ней сидеть, когда в доме магнитофон врубают на всю катушку и делать нечего... Но это тоже неправда, потому что стали бы строить завалинку для тех, кому делать нечего,— больно надо!

А окошки на крыше маленькие, на месяц похожие, на что дому?

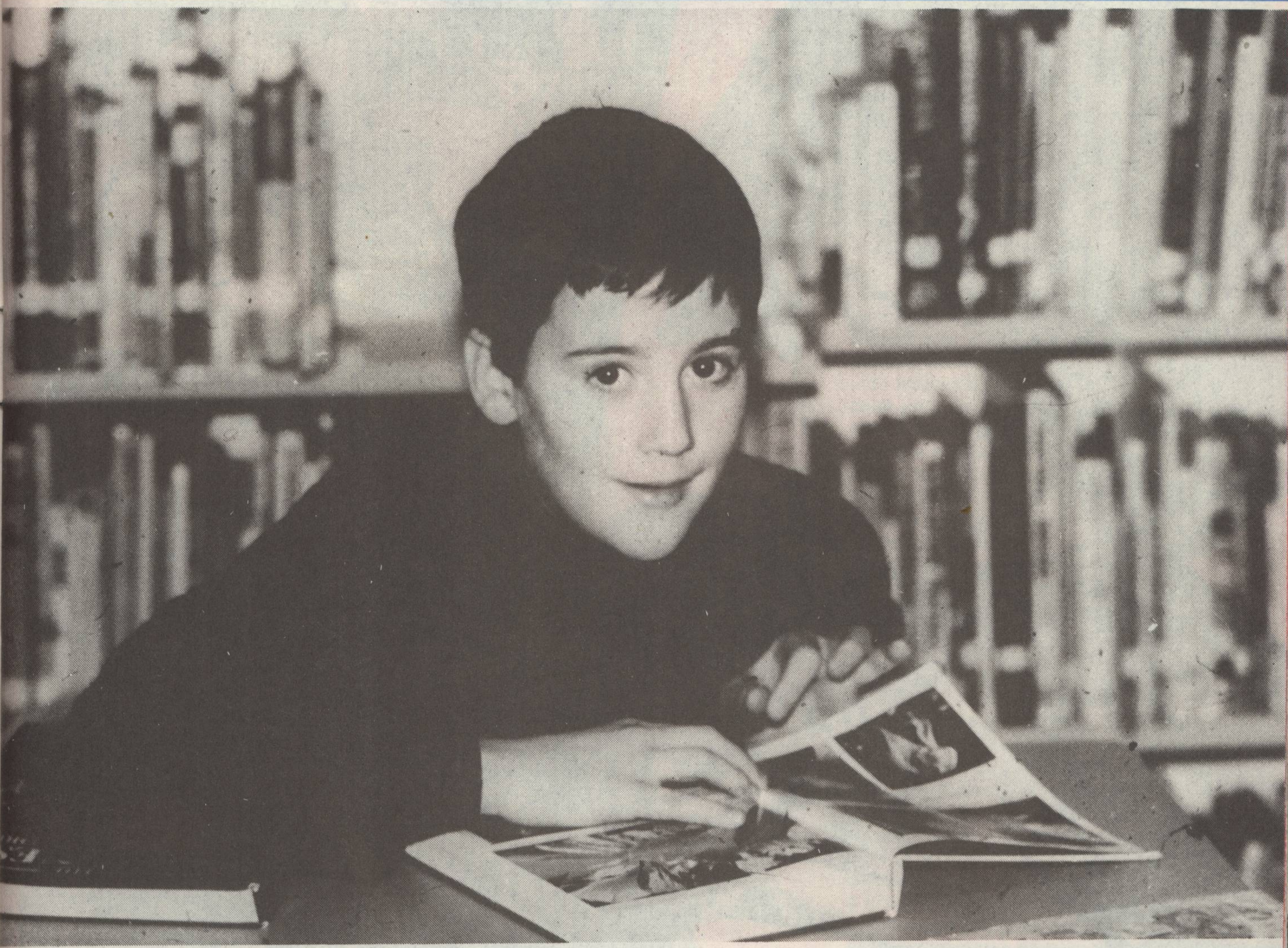
А чтобы не накаляться, чтобы у него крыша не болела, чтобы насквозь талая вода не капала и плесень на чердаке не завелась. Это же очень важно — вовремя проветривать чердак...

А крыша дому для чего?

Ну!.. Где ж ты видел лысый дом? Чтобы все старое, что на чердак выносят, да вдруг бы открылось, где это было такое?! Скажи. Я дяде Никите передам, он туда сразу поедет в фольклорную экспедицию.

А труба?..

Чтобы гудела весело, когда тяга в печке есть. Чтобы все окрестные волки, сколько их ни бродит по заброшенным огородам, заворачивали бы прочь отсюдова. И чтобы снег всю зиму был белый-белый — от горящих березовых поленьев. И человек в поле не потерялся в метели, а шел бы прямо к нам на дым и на гуся жареного, кашу с салом и пельмени. Шел бы и думал: «Раз у них из трубы такой вкусный дым валит — значит, у них и все остальное хорошо».

ПРОГУЛКА ПО ШКОЛЕ

Пираты чуть было не захватили меня в плен. Не знаю, что именно помогло — обещание обратиться в ООН или появление директора. Впрочем, я не сразу поверила, что передо мной настоящий директор. Ведь директор, как мне показалось, и был главарем пиратов. Ибо по взмаху руки восьмилетние пираты, раскрашенные в лучших традициях морских разбойников, удалились на корму... То есть, простите, в класс. А главарь — то есть директор школы Вера Нурдал — пригласила меня для беседы с глазу на глаз в капитанскую каюту... то есть кабинет директора.

С давних лет испытывая чувство почтения к кабинету директора, я первым делом и поинтересовалась, почему в кабинете нет ковра. Вера не поняла.

— Куда же вы вызываете нерадивых учеников и учителей?

— А-а, понятно,— заулыбалась Вера Нурдал.— Никуда. Это не в моих правилах — вызывать на ковер.

— Тогда, уважаемая госпожа директор, объясните, пожалуйста, почему у вас по школе пираты бегают?

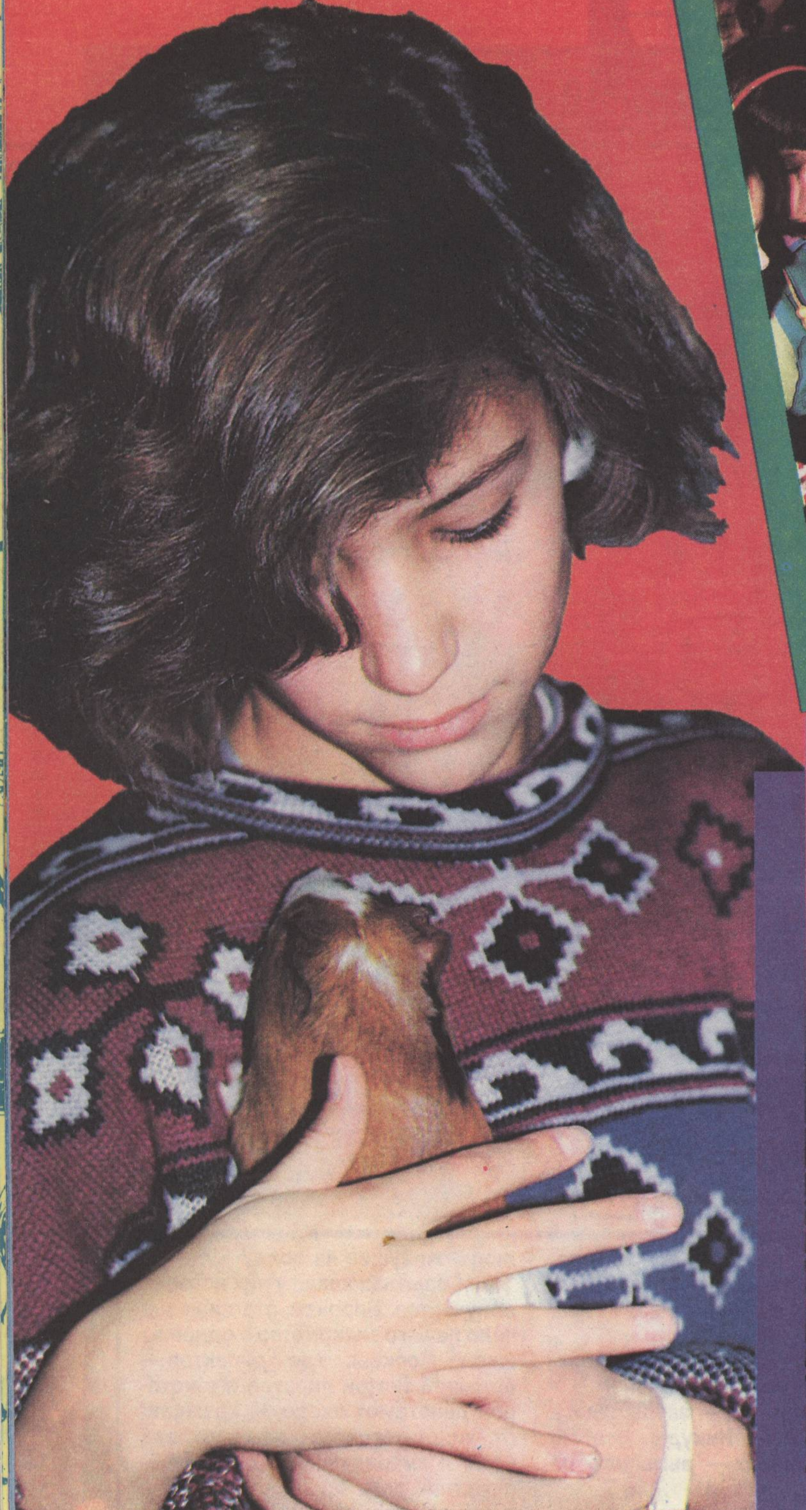
— Это я своим ученикам историю преподавала.

— Новые методы в преподавании?

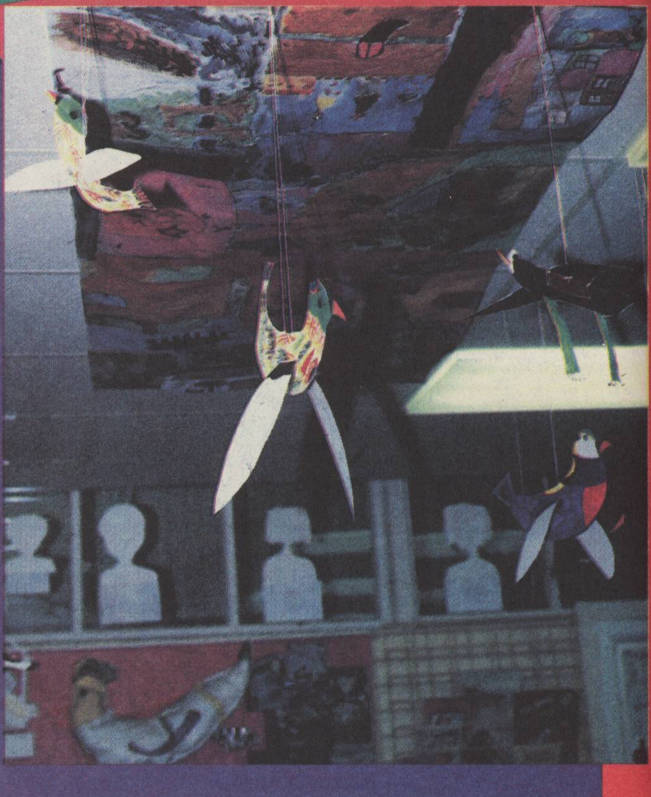
— Для меня старые... Мы с восьмилетними ребятами весь этот год учили историю народов, живших на морях и океанах. «Прошли» викингов, жителей Аляски, Японии... А теперь вот очередь пира тов настала. Ведь согласитесь, что они люди, живущие на воде?

Любопытная какая у них история получается. Впрочем, это лишь начало нашего знакомства с одной из школ Москвы, где директор — большой знаток пиратов и в которой действуют около 30 кружков: от кондитерского до верховой езды и американского футбола,— а учатся дети из 35 стран мира, и все говорят по-английски.

Это дети путешественников. Людей, которые по роду работы вынуждены переезжать из страны в страну, менять образ жизни, приноравливаться к новым условиям. Не будем драматизировать эти сложности, но они есть. И, в частности, одна из самых серьезных — собственные дети. Как их учить? Где? На каком языке? Журналисты, дипломаты, торговые представители, сотрудники консульств обычно приезжают в страну на несколько лет. Естественно, их дети

приезжают с ними.

И оказываются перед серьезным испытанием — знакомства с новой школой, новыми товарищами и учителями. Никто из ребят русским не владеет. Значит, воистину школа — их родимый дом. Ведь тут можно поговорить на своем родном языке и языке межнационального общения — английском.

Англо-американская школа в Москве спряталась на задворках Ленинского проспекта. В типично школьном здании. Здесь учатся ребята от пяти до одиннадцати лет. Их 240.

Директор школы Вера Нурдал формулирует четыре основные задачи, которые преподаватели ставят перед учениками этой удивительной многонациональной школы:

— Думать четко, творчески, продуктивно и критически. Самовыражаться как можно более полно. Применять полученные знания и навыки со всей ответственностью. И, поскольку учение длится всю жизнь, развивать в себе стремление учиться.

А все остальное приложится, если рассматривать каждого, кто учится в школе, как личность — со всеми талантами, достоинствами и национальной культурой. Мы делаем все, чтобы помочь каждому преодолеть его слабости, стать богаче знаниями и умениями.

Любимое правило Веры Нурдал, которое не прочтешь ни в одном учебнике, но действует оно и в обыкновенной, и в школьной жизни: «Выслушать несколько точек зрения, прежде чем принять окончательное решение».

Решив применить правило Нурдал, мы пошли выслушивать мнение о школе не только директорское, но и ученическое. И нам очень повезло: две шестиклассницы любезно согласились прогулять пару уроков по школе вместе с нами. Причем вдобавок оказалось, что одну из них зовут по-русски Надей, а у второй имя и фамилия русские. Правда, ни канадка Надя Робертс, ни американка Алексис Йонов все же не говорили по-русски, но это нам нисколечко не мешало.

Надя Робертс приехала в Москву с персональными учителями: ее папа преподает в школе английский и искусство, а мама учит истории, политэкономии — тому, что в англоязычном мире называется социальными науками. В Канаде они жили в Ванкувере, и Надя сейчас скучает по своим друзьям.

— В школе мне нравятся математика и перемены,— говорит Надя.— Нравится ходить на рынок, хотя на Черемушкинском рынке все так дорого,.. а в магазинах ничего нет.

Кстати, проблеме дефицита и распределения товаров одиннадцатилетняя Надя Робертс посвятила свою статью в их классном самиздатовском журнале. Меня подкупило то, что, мало страдая от проблем московского снабжения, Надя призывает своих одноклассников — читателей журнала задуматься, как же обходятся обыкновенные москвичи...

У американки Алексис — русский дед. Священник Алексей Ионов с супругой Валентиной перебрались в Америку полвека назад, и дед продолжал служить в русской церкви. Внучку назвали в его честь, и не важно, что имя это немножко мужское...

О России, таким образом, Алексис знала, едва появившись на свет... В Москве она прожила к моменту нашей встречи всего четыре месяца и главное ощущение выразила экспрессивно:

— Ва-у! — что означало полный восторг по-американски. Кстати, школа, по мнению Алексис, в Москве лучше, чем та, в которой она училась раньше. Лучше, потому что здесь больше возможностей узнать о мире и человечестве.

Надя и Алексис водили нас по школе, смело заглядывая в классы. На рисовании рисовали, в классе со специфическим названием «опасность» потели, постигая английский язык, те ребята, которые его не знают, в компьютерном классе основы программирования осваивали шестилетние ученики... Всюду нам улыбались разные люди — Юнг Джун Сио из Кореи, Ани Турунен из Финляндии, Сара Адедигба из Нигерии, Нур Мустафа из Малайзии, Даниэль Гарсия из Венесуэлы...

И, как сказала учительница английского языка и английской литературы Джоан Хоппер:

— Национальных проблем у нас нет. Проблема может быть в том, что не всегда учителя и другие ученики знают, как надо праздновать национальные праздники той или иной страны, откуда в школе есть ребята. Но это не национальная проблема — это проблема узнавания. И мы с удовольствием ее решаем.

Вместе с нашей экскурсией закончились и уроки в школе.

Фотографии А. КРУПНИКОВА.

— Хорошо провели время,— сказали мы с Алексис одновременно и засмеялись...

А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.
А. КРУПНИКОВ (фото).

СЕКРЕТЫ СО ВСЕГО СВЕТА

Сегодня все наши «секреты» посвящены необычным именам и фамилиям, которые достались по наследству людям, и те обречены с достоинством их носить всю жизнь. Конечно, для девушек существует возможность выйти замуж и сменить фамилию, но как быть с именем, если оно, например, в переводе означает: много удивительных цветов, которые цветут в горах и долинах Гавайских островов, наполняя воздух своим запахом?!

А именно так назвал свою любимую дочку хозяин гостиницы в Гонолулу, на Гавайских островах.

Кстати, одна из самых распространенных фамилий в мире — Кузнецов. В англоязычных странах в телефонных книгах больше всего значится Смитов, в немецкоязычных — Шмитов, испаноязычных — Эррера. В Великобритании Смитов более 800 тысяч, а в США их свыше 2,3 миллиона.

Однако самая «многодетная» семья в мире — это семья Чанов. В одном только Китае их 75 миллионов.

Бразилец Жоао Мос из Рио-де-Жанейро много лет внимательно следит за всеми объявлениями о рождениях и свадьбах. У него несколько сот телефонных справочников по всем провинциям страны. И нужны они ему для того, чтобы пополнять коллекцию экзотических имен.

Сейчас в его собрании двадцать тысяч необычных имен и фамилий. Среди них есть, например, такое, как Трафиканти, что означает «торговец наркотиками». А гордостью Жоао Моса является имя Импосту ди Ренда — «Подоходный налог».

Взрослые порой бывают очень странными — к такому выводу приходят дети, наделенные специфическими «говорящими» или неблагозвучными именами, почему-то дорогими сердцу и уху родителей.

Один турок из Стамбула каждый раз вспоминает маму и папу, когда ему приходится заполнять анкеты, расписываться в банке и оформлять другие документы. Имя этого человека состоит ни больше ни меньше как из сорока трех букв! В переводе на русский оно означает буквально следующее — сын героя, который носит флаг с полумесяцем и звездами.

Хорошо ли быть сыном героя?

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

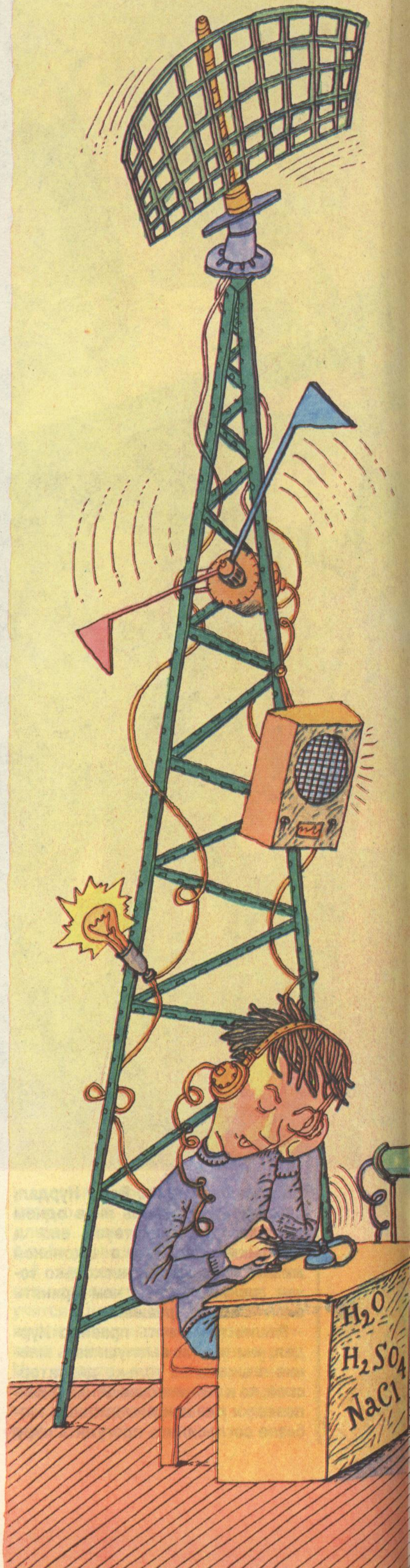
Сегодня мы предлагаем всем говорящим и пишущим по-французски начать переписываться с ребятами из Франции. Эту возможность нам любезно предоставляет журнал «Окапи», издающийся в Париже для тех, кому от 10 до 15. Сотрудники журнала берутся передать все поступившие к ним письма из Советского Союза французским мальчикам и девочкам — в зависимости от возраста и интересов корреспондентов.

Можно сочинить письмо и по-английски, и даже по-русски. Увы, шансов получить ответ тогда гораздо меньше. Но попробовать можно. Или — что лучше всего! — возьмитесь как следует за уроки иностранного в школе.

Письма отправлять надо в конверте с маркой за 52 копейки. Учтите, что письма идут довольно медленно, хотя до Франции не так уж и далеко, и особенно долго дожидаться ответа можно в первый раз — ведь журналистам из «Окапи» надо разобрать и распределить всю почту.

Писать следует так:

OKAPI
3 rue Bayard
75008
PARIS
FRANCE

Николай ХРАМЦОВ

С ПОЛЬЗОЙ ДЛЯ ДЕЛА

Учителя нам говорят, что свободное время с пользой для дела проводить надо. Но большая перемена, как обычно, началась с того, что Юрка Пузырев и Митька Крякин стали выяснять отношения.

— Ты чего?

— А ты чего?

— Сейчас как врежу!

— Только попробуй!

— И попробую...

— Это я сейчас попробую.

Неизвестно, чем бы кончился диалог и кто бы первым врезал, но тут вмешался наш физорг Саша Маликов.

— Слушайте, ребята,— крикнул он.— Бросьте ерундой заниматься. У меня есть идея. Давайте проведем соревнование.

— Опять эти соревнования,— скривились девчонки.— Все этим мальчишкам. В футбол играли, в баскетбол играли. Канат и тот перетягивали.

— Да нет,— улыбнулся Саша.— То мы соревнования для общего развития проводили, а это для пользы дела. В этом многоборье у мальчишек и девчонок шансы равны.

— Ну, говори, говори, выкладывай,— заинтересовались ребята.

— Предлагаю провести многоборье по подсказкам.

— Как это?

— А вот так. Первый вид соревнования — кто лучше всех подскажет. Второй — кто лучше всех услышит подсказку. Третий — кто сможет списать на самом большом расстоянии. А чемпиона по сумме очков определим. Ну как? — победоносно обвел нас взглядом Саша.

Мы были согласны.

Соревнования провели сразу же после уроков. Оказывается, у нас такие таланты в классе имеются! Витьке Хрюкину из коридора через стенку шептали. Все слышит!

Юрка Пузырев с последней парты самый мелкий шрифт свободно читает, вплоть до запятой. Даже удивительно, как это он с такими способностями до сих пор в троечниках ходит.

Зато Вовку Шпилькина мы прямо с соревнований к окулисту отправили. С двух метров свою же шпаргалку разобрать не может!

А как Лена Зубенко подсказывает, никто так и не догадался. Вроде с закрытым ртом сидит, а так внятно вещает, прямо как диктор по радио.

Но абсолютным победителем стала Зина Журавлева — отличница наша. Мы ей поручили с двоечниками заниматься. По подсказкам подтягивать.

А на следующей неделе у нас снова мероприятие. Конкурс на лучшую шпаргалку. Так что теперь мы свободное время с пользой для дела проводим. Учителя будут довольны.

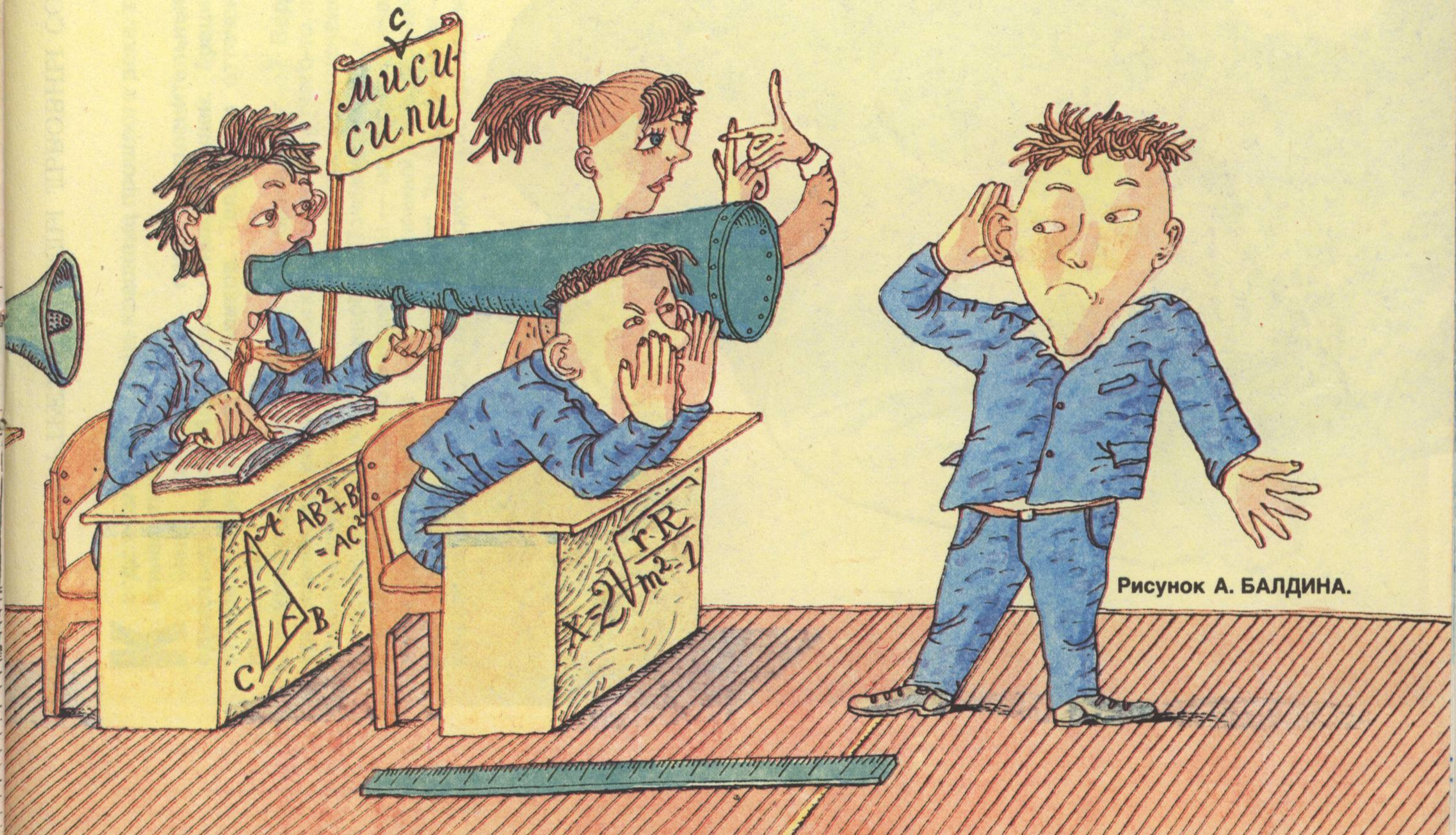

Рисунок А. БАЛДИНА.

П. Ф.Соколов. ПОРТРЕТ НАДЕЖДЫ ЛЬВОВНЫ СОЛОГУБ.

Неизвестный художник. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ.

ТЕ и ЭТИ

Когда я смотрю на лица красавиц прошлого века, то слышу тихую музыку.

Меня удивляют их глаза — пленительные, одухотворенные. И повороты нежных шей. Грация станов. Несуетливость обликов. Теплота и отточенность черт.

Неужели это чудо утеряно — и безвозвратно? Ведь красивые лица наших с вами современниц отчего-то не озарены внутренним светом вдохновения, не отмечены загадкой Вечной Женственности. Почему?

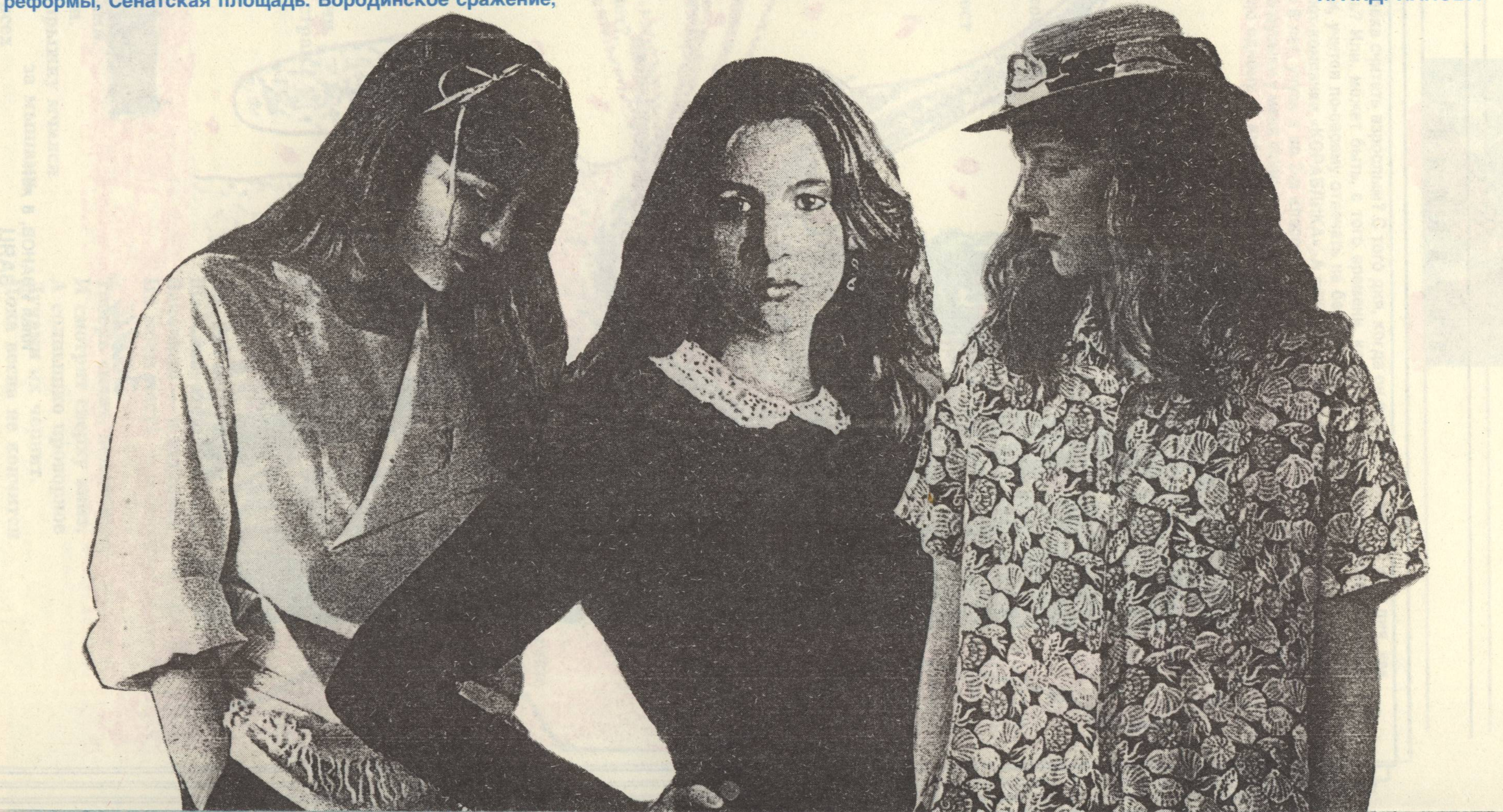
А те — акварельные волшебницы — на своих плечах несут девятнадцатый век — мозаичный, неоднозначный. Смотрите, КАК они его несут! За их плечами — реформы, Сенатская площадь. Бородинское сражение, взлеты творческого духа современников, открытия в различных областях наук. За их плечами — Пушкин, Лермонтов, Достоевский. Москва и Петербург. Малые города и большие дороги. За их плечами — история Отечества.

Нам с вами предстоит серьезно задуматься над тем, что делает красоту Красотой. И в нашем тяжеловесном, общем облике искать, оттачивать, лелеять благородные черты и высокие мысли.

Все, что я сказала,— мое личное мнение. Кто-то будет с ним согласен, кто-то нет.

Если вы думаете по-другому, то — как? Напишите. Приглашаем к разговору.

И. АНДРИАНОВА

Илья ИВАНОВ, 8 лет.
ЗАЯЦ

«КОРАБЛИК»

С какого возраста можно человека считать взрослым? С того дня, когда он кончает школу? С того дня, как начинает самостоятельную жизнь? Или, может быть, с того времени, когда впервые задумывается о жизни и смерти, о любви и преданности, учится по-своему отвечать на бесчисленные «почему»?

Вот об этом шел разговор в кают-компании «КОРАБЛИКА». А поводом к нему послужило вот такое письмо: «Меня зовут Илья Васильев, мне 8 лет, учусь я во 2-м классе 1095-й московской школы. Занимаюсь музыкой и сам ее сочиняю. А иногда вместо музыки у меня сочиняются стихи». Стихи, как видите, получаются у Илюши на редкость серьезные, хотя, судя по одному из них, он любит и пошутить!

Разговор

— Мамочка,
Когда люди умирают?
— Когда им надоест
Жить.
— Значит, мы будем с тобой
Всегда?
— Да.
— Правда, тебе не надоест
Никогда?
— Никогда.
Пока...
Я буду тебе нужна.
— Значит, всегда!

* * *

Плохо в дому одному.
Можно зажечь свет.
А может, ты —
никому?..
А может,
никого в мире нет?..
Но вот в прохожей возня.
Кто-то споткнулся.
Смех
В мокрый уткнулся
мех:
— Мамочка,
это — я!

* * *

Море — музыка в ночи!
Ты услышишь, лишь молчи.
Звезды — звуки дальних стран.
Вся Вселенная — орган.
Постоим и помолчим.
Море музыки в ночи!

Сказка

Это было что-то невероятное!
Мыши гонялись за кошками.
Кошки бегали за собаками.
А сыр на веревочке вприпрыжку мчался
за мышами.
Но тут прилетела сова и всех
успокоила.
Кошки пошли греться на солнышко.
Собака спряталась в конуру.
А сыр за веревочку утащила в норку
мышь.
Все стало правильно.
И скучно.

Настоящий весенний букет получил «КОРАБЛИК» из Владивостока. Прислали его члены поэтического клуба «ОРБИТА» Первомайского Дома пионеров. Ребята ничего не пишут об этом, но мы думаем, что у них, наверное, был конкурс на лучшее стихотворение о весне, поэтому столько стихотворений на одну тему. Три из них «КОРАБЛИК» принял на борт.

Аня ХУСНУЛИНА, 10 лет.

Солнце, землю нагревая,
Гонит с нашей горки лед,
Тает баба снеговая
И ручьями слезы льет!

Оля КАЛИНОВСКАЯ, 11 лет.

О птичке

Трудно стихи сочинять без привычки.
О чем написать? Напишу я о птичке.

Птичка все лето порхала и пела.
Осень настала. Она улетела.

Жду с нетерпеньем я снова апреля,
Чтобы услышать веселые трели.

Юля СОБУРКИНА, 13 лет.

Веснушки

Ох, эти веснушки,
Шальные конопушки!
Вскочили — и остались
На моем носу!

Теперь сидят, довольные,
И смотрят сверху вниз,
А солнышко проворное
Лучами их чернит.
Пока весна не кончится
Слезать им не велит.

Начало на стр. 24.

а ныне народный депутат Пролетарского райсовета, комментирует:

— Я бы не рекомендовал детям покупать эти жвачки. То, что продают на Рижском рынке лица цыганской национальности,— доморощенная продукция, кустарщина. Мало ли что они могут туда засунуть? Ведь никто не проверяет.

А в случае, если после общения с цыганками у вас исчезнет кошелек или иная ценная вещь, С. В. Волнухин советует немедленно написать заявление об этом происшествии в местное отделение милиции. Тогда этим делом займутся.

Екатерина МАКСИМОВА, студентка.

НУ И НУ!

Человека имя красит?

«Меня совершенно не устраивает мое имя. Могу ли я его изменить и зарегистрировать сей факт? Или это разрешается делать только известным людям?..»

Юля В., г. Печора.

Чтобы помочь Юле разобраться в этом вопросе, я поехала в один из загсов г. Москвы на Варшавском шоссе. Там мне сказали, что имя можно поменять только при получении паспорта в 16 лет. В подтверждение этих слов можно привести отрывок из книги Е. М. Ворожейкина «Молодым супругам о браке и семье, правах и обязанностях»: «...давая ребенку имя, родители должны думать о его интересе. Ведь ему всю жизнь носить избранное родителями имя. Если оно окажется неудачным, это доставит ребенку много неудобств и переживаний. А ведь изменить имя (как и отчество, и фамилию) можно лишь по достижении совершеннолетия, не ранее».

«Получается, что оставаться тебе Юлей до получения паспорта»,— подумала я об авторе только что процитированного письма. Но тут в памяти всплыл рассказ Ирины Викторовны Кирсановой, бывшей преподавательницы кружка журналистики во Дворце пионеров, о том, как она хотела переименовать своего маленького сына Алешу в связи со сложившимися в семье обстоятельствами. Помню, наши кружковцы страшно удивились, когда Ирина Викторовна рассказала, что в милиции ее заставили собирать подписи жильцов подъезда.

Какая потрясающая глупость! Ведь, кроме ребенка и его родителей, никто не вправе решать вопрос о замене одного имени другим.

Подумай, Юля, если ты так хочешь поменять свое имя, дождись шестнадцати лет, осталось немного. Зачем таскаться по жильцам подъезда, которым, конечно же, все равно, как тебя будут звать: Мариной, Светланой или Леокадией.

Настя НИПАН, 9-й класс, шк. № 14, г. Москва.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Носить ли крестик?

«Я — крещеная. Но никогда не носила свой нательный крестик. Сейчас чувствую в этом потребность, потому что во многом разуверилась, многое заново осознала. Так могу ли я теперь носить крестик, данный мне при крещении?»

Лиля С., г. Москва.

На подобные непростые вопросы в нашем «Агентстве» отвечает **священник, отец Михаил Дронов.**

— Этой девочке и всем детям, которые начали задумываться о вере, надо прийти на исповедь к священнику, рассказать о желании начать жить духовной жизнью, участвовать в церковной службе.

Любое сомнение в вере само по себе продуктивно. И важно, чтобы человек прошел в своих размышлениях до конца. Тогда начнет понимать, что ему надо ходить в церковь, носить крест. А крест — это символ любви Божьей. Напоминание о его любви. Но, конечно же, если человек не живет духовной жизнью, то ношение крестика ему ничего не даст...

ПОРА ОТКРЫТИЙ

Скоро лето — пора открытий. Об одном из них — рассказ нашего юнкора.

Как я катался на лошадях

Летом мы с мамой ходили за грибами в ближний и дальний леса. В ближнем лесу мы собирали грибы, а в дальнем все время утыкались в обветшалый забор, за которым иногда раздавалось ржание лошадей.

Мы долго не могли понять, зачем там лошади. Но нам помогли мои друзья — Федя и Егор. Они сказали, что кто-то арендовал конюшню и разводит лошадей. А если попросить, то дадут покататься.

Когда мы пришли на конюшню, нам ответили: «Хотите кататься — убирайте конюшню». Мы стали убирать конюшню: возили опилки, носили воду, очищали стойла от навоза. Я подходил к лошадям, брал сено, складывал его в крепкий пучок и давал конец лошади. Лошадь брала конец и тянула к себе. Иногда она даже поднимала меня в воздух.

Когда нам дали лошадей, мне попалась тихая, смирная лошадь, но очень упрямая. Вначале все лошади шли шагом, и моя вела себя спокойно. Потом лошади перешли на рысь, но моя продолжала идти спокойным шагом. На нее повела прикрикнули, она и ухом не повела. Тогда ее подстегнули хлыстом, и она, не предупредив меня, помчалась галопом. Я продержался в седле несколько метров и упал, мягко приземлившись на опилки. Лошадь спокойно стояла в сторонке как ни в чем не бывало. Я снова сел на лошадь и опять поехал. На этот раз я ехал спокойно и больше не падал.

Однажды мне дали лошадь, которая ходила по кругу в любую сторону и около забора. Она прижимала меня к забору, проверяя на прочность и твердость. Я держался в седле из последних сил, когда она кончила проверку и убедилась в прочности моего тела. Потом стала подчиняться моим командам. Но вот настала пора уезжать в город, и мне пришлось проститься с лошадьми и конюшней на холодную и, может быть, долгую зиму.

Андрей Туманов, г. Москва.

Выпуск подготовил А. Муханов.

Во 2-м и 3-м номерах журнала мы начали повесть Людмилы Матвеевой «Прогульщик». Бабушка главного героя, Гоши Нечушкина, решила отдать его в интернат, потому что его мама уехала неизвестно куда, а бабушке не хотелось за ним ухаживать. В интернате Гоша почти сразу вступил в конфликт с местным вожаком и задирой Вовкой Климовым, но решил в обиду себя не давать. Жизнь в интернате шла своим чередом, ребята мечтали о жизни дома, учились, рассказывали после отбоя страшные истории. Но вот в их жизни наступило и особое событие: они стали в свободное время работать на фабрике игрушек, и за это им должны были заплатить настоящие деньги...

Людмила МАТВЕЕВА

ПРОГУЛЬЩИК

Повесть

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО В №№ 2, 3.

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

Бутылка с клеем

Гоша ложится спать и сразу вскакивает. В бок впивается что-то твердое. Заглянул под простыню — там бутылка с клеем. А ребята посмеиваются.

— Кто? — хмуро смотрит на них Гоша. Но можно не спрашивать. Климов, конечно. Другие тоже не голуби, но Климов — это Климов. Он и не отпирается, хохочет.

Надо бить. Сразу и крепко. Почему медлит Гоша? Нет, он не боится Климова, хотя Вова здоровее Гоши и дерется злее. Просто связываться неохота. Вот и все. И сразу находятся оправдания. Климов вот-вот уйдет из интерната — чего же с ним связываться? Кончится же когда-нибудь эта волынка с усыновлением. Десять раз в день Климов повторяет: «Меня усыновляют, еще немного осталось. И я от вас уйду. А вы тут кукуйте».

И кому говорил-то! Лиде Федоровой. У нее сразу полные глаза слез. Ее-то родная мать забыла, месяцами не приходит. Близко живет, но даже по воскресеньям не приходит никогда. Да разве одна Лида? Все мечтают, чтобы их усыновили. А усыновили одного Климова.

Гоша пульнул в Климова бутылкой с клеем, но промахнулся. И Климов захихикал еще ехиднее:

— Стрелок без ума! Тоже меткий нашелся!

— Ох и гад ты, Климов,— почти мирно вдруг сказал Гоша,— скорее бы тебя усыновили. Выкатился бы ты отсюда.

Климов почему-то не отозвался. Чего это он? Гоша удивился. Чтобы Климов промолчал — так не бывает.

А Вова Климов уже не хохотал. Он повернулся вдруг к стенке и сделал вид, что спит крепким сном.

— Вова, ты спишь, что ли? — спросил Женька Палшков.— Давай страшные истории рассказывать, Вова.

— Сплю. Выруби звук.

В спальне постепенно стало тихо. И скоро все заснули. Потому что давно известно: если не бросать друг в друга подушками, не рассказывать страшные истории, не смеяться и не прыгать по кроватям, засыпаешь довольно быстро.

Тихо посапывает спальня, только Вова Климов лежит и смотрит в темноту. Он один знает, почему не хочется ему сегодня беситься и носиться. Он знает, а больше никого это не касается.

...После ужина Климова вызвал к себе директор. Наконец-то. Вова помчался вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Усыновление — что же еще? Раньше его вызывали в кабинет директора из-за разбитых тарелок, один раз — из-за голубя, которого Вова ловко поймал и привязал за ногу к забору. Теперь у него, у Вовы, в этом кабинете совсем другие дела. Наконец пришли все нужные документы. Интересно, сегодня его отдадут отцу? Или придется ждать до завтра?

— Садись, Климов,— сказал директор. Вова насторожился. Разговор должен быть коротким, и садиться вовсе не обязательно. Уши у Вовы запылали, узкие недобрые глаза уставились на Андрея Григорьевича. А директор вел себя странно. Он мялся, мычал и никак не мог начать разговор. Такое Вова видел впервые, хотя прожил в интернате уже три года.

— Вот какое дело, Вова Климов. Понимаешь, усыновление твое откладывается. Ну, не получилось. Ты не особенно расстраивайся, в общем, не пойдешь ты домой. Пока. А живи пока здесь. Ну чего ты, чего ты?

Климов жестко ответил:

— Я ничего.

И тут плечи у Вовы затряслись, лицо сморщилось, слезы покатились, горькие, как морская вода.

Директор молчал, отвернулся. Потом сказал:

— Ты взрослый парень, я с тобой по-взрослому буду говорить.— Директор вертел в руке какую-то тетрадку, сердце колотилось, и лекарство, которое он проглотил перед Вовиным приходом, совсем не помогало. Директор продолжил: — Считается, что любой дом лучше, чем интернат. Ну считается, и, наверное, правильно. Так и есть. Дом есть дом. Но, понимаешь, все-таки не любой. Не любой, Вова. И я не могу допустить, чтобы ты опять оказался среди безобразия, среди опустившихся людей. Подонков. Я за тебя отвечаю. Сегодня состоялся суд, были свидетели. Люди знают жизнь твоего отца. И я тебя не отдал. Твой отец, Вова, не начал новую жизнь. Обещал, но не смог. Вот все, парень. Такие дела.

И директор Андрей Григорьевич замолчал, опустил свое толстое лицо. Так они и сидели, Вова Климов и директор. Молчали. Потому что говорить было нечего.

Вова утер рукавом лицо.

— Я пойду?

— Иди, Вова. И держись. Ступай, Климов.

...Об этом разговоре не знал никто. И ни один человек не заметил, что в этот вечер Вова Климов был не похож на себя. Грустный или, например, заплаканный. Да ничего подобного. Он, как всегда, толкался, дразнился, ко всем приставал. Только в самой глубине его узких глаз была печаль. Но кто станет присматриваться к глазам Климова? От его кулаков увернуться — и спасибо.

Незадолго до сна Климов пробрался в спальню и деловито сунул Гоше в постель бутылку с клеем. Так ему захотелось, Климову. Когда Гоша обнаружил эту бутылку, опять никто не удивился. Климов, как обычно, шутит. Нечушкин, как обычно, сердится на Климова. Делов-то.

Когда Галина Александровна заглянула в спальню, чтобы сказать им «спокойной ночи», все было тихо. Она удивилась и заспешила домой.

Сегодня будет ответ

Почему так бывает: когда чего-то очень сильно ждешь, оно никак не случается? И ты постепенно устаешь надеяться. Ты перестаешь ждать. Отвлекся, забыл — и тут оно как раз случится.

Гоша Нечушкин сильно раскачался на качелях, еще сильнее, еще — и качели подлетали высоко. С высоты он видел весь двор. Черные деревья, футбольное поле. Там сегодня играли большие, и младшие не лезли. Гоша качался, и ветер дул сначала в лоб, потом в затылок. И было весело, и хотелось петь и орать во все горло. Но ни петь, ни орать Гоша не стал.

— А Гоша-то смелый,— вдруг сказала рядом Ира Косточкова.— Вон как летает.

— Смелый-угорелый,— откликнулся сразу Климов.— Да, Ира? Смелый-угорелый! Ха-ха-ха!

Но Ира Косточкова пожала плечами:

— Ах как остроумно!

И пошла тихонечко по дорожке между тополями. Трепыхалась на ветру легкая косыночка, которую Ира повязывает поверх куртки.

«Чего это она?» — удивился Гоша. Но как раз тут Вера Стеклова позвала:

— Гоша Нечушкин! Иди скорее! Бабушка приехала!

Все остальное тут же вылетело из Гошиной головы. Он рывком остановил качели и помчался через двор. Приехала бабушка! Вот оно и случилось! Сейчас наконец он все узнает. Прошло очень много времени, и мама, конечно, получила письмо. И наверняка прислала ответ. Его мама! Она приедет! Он увидит ее! Может быть, она уже в дороге? Едет в поезде. Или

Директор

летит на самолете. Или на вертолете. А вдруг она уже в Москве? И теперь едет в троллейбусе? Или в метро? И спешит, спешит к своему сыну. Конечно, спешит — каждая мать спешит к своему сыну.

Бабушка сидела в вестибюле, рядом на скамейке лежал прозрачный пакетик с сушками, еще какие-то гостинцы.

Увидев внука, закивала.

— Подрос вроде, Гошенька.

— Вырастешь, пока тебя дождешься.— Он запыхался, смотрел на нее в упор, ждал.

— Вот сушки привезла твои любимые, чайные. А это леденцы, пососешь, развлечение все же.

— Ты мне про сушки не рассказывай. Ты про главное говори. Про письмо.

— Про письмо? — Блеклые глазки заморгали непонятливо.— Про какое письмо, Гошенька?

— Бабушка! Ты что? Ты отправила письмо-то? — Он хотел сказать «маме», но слово застряло в горле, не выговаривалось. И он сказал: — Которое я тебе дал? Письмо? Отправила?

— Ах, это? А как же? Отправила. Адрес написала, он у меня в белой книжке был записан, адрес и цифры индекса. Я в тот же самый вечер опустила в ящик у аптеки. А как же? Письмо — дело такое. Ты меня, Гоша, знаешь: сказала — отправлю, значит, отправила.

Она посмотрела ему прямо в глаза и повторила:

— Отправила, ящик-то около аптеки, туда дойти мне две минуты. Хотя ноги стали не те, болят ноги. Плохо хожу. Но до аптеки — момент дойти, рядом.

— А ответ? Ответ пришел, бабушка? На письмо ответ.

— Ответ?

Бабушка шевелила губами, часто моргала. Чего она переспрашивает каждое слово? Разве непонятно? Человек написал письмо — человек ждет ответа.

— Ах, ответ. Нет, Гошенька. Чего нет, того нет. Не пришел еще ответ, Гошенька.

Не пришел. Сердце сжалось, стало маленьким. И стало как-то все безразлично, скучно. Не пришел ответ. Мама не написала ему. Как же так? Почему она не пишет? Почему она не едет? Нет, не мчится она в эти минуты на самолете. И в поезде не едет, даже в самом медленном. И простого письма ему не написала.

Бабушка заговорила быстро и энергично:

— Больно ты быстрый, Гоша. Сразу тебе ответ. Надо терпение. Не в голоде живешь, не в холоде. И одет-обут. И на чистой постели спишь. Вон щеки-то отъел. Письмо! Жди, имей совесть.

Он ничего не ответил. Какая-то правота была в ее словах. Одет-обут-накормлен. Так и есть. И даже рубашки у всех разные, чтобы не было казенного вида. И водолазки новые. А у девчонок нарядные платья и бантики в волосах. И кормят нормально. Но как объяснишь, что ничем на свете нельзя заменить дом и маму? Разве можно это объяснить? Гоша и не пытается. Вздохнул, стал грызть сушку. Спасибо еще, что бабушка не стала ругать маму, обзывать ее кукушкой, перелетной птицей. Кукушка бросает своих детей навсегда. А Гошина мама не кукушка. Она напишет ему, она приедет. Он же чувствует: это непременно будет. А пока надо терпеть, ждать. Больно он быстрый.

— Бабушка, как только письмо придет — сразу принеси. Договорились, бабушка?

— А что же? Мне прийти ничего не составляет. Я крепкая. Ноги вот только.— Она сунула ему в руку несколько смятых рублей.— Купи себе конфет. Смотри, деньги не потеряй.

Бабушка пошла шаркающей походкой, у двери обернулась:

— И апельсины, и пианины! Вон как живешь. Грех жаловаться.

— Я хоть раз жаловался? Хоть одно слово сказал?

Так некстати подступают слезы. Но Гоша умеет их проглатывать.

Деньги он сунул поглубже в тумбочку и забыл про них. Не нужны ему конфеты, ему письмо нужно.

Деньги

Сегодня на фабрике платят деньги.

Гоша отошел от окошечка кассы с пятью рублями. Еще и сорок копеек получил. А у Климова было пять шестьдесят. На двадцать копеечек всего больше. Но Климов расхвастался:

— У кого больше всех? У меня больше всех! Я лучше работал! А вы все во! — Он приставил ладони к вискам и помахал ладонями, изображая болтающиеся по ветру уши.— Лопухи!

Галина Александровна остановила:

— Вова, успокойся. Работал, как все, а шумишь больше всех.

— Нет! Не как все! Денежки зря не платят! Правда, Зоя Викторовна?

Бригадир Зоя Викторовна смотрела, как они подходят к кассе, как получают свои заработанные впервые в жизни деньги. Все вели себя по-разному. Ира Косточкова взяла деньги, гордо махнула хвостом — норовистая лошадка. Денис пересчитал рубли, не торопясь,— основательный парень. Лида Федорова тщательно сложила пятерку. Гоша Нечушкин взял деньги и слегка улыбнулся. Доволен, но сдержанно глядит. У таких чувства не напоказ. Хороший какой парень. И такого мать бросила. Разве это матери? Хуже зверей. А вот маленький Женя Палшков, он получил всего четыре рубля. Меньше всех, но нисколько не расстроился. Вот Алеша Китаев получил деньги. Поглядел на них как-то удивленно. Надо же — целая пятерка. Никогда Алеша не держал в руках такой огромной суммы. Повертел, потом убрал. Зое Викторовне хотелось сказать: «Сунь в карман поглубже, потеряешь еще».

А Настя прыгает с деньгами:

— Я брошечку в «Галантерее» куплю! Как раз пять рублей. Здесь сердечко, здесь висюлечка, а здесь камушки блестят. Галина Александровна, отпустите меня завтра в «Галантерею»? Там же дорогу переходить не надо. А, Галина Александровна?

— Ха, брошку! А я куплю фотоаппарат.— Денис Крысятников неодобрительно глядит на несерьезную Настю. Брошечка какая-то.

— Фотоаппарат знаешь сколько стоит? — Слава Хватов и сам не знает сколько. Но, конечно, не пять рублей.— Очень много.

— Ничего, накоплю,— отвечает Денис.

— А я куплю взрослые колготки,— объявила Ира Косточкова,— как раз пять рублей.

Вот они уходят и Зоя Викторовна провожает их до проходной.

— Мы в пятницу опять придем, до свидания!

...А вечером сразу у четверых пропали деньги.

Первым обнаружил пропажу Гоша Нечушкин.

Во время ужина он вспомнил, что оставил свои пять сорок в кармане куртки, а куртку повесил в раздевалке при входе. Куртка и должна там висеть, а деньги хотелось Гоше оттуда убрать. Чтобы были тут, поближе. Ему было бы приятно время от времени трогать эту пятерку, смотреть на нее, перекатывать в ладони две монетки по двадцать копеек. Заработанные.

Он сразу побежал в раздевалку, это рядом со столовой. Сунул руку в карман — он был пустой. Денег не было. Ни бумажки, ни монеток. Не тот карман? Гоша вспотел. В другом кармане лежал гладкий камешек. Больше ничего. Как так? Потерял? Переложил? Он стал шарить по всем своим карманам — два в джинсах, два на рубашке. Все, нигде денег не было.

Гоша вернулся в столовую, и Галина Александровна только взглянула, сразу спросила:

— Что случилось? Что с тобой, Гоша?

— Деньги были в куртке. Их нет.— Губы пересохли у Гоши,он говорил очень тихо. Но все услышали. Сразу бросились из столовой несколько человек.

Выяснилось: все, кто оставил заработанные деньги в раздевалке, обнаружили пустые карманы.

Деньги украли.

Кто?

— Кто?

Этот вопрос не задавали вслух. Понятно было, что ответа на него нет.

Климов посмеивался:

— Я свои деньги в ботинок положил. Вот они, целы.

— Почему в ботинок? — Лида Федорова отвела со лба прядь.—Ну почему, Климов, в ботинок?

Она хотела сказать: я не хочу думать, что вокруг меня воры. Я сама никогда не ворую, и ни на кого не думала. А деньги я кладу в нормальный карман. Я ни на кого не думаю, и на меня никто не думает. А в ботинок — это противно. Вот так сказала бы Лида золотистая, если бы сумела выразить свою мысль словами.

— Противно быть таким, который кладет деньги в ботинок,— согласился с Лидой Алеша Китаев.

— Ну и сидите без денег.— Вова Климов не стал вдаваться в тонкости. Ему ясно одно: спрятал получше, вот и не украли. А не спрятал — сам виноват.

У Вовы настроение хорошее, он не остался в дураках. Он даже не озабочен тем, что многие подозревают именно его, Вову Климова. Подозревают? Это их дело.

Галина Александровна в полном отчаянии. Климов? Не может быть. Не Климов? А кто же?

Галина Александровна ловила себя на том, что подозревала Вову Климова. Не хотела, а все равно думала. Где был Климов, когда все сидели в столовой и ели рисовую кашу? Он, кажется, сидел на месте. Или выходил? Нет, вроде не выходил. А если даже выходил — разве это доказательство?

Галина Александровна одергивает себя: нельзя так думать о Вове Климове. Кража — это гадость. Подозрение — тоже гадость.

Что делать? Она ехала в тот вечер домой измученная. В метро было мало народа: все нормальные люди давно дома. А ей еще ехать через весь город. А сил нет никаких. Все люди устают на работе — от дел, от нервных нагрузок. Но больше всего мы устаем от неудач и огорчений.

Уже глубокой ночью, засыпая, она сказала себе:

— Все-таки не Климов.

Просто похожая девочка

Девчонка опять торчала у забора. Кто же она? Почему приходит сюда? Кого высматривает?

Гоша сегодня издалека заметил ее. Очень она похожа на Светку-Сетку. Быстрые узенькие глаза-рыбки, тонкие брови, длинный тонкогубый рот. И ехидное выражение лица.

— Сетка,— неуверенно позвал Гоша. И побежал к забору. Он даже оставил мяч посреди поля, и Денис Крысятников из-за этого пропустил гол — очень уж внезапно исчез Гоша Нечушкин. А он летел к забору. Уж больно похожа девчонка на Светку. И сердце подпрыгнуло: «Она!» А поверить Гоша не мог — чего Светке тут делать? Наверное, в сумерках ошибся Гоша Нечушкин. Все-таки позвал еще раз: — Светка! Ты, что ли?

— Еще чего,— отозвалась девчонка и кинулась прочь. Мелькнула, как всегда, светлая курточка. Да смех долетел издалека.

И нет ее. Летят грузовики. Притормозил на остановке автобус. Нет, конечно, не она. Просто похожая девчонка. Мало ли таких же, как Светка.

— Нечушкин! Иди доиграем, пока видно! — звал Денис.

И другие кричали:

— Эй, Гоша! Давай к нам!

А он махнул рукой, не пошел. Хорошо, когда тебя зовут. Но почему-то надоело гонять мяч, носиться и вопить. Хотелось побыть одному, подумать. О чем? А так, обо всем сразу.

Но думал он не обо всем сразу, а о ней, о Светке.

Она была бешеная, к ней нельзя было привыкнуть. Наверное, поэтому ее нельзя забыть. А Гоша хотел забыть ее. Не получалось. Нет, он вовсе не думал о ней часто. Иногда и неделя пройдет, а он ни разу не вспомнит о Светке-Сетке. Дел много поважнее. Но вдруг ни с того ни с сего Светка явится перед его глазами, скорчит рожу или покажет язык. Страшила. А эта девочка у забора красивая, гораздо красивее Светки. Нормальная девчонка. Наверное, близко живет. Может быть, у них скучно во дворе, ей не с кем играть, вот она и торчит у интернатского забора, смотрит, как они возятся, бегают, кувыркаются. Со стороны жизнь интернатских очень даже веселая — они толпа, они шумят. Что еще людям надо?..

— Нечушкин! Ты где? А вот он, на лавочке сидит! — Это звала его Настя.

И подбежал Климов:

— Сидит! Иди давай,— и схватил Гошу за рукав.— Нам теперь все известно! Пошли, пошли. Нечего.

Гоша не понимал. Отбросил Вовину руку.

— Сам иду, чего ты вцепился?

В игровой сидели все ребята, они смотрели на Гошу. И странный вид был у них. И Вера Стеклова, и Денис, и Женя Палшков — все в упор разглядывали Гошу.

— Давай, Нечушкин, сознавайся,— сказал Слава Хватов.— Эх ты, Нечушкин! Каким оказался.

Гоша опять ничего не понимал. Только тоска нава-

лилась — происходило что-то тяжелое, необъяснимое.

— Где Галина Александровна? — спросил он почти неслышно.

— Директор вызвал. Да при чем здесь она?

— Ты сам по себе это сделал, сам и признавайся.

— Теперь уж не обманешь никого!

— Надо же — в тумбочку запрятал и помалкивает!

Гоша озирался, вокруг были недобрые чужие лица.

— Какая тумбочка? Не пойму что-то. Про что вы говорите?

— А вот! — Денис Крысятников выложил на столик пачку смятых рублей.— Вот же! В твоей тумбочке нашли! Что теперь скажешь?

— Скажет — бабка принесла,— захихикал Климов.

— Она и принесла.— Голос у Гоши хилый какой-то, неубедительный. И все засмеялись зло.

Вот оно что! Горячая волна ударила в лицо. И сразу стало холодно. И очень одиноко. И так тяжело, что выдержать было невозможно.

Он стоял и молчал. И понимал: нельзя молчать. Они все думают, что он украл те деньги. Как теперь объяснить? Чем доказать? Деньги оказались в его тумбочке!

И Гоша молчал. Глаза глядели вниз. Он тупо разглядывал пластиковый пол в зеленую и желтую клетку. Выдавил из себя:

— Я не брал. Мне их бабушка дала.

— Ха! Бабушка!

— Все еще отпирается!

— Откуда у твоей бабушки деньги-то?

Тут вошла Галина Александровна.

— Гоша? Ребята, что происходит?

Он хотел объяснить. Она все должна понять. Но деньги оказались в его тумбочке. И говорить было нечего.

— Вот он деньги украл,— ответил Климов. Он сидел на подоконнике и сверху смотрел на всех.— И отпирается. Сознавайся, чего уж теперь. Он и печенье в «Универсаме» своровал еще до интерната, я знаю.

Галина Александровна молча смотрела на Гошу. А он не мог выговорить больше ни слова. Он кинулся к двери, бегом по коридору, вниз. Так и вылетел на улицу.

Все. Ушел из интерната навсегда.

Письмо

Гоша выбежал и сам не знал, как поступит дальше. Повернет назад? И сделает вид, что вовсе не

собирался убегать навсегда? Войдет как ни в чем не бывало в игровую, скажет спокойно: «Не брал я никаких ваших денег. Эти деньги мои, я их не успел истратить. Они там сто лет лежат в тумбочке». Он скажет, и они поверят. А кто взял — Гоша все равно узнает. В глубине души ему хотелось вернуться. Но для этого надо было, чтобы позвали и потом поверили. А так вернуться он не мог. Слишком сильной была обида. А доказывать им он не станет.

Ноги тем временем сами несли его к метро. Влез в лужу, промочил ботинок. Голова соображала плохо — перемешались в кучу все печали, большие и мелкие. Мама не едет и писем не пишет. И кровать по-прежнему у самой двери. А в обед сегодня ему достались одни кости. Другим — куриная ножка или белое мясо вообще без костей. А ему — ребра какие-то. Разве это справедливо? Думал раньше, дурачок, что Галина Александровна его любит. Ха, любит. Она всех любит, у нее работа такая —заменять несчастным деткам маму. Тоже мама нашлась — сразу поверила, что он, Гоша Нечушкин, деньги стащил. Мама бы не поверила, настоящая мама-то.

Вот она — главная беда. Они все на него подумали. И никто не засомневался. Главная боль точила его. Остальные забылись сразу — плохой кусок за обедом, плохое место в спальне. Одна беда осталась: никто не любит. И он заплакал.

В метро женщина в большой шапке, из-под которой выглядывало маленькое лицо, наклонилась к нему:

— Почему ты плачешь? Тебе помочь?

Он стал плести про больную старенькую бабушку. А мама как раз на юге. А папа-шофер в городе Риге. А ему срочно надо к двоюродной тете в Перовский район. А пятачок потерял.

Женщина опустила за него пятак.

— Успокойся, все обойдется.

Она спешила, как все. Ушла вперед по эскалатору. И никто больше не замечал заплаканного мальчика. У всех свои мысли, свои раскрытые журналы, свои «Вечерки». И это очень хорошо. Никто не пристает с расспросами.

Летит поезд. А вдруг там, дома, как раз сегодня пришло письмо? Пришло и лежит! Гоша сразу поверил: так оно и есть! Письмо ждет его дома. Оно лежит на окне. Или на столе. Или в ящике комода. Письмо от мамы. Она приедет, и он будет с ней. А они пусть тогда сами разбираются там у себя в интернате. Плевать на всех.

Он вошел в свой двор. Хотел сразу кинуться домой, но остановился. Надо подождать. А то бабушка схва-

тит и отвезет назад. У нее ума хватит, у бабушки. Он потерпит, он придет домой поздно, и так будет умнее. Вошел в теремок.

Бревенчатые стены и крыша укрывали его от дождя, но не от холода. Он застегнул курточку, натянул капюшон, руки сунул в рукава. Куртка оказалась не его, он только теперь заметил. Второпях схватил с вешалки Иркину, красную. А его, зеленая, осталась там висеть.

Из домика видна блестящая большая лужа. И дождь по ней — тюп-тюп-тюп.

Чьи-то шаги зашлепали по воде.

— Эй, ты чего тут оказался? Я тебя из окна узнала.— Светка-Сетка.— Отпустили, что ли? Чего молчишь?

— Не твое собачье дело.

Светка засмеялась. Неужели повернется и уйдет? Нет, осталась. Куртка накинута на плечи, она без шапки, капли в волосах сверкают в свете фонаря. И глаза-рыбки, блестящие, быстрые.

— Эх ты, интернатский. Хочешь баранку?

— Давай.

Ему хотелось сказать: «Застрелись ты со своей баранкой». Но очень уж он проголодался. В интернате сейчас ужин. Они там расселись в столовой. И никого не волнует пустой стул Гоши Нечушкина. Все его ненавидят. А он их тоже ненавидит.

— Где я тебе возьму баранку? Ты мне и так рубль должен, забыл, что ли? А почему домой не идешь? Сбежал из интерната?

— Отпустили. На сколько хочешь.

— Ой, врешь.

— Уйди ты, выдра надоедливая. Настырность твоя... А рубль тебе за меня Стасик отдал. Забыла?

— Напомнил, я и вспомнила. Ладно, пойду.

Хоть бы еще минутку постояла она тут. Ну самую маленькую минуточку. И он сказал:

— Кто тебя держит? Иди, шагай, проваливай.

— И пойду.— Но почему-то не уходила. Все назло делает.

— До чего ты, Светка-Сетка, противная. Ты мне сказала миллион ехидных слов. Ну что ты за человек?

— Я? А я не человек,— пропела она кошачьим голосом,— я девочка. Пусть я не такая красивая, зато обаятельная.

— Кто тебе сказал — плюнь ему в глаза. Наврал, пошутил. «Обаятельная»! С ума сойти. Ты Стасика не видела? Мне он нужен, Стасик.

— А почему ты не можешь сам к нему зайти? Взял бы и зашел. «Здравствуй, Стасик, это я».

— Так ведь бабушка в окно глядит.— Гоша спохватился, что сказал лишнее. А она усмехается. Как объяснить, почему ему нельзя выйти из этого промозглого теремка. Забормотал, как Славка Хватов:

— Пришел, а тут как раз и дома, наверное, не застану. После, сказано.

Славка Хватов делает это гораздо лучше. Не хочется ему отвечать на вопрос — он не молчит, молчание вместо ответа сердит людей, раздражает. А тут не придерешься: человек ответил. А если ты не понял, то сам и виноват. Один раз Галина Александровна спросила: «Слава Хватов, это не ты ли пролил кисель? Там у всех ноги к полу прилипают, в столовой. Не ты?» А Славка тут же ответил: «Вчера как раз были, там дискотека и большие все танцуют». Потом долго смотрел на воспитательницу, вопросительно молчал. Чего же вам еще? Я все сказал.

Галина Александровна как захохочет. Хорошо, что она с юмором. Посмеялась, дала Хватову тряпку, он вымыл пол в столовой — кисель довольно легко отмывается, это не жир.

— Ты не бормочи, хитрый нашелся,— скривилась Светка.— Забрали в колонию твоего друга Стасика. А ты даже не знаешь. Отправили уж давно. Уголовный тип.

— Ты что? Опять? Нет, правда? Стасика?

— Стасика. А ты артист интернатский. Вопросы еще задает. Походил бы со своим Стасиком и сам бы мог свободно там оказаться.

И она ушла.

Дождь кончался, и во дворе сразу появились какие-то девчонки. Но куда им было до Светки-Сетки! Идет, как танцует. Ногу ставит на носочек, а пяткой земли не касается. Летящая Светка-Сетка. За что Гоша ее так ненавидит? Страшила законченная. Руки длинные, ноги тощие.

Как же это со Стасиком-то?

Гоша еще долго сидел бы там. Но вдруг опять появилась уверенность: дома он найдет письмо от мамы. На столе найдет. Или в комоде. Только прочитать письмо, и сразу все станет хорошо. Вся его жизнь станет хорошей, ясной, новой. И он никогда не вернется в интернат. Человек должен жить дома.

Поднялся по лестнице, позвонил в свою дверь. Бабушка сразу открыла:

— Во! Жду, жду. Пешком, что ли, тащился? Воспитательница давно уж мне звонила.

Нисколько не удивилась бабушка, не обрадовалась встрече с единственным внуком.

— Звонит — «ушел». Надо же додуматься — уйти.

В кухне на окне письма не было. Заглянул в комнату. На столе были раскиданы старые темные карты. Бабушка со своей Терентьевной опять гадали: для себя, для сердца, для дома. Они и раньше, когда Гоша жил дома, без конца гадали. Вернется к Маргарите Терентьевне любимый человек или не вернется. И всегда им карты показывали, что вернется совсем скоро. Бабушка раскладывала карты и говорила:

— Ему дорога лежит к тебе, Терентьевна.

А Терентьевна отвечала:

— Не впущу. Дверь даже не отопру.

Бабушка все знала, но обязательно спрашивала:

— Почему же так?

— Перегорело,— жестко отвечала Маргарита Терентьевна.

Бабушка загремела сковородкой:

— Ешь оладьи, Гоша.

Он ел и ждал: вот сейчас она скажет про письмо. Но она не говорила. Неужели она не получила его до сих пор? Ведь прошло так много времени — целая вечность.

— Ешь, ешь. Переночуешь. Завтра поедем назад.

Она была почти трезвая и очень непреклонная.

Он глотал горячие оладьи. Пришла Маргарита Терентьевна.

— Гоша пришел? Вот как? — И поставила на стол бидончик.

Бабушка дружит со своей Терентьевной, а Гоша им только мешает.

— Я здесь, между прочим, прописан,— хмуро говорит он и уходит в комнату.

— Ложись, ложись.— Бабушка жалеет его, и поэтому говорит сердито.— Завтра рано вставать. Прописан он — деловой нашелся.

Он быстро постелил и улегся на свой коротенький диван. Так сладко было на нем лежать — знакомая пружина слегка впивалась в спину, подушка была не интернатская, домашняя.

В кухне Терентьевна говорила:

— Не переживай. Ему в интернате лучше. Знаешь, почему? Потому что ты ведешь нетрезвый образ жизни.

— Вот и расстраиваюсь,— вздыхала бабушка и наливала себе в стакан. Булькало, булькало.

— Брось. У него жизнь впереди, а тебе сколько осталось? Еще и не выпить. Твое здоровье. Мы с тобой общаемся. Это необходимо в пожилом возрасте — контакты. Иначе полное одряхление.

Терентьевна нарочно говорила громко, ей хотелось, чтобы Гоша слышал. И он слышал каждое слово. И понимал, что все это вранье и чепуха. Пить — гадость и подлость во всяком возрасте. И пусть Терентьевна не городит чушь в свое оправдание. Раньше Гоша всегда воевал с ними, доказывал, что пить стыдно, тем более женщинам. Тем более старым.

Зазвонил телефон. Бабушка сказала:

— Спит. Надо было смотреть лучше. Вы за это отвечаете. Завтра привезу.

Гоша встал, бесшумно подошел к старому комоду, тихо-тихо выдвинул ящик. Груда бумажек: справки, квитанции, бабушкин паспорт. Пачка фотографий, перетянутых аптечной резинкой. Мама. Она держит на руках ребенка в распашоночке. Это Гоша. Глупый, таращится, открыл беззубый рот. А мама смеется — красивая. Вот какой у меня сынок, вот как я прижимаю его к груди. И никому никогда не отдам. Мой, мой ребенок.

Долго Гоша разглядывает фотографию.

— Гаси свет наконец-то! — Бабушка подала голос из кухни.

— Сейчас!

Положил фотографию на место. И тут рука дернулась, будто наткнулась на горячее. Письмо! Оно лежало в углу ящика. Знакомый конверт — птица чибис с тонким, как шило, клювом. То самое письмо! Как же так? Он отдал его бабушке очень давно. Она обещала написать на конверте адрес и отправить. «Опущу в ящик около аптеки» — так она сказала. А теперь что же? Он тупо, не понимая, разглядывал конверт. Никакого адреса там не было. Письмо не было опущено в почтовый ящик. Оно валялось в комоде. С тех самых пор.

Гоша стоял весь пустой внутри. Надежда ушла, что осталось?

Бабушка вошла в комнату.

— Кому я сказала спать? Нет, кому я сказала?

Он молча протянул ей письмо. Она смотрела, стараясь сообразить. Потом стала кричать:

— Не отослала! Да! А куда прикажешь отсылать? Она мне адрес не шлет года три! С места на место летает, кукушка окаянная! Она о тебе и не помнит давно! А ты мне из-за нее последние нервы дерешь! Кончай волынку с письмом этим. Живешь, сыт, и живи спокойно.

Выключила свет и хлопнула дверью.

Очень громко она орала, значит, сильно жалела Гошу.

Ох, бабушка, бабушка. А как врала тогда, честно глядела, а все сочинила. «Адрес в белой книжке». Никакого адреса. У нее и книжки-то сроду не было, тем более белой.

Бабушка не слышала, как, уткнувшись в подушку, горько, безутешно плакал ее единственный внук.

А потом он незаметно уснул. Но даже во сне помнил, что ему надо очень рано встать.

Он и проснулся очень рано — в шесть. Было совсем темно, бабушка похрапывала. Гоша быстро оделся, неслышно отпер дверь, выскользнул из квартиры.

Секрет

Директор интерната Андрей Григорьевич кричит в телефон:

— Трубы менять обязательно! И крышу ремонтировать обязательно! И не превращайте меня в завхоза! И не морочьте мне голову! Я педагог, а не хозяйственник! Вам ясно?

Он бросил трубку, свесил голову, как Денис Крысятников, когда играет в «Логику». Только задачки у директора потруднее.

Тут дверь приоткрылась, в кабинет заглянул мальчик в красном свитере.

— Что тебе, Валиков? Я занят, у меня важные дела.

— У меня тоже важное дело,— без смущения отвечает Валиков.

Директор видит серьезность в лице этого первоклассника Валикова. Сейчас начнется: ботинки велики или учебник потерял. С любой чушью лезут к директору. Завхоз, нянька, дворник. Безобразие. Когда они поймут: директор — это директор. Надо дать ему иногда подумать, посидеть спокойно в тишине.

— Ну давай, Валиков, свое серьезное дело.

— Поклянитесь, что никому не скажете!

Валиков прыгнул коленками на стул и приблизил лицо к директору, прямо в самую глубину глаз глядел этот Валиков.

— Да ты что, Валиков? Ты себе даже не представляешь, сколько секретов я храню.— А сам думал: «Надо ему другой свитер выдать. Воротник растянулся, еще двух Валиковых можно всунуть».

Валиков прошептал:

— Я все знаю. Один я, и больше никто. Ни одна живая душа.

— Про что? Говори толком.

— Про те деньги. Я знаю, кто их украл.

Директор вздохнул. Он тоже знал, но ему не хотелось расстраивать Валикова. Он слушал мальчика внимательно.

— Это не Гоша Нечушкин, вот что! — Валиков стукнул кулаком по столу. Тогда директор тоже стукнул кулаком по столу.

— А кто же?

Андрей Григорьевич знал, кого назовет Валиков. Не надо быть очень уж хитроумным, чтобы догадаться.

— Я сам видел! Все просто предполагают, шепчутся. А я шел в столовую как раз и как раз видел!

— Почему же молчал до сих пор? Боялся, что ли?

— Я хотел сразу сказать ей. А потом думаю: чего я буду ей-то говорить? Начнет то да се. Молодая. А теперь я решил сказать, потому что он убежал, а он как раз ни при чем.

— Понятно,— протянул директор. Он действительно разобрался довольно быстро. Молодая — это, конечно, Галина Александровна.— Ну решил сказать — тогда говори. И никого не бойся. Надо же нам разобраться до конца.

— Да не боюсь я никого. Я вообще никого не боюсь никогда.— Валиков сказал это с большим достоинством. Подумал еще и честно добавил: — Только Вовку Климова немного боюсь, очень больно дерется.

— Ах, Климова, значит, все-таки боишься? Потому и молчал?

— Боюсь. Только Климов здесь тоже ни при чем.

Тут директор открыл рот, как Гоша Нечушкин, когда очень удивляется.

— Погоди! Климов ни при чем? Ты уверен, Валиков? Ты хочешь сказать, что Климов не брал денег?

— Не брал! — Валиков опять стукнул кулаком по столу.— А вы, значит, тоже на него думали? Вот видите? Все на него думали. И на Гошу некоторые. А взял-то совсем другой человек!

И Валиков зашептал почти на ухо директору. А директор послушал-послушал. А потом как стукнет кулаком по столу.

— Убить мало! Своими бы руками придушил!

Валиков отпрыгнул. Потом сказал уже громко:

— Я сам видел. Она приехала выпивши. Я побежал Лидку позвать. Обернулся, а она в раздевалке по карманам шарит. Я сам видел!

Валиков замолчал. Андрей Григорьевич повторил грустно:

— Убить мало. И парень из-за этой дряни убежал. И девочку жалко. Ты, Валиков, вот что. Дай честное слово, что никому не скажешь. И Лиде Федоровой никогда в жизни — даже через двадцать лет. Понял?

И Валиков дал честное слово.

Кто стоял у забора?

Гоша сидит в сквере. Редкие снежинки садятся на рукав, на мокрую землю. Скачут воробьи, и на первом снегу остаются их следы: три пальца вперед, один назад. Крошечные коготки.

На вокзале намного теплее, но туда нельзя — слишком много милиционеров. Ты кто? Ты куда? Ты откуда?

И он тащится по улице, втянув голову в капюшон. Руки в карманах. Совсем и не холодно. Если отвернуться от ветра. И не раскисать.

Гоша вспоминает интернат. Как Лида золотистая рассказывала про маму. А Климов — про отца-шофера. Как Денис разливает чай, горячий, крепкий. А еще вспоминает ночную дежурную Валентину Петровну. Как она ругала их за шум в спальне. А попробуй не шуметь, когда страшно. Вспоминает фабрику. В последнее время они делали брелочки для ключей. Когда маленький компас берешь в руку, стрелка начинает бегать, бегать. А потом замирает. Красный конец всегда показывает на север. Как ни крути, как ни верти — стрелочку не обманешь. Только на север. Сегодня четвертый «Б» как раз придет на фабрику. Зоя Викторовна выйдет навстречу, спросит: «А где Гоша?» И Климов с удовольствием ответит: «Он украл деньги и попался, дурачок. Поэтому убежал». А Галина Александровна промолчит, ей теперь за Гошу стыдно. А Зоя Викторовна, как всегда, поведет их в цех. Без него все будет так же.

Незаметно, сам не знает зачем, он приплелся к своей школе. Школа как школа — за каждым окном учатся. И никому нет дела до Гоши Нечушкина.

Кончились уроки.

— Эй, ты чего тут бродишь? Девочки, смотрите, это Нечушкин. Он интернатский!

А девочки не глядят, домой торопятся девочки и мальчики. Там их ждет обед — первое, второе, третье. Компот, наверное, на третье. Или кисель.

Светка вертится на одной ноге.

— Я теперь на фигурное катание хожу.

— Ой, спасайся, кто может,— хмуро отозвался Гоша,— тоже фигуристка! Одни кости!

— Стану мастером международного класса. Спорим на рубчик.— И сама звонко расхохоталась.

Он хотел дальше хмуриться, но тоже прыснул. Так они смеялись на всю улицу.

— Ты, наверное, думаешь, что я жадная — все время про деньги, про деньги. Я ни грамма не жадная. Просто мне денег надо много, а родители дают совсем мало, только на завтрак в школе. Они думают, поела и больше ничего не нужно.

— А что нужно?

Он смотрит, как движутся Светкины губы, как глаза-рыбки шустро виляют. Лицо становится ехидным:

— Много чего надо, Нечушкин. Тушь для ресниц надо. Кожаные перчатки. Ленту для волос золотую. Или не надо?

— Перебьешься,— сказал он.— Тоже еще красавица — ленту ей золотую, тушь ей для ресниц. Где они у тебя, ресницы?

— Ясненько. Понимал бы ты хоть что-нибудь, Чушка интернатская. Выкатятся всей оравой и гоняют футбол как бешеные. Больше ни на что на свете ума не хватает...

Он ахнул:

— Светка! А ты откуда знаешь про наш футбол? А? Отвечай-ка! Ну? Говори! — Схватил ее за руку.— Ты зачем у забора стоишь? Это ведь ты стоишь?

Она вырвалась, умчалась. Светочка-Сеточка. Самая противная на свете. Неужели и плакала она? В то давнее утро, лет сто назад, когда он в первый раз уходил в интернат. Плакала громко, кричала: «Гоша, Гоша». Она? Или не она? Разберись теперь. У забора почему-то стоит Светка. И смотрит. Почему?

Убежала. Пустой школьный двор.

«Не уезжай, ты мой голубчик! Печально жить мне без тебя».

Тетя Маша!

Она мела двор, вместе с пылью разлетались легкие снежинки.

Красный платок прикрывает лоб, из-под платка — тяжелые серьги. Смуглое лицо, белые зубы. А глаза черные.

— Тетя Маша! Здравствуйте!

— Гоша! Мальчик со смелыми глазами.— Она рада ему.— Садись в сарайчик, погрейся. Вот тебе котлета, хлеб. Муж сам готовил котлеты, он повар первого класса. А ты отойди, сытый дармоед.— Это она Тишке. Пес еще больше зарос белыми патлами. Вздохнул Тишка совсем по-человечески и дружелюбно положил голову Гоше на ногу.

— Спит,— смеется тетя Маша,— старый стал, все время спит. А верный очень, не отходит от меня. Стираю — он в ванной сидит. Варю — он в кухне сидит. Я верность очень ценю.— Цыганские серьги качнулись, белые зубы сверкнули.— А ты как живешь, Гоша? Что там у тебя, в твоем интернате? Почему не глядишь на меня? Убежал?

Гоша хотел отмолчаться.

И тут же неожиданно для самого себя начал рассказывать. Про все. Он не брал деньги. Но они нашли

у него в тумбочке деньги, и теперь никто не верит, что это не те. А как докажешь? И Галина Александровна думает на него. А письмо неотосланное лежит в комоде. Его нельзя отправить.

Тетя Маша сидит рядом с ним на ящике. Тишка мирно сопит во сне. Тетя Маша ни разу не перебила, не задала ни одного вопроса. Гоша сам все рассказывает. Ангелина Ивановна кричит, а он научился решать задачи, а она все равно придирается. А теперь так получилось с этими деньгами. И он убежал. Гоша закончил рассказ.

— И тогда я убежал. А что я мог сделать?

Она не отвечает. Он настойчиво повторяет:

— Я-то ничего не могу, правда, тетя Маша?

Темные глаза недовольно смотрят на него. Почему так смотрит тетя Маша, легкий певучий человек? Он ни разу не видел ее недовольной, озабоченной. Поет свои роскошные песни, звенит бусами. Вольная цыганская душа.

— Значит, ты теперь прогульщик?

— Ну и что? Ушел.

И тогда тетя Маша говорит очень серьезно:

— Прогульщик, Гоша, как хочешь, мне не нравится. Это легче всего — прогуливать. Спрашиваешь: «Что я могу?» И отвечаешь: «Я ничего не могу». Разве мужчина задает такой вопрос? И ответ такой мужчине не к лицу. Ты как хочешь, Гоша, мне не нравится.

— А какой вопрос задает мужчина? — тихо спросил он.

Она сверкнула глазами, повела плечами, зазвенели серьги. Как будто сейчас в полный голос песню запоет.

— Мужчина? О, он никогда не ведет себя так, как будто его нет. Он всегда есть! И ты, Гоша, есть. Или, может, тебя нет?

— Я есть.— Почему-то стало легче. Душа распрямилась и заняла положенное ей пространство.

— А раз ты есть — сделай что-нибудь! Бейся за свое! Откуда я знаю? Скандаль, дерись, кусайся. Борись! Ходишь тут? Прогуливаешь? А ее выгонят с работы. Не из-за них — из-за тебя!

Схватила метлу, стала сердито мести большой двор. И песню свою не пела.

Прогульщик

К вечеру, когда четвертый «Б» шел с самоподготовки, на весь интернат закричал Вова Климов:

— Нечушкин вернулся! Сам! Я его первый увидел!

Галина Александровна вздрогнула, остановилась, хотела кинуться навстречу. Но удержалась.

Он вошел в вестибюль, огляделся: герани на окнах, те же самые. Но что-то изменилось. А вот что — не было разноцветных аквариумов. Ни одного. Неужели все-таки разбили?

А навстречу ему спускался по лестнице его класс — Лида золотистая, Вова, Денис, Женя Палшков, Настя.

— Я не брал деньги,— говорит он твердо.

— Мы знаем. Сначала на тебя подумали, а потом все решили: ты не мог стащить.— Это говорит Климов.

— А кто? — спрашивает Гоша.

— Мы не знаем,— отвечает Галина Александровна,— наши не могут украсть — это точно.

Неправда, что в интернате нет секретов. Иногда секреты все-таки есть.

Они все идут в столовую, пахнет жареной рыбой. Лида золотистая спрашивает:

— Хорошо было дома, Гоша?

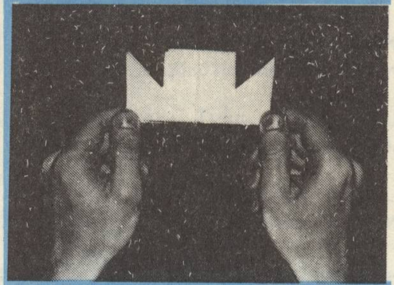
Он кивает. А потом говорит:

— Мать письмо прислала, она за мной приедет.

Лида Федорова понимает. Верит ли она ему? Это неважно.

ОРИГАМИ

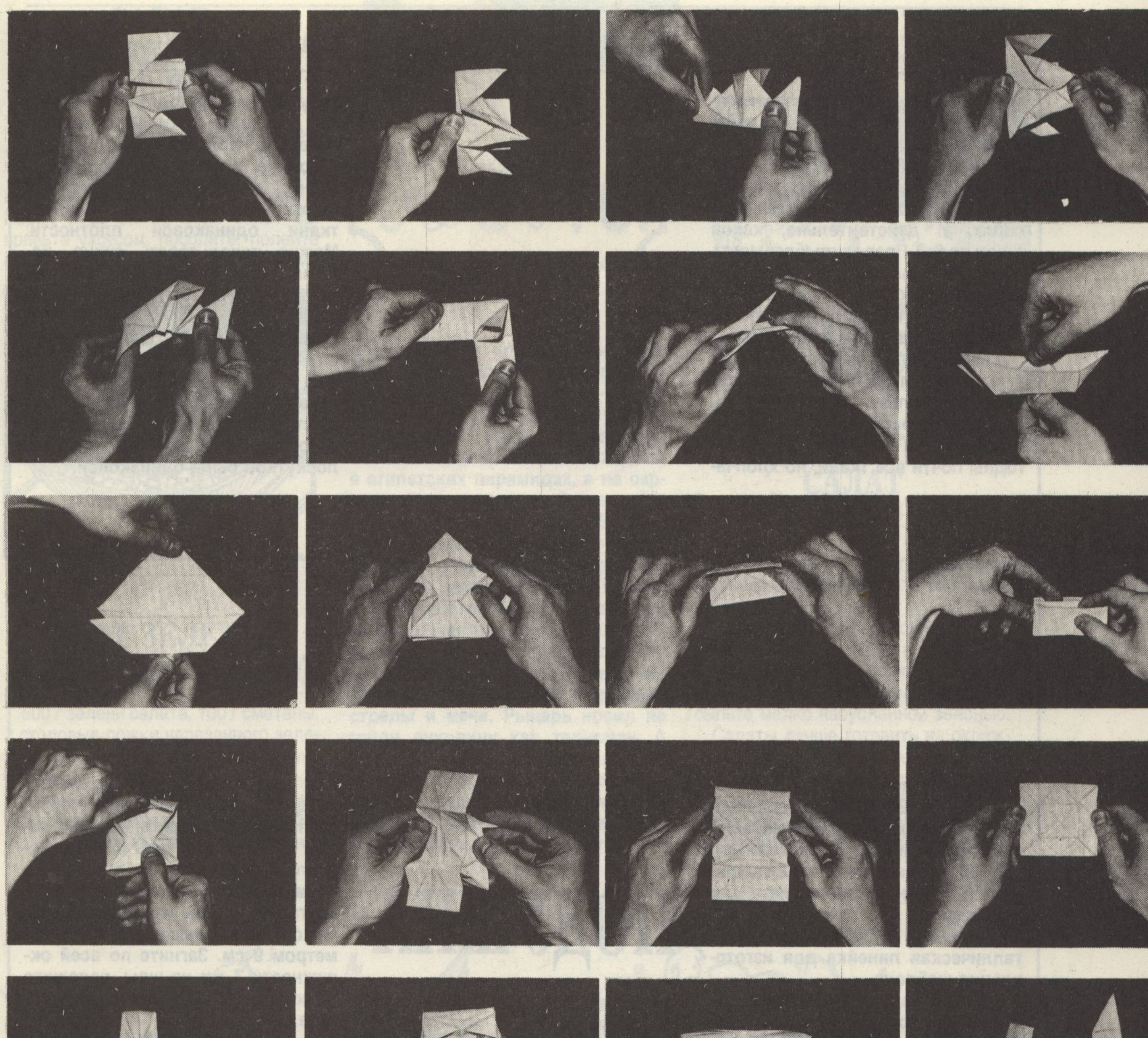
Прошло совсем немного времени со дня выхода третьего номера нашего журнала, где в разделе «Реникса» мы познакомили вас с искусством ОРИГАМИ. Многие из вас, ребята, прислали в редакцию письма с просьбой продолжить начатый разговор, что мы с большим удовольствием и делаем. Хотим порадовать всех поклонников оригами: этому искусству будет посвящена в нашем журнале отдельная рубрика.

А теперь продолжим наши занятия.

Помните, в первом выпуске «Рениксы» мы делали с вами двухтрубный пароход. Давайте теперь превратим его в экологически чистый парусник. Для этого зажмем двумя пальцами одной руки «киль», а другой рукой осторожно потянем вверх внутреннюю стенку первой, а затем и второй трубы, одновременно сгибая фигурку пополам вдоль поперечной оси (рис.1).

Из парусника, как это ни странно, можно сделать дино-

завра. Зажимая пальцами одной руки «нос» корабля, «корму» отгибаем вниз (рис. 2).

Теперь отогнем «клюв» динозавра так же, как была отогнута «корма». Из того, что получилось, немного поразмыслив, нетрудно сложить катамаран (рис. 3).

Вытянем из обеих лодок вершины углов квадрата, с которого начиналась вся наша работа. Получается двухслойный пятиугольник. Все прямые углы каждого слоя надо согнуть так, чтобы вершины их сошлись в одной точке и получился квадрат. Если теперь каждый слой квадрата перегнуть пополам (в разные стороны), получится кошелек с двумя отделениями (рис. 4).

Растянем боковые стенки кошелька — получим удобную коробочку (рис. 5).

Переднюю и заднюю стенки коробочки насколько возможно отгибаем наружу так, чтобы линия перегиба пришлась на середину высоты стенки. Сначала один, затем второй торчащий боковой клапан прижимаем к боковой стенке и отгибаем нижний край стенки вместе с частью дна коробочки вниз. Получаем «зеркало в раме» (рис. 6).

«Зеркало» сгибаем пополам обратной стороной внутрь (поперек щели). Пальцами обеих рук зажимаем углы, образованные при сгибе, и очень осторожно растягиваем их в противоположные стороны. Слои бумаги сползают друг на друга — и у вас в руках... каравелла с глубоким трюмом. Остается вытащить из складок высокий «нос» и «корму» (рис. 7). Ничего себе кораблик, правда? А если его еще и раскрасить...

В каждом доме как-то незаметно, словно сами по себе, накапливаются небольшие обрезки тканей — лоскутки. Хранятся они где-нибудь на дне комода, в недрах шкафа или на антресолях. И действительно, какой в них толк? Правда, выбрасывать жалко: глядишь, и пригодится какой-нибудь лоскуток при починке, пойдет хоть на заплатку. Так до случая и лежат они в дальнем углу.

А напрасно. Потому что они могут еще верно служить вам, принесут радость и пользу, помогут сделать дом более красивым.

Для шитья из лоскутков пригодны почти все ткани, но хлопчатобумажные подходят больше других: они хорошо стираются и сравнительно долговечны. Подойдут и тонкие, и плотные, и купонные ткани, бархат, даже хлопчатобумажный бархат, нужно только соединять ткани одинаковой плотности. Можно использовать сукно, полотно, шелк, атлас. Но лучше отказаться от поношенной ткани, даже если она на первый взгляд хорошо сохранилась. Она может разорваться раньше других, и тогда весь ваш труд пропадет даром. Перед началом работы все ткани надо выстирать, чтобы при стирке готового изделия усадка всех сшитых лоскутков была одинаковой.

ПОДУШКА

Вам понадобится:

— По 20 см ткани шириной 90 см четырех цветов (лучше, если ткани будут и светлые, и темные);

— 90 см однотонной ткани шириной 90 см контрастного цвета для подкладки;

— калька, плотный картон, металлическая линейка для изготовления шаблона.

Круг на подушке можно составить из 20 лоскутков разных цветов. Выполнить это изделие очень легко, так как отдельные лепестки можно сострочить на машинке, а затем пришить к основе. Готовая подушка имеет размер примерно 35×35 см.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ШАБЛОНА

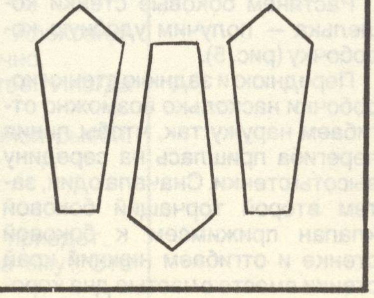
Скопируйте шаблон с листа и переведите его на картон. С помощью ножа и металлической линейки вырежьте шаблон, следя за тем, чтобы внутренние углы шаблона не отличались от внешних. Без такого шаблона трудно сделать деталь строго симметричной.

КАК СШИВАТЬ ЛОСКУТКИ

С помощью шаблона, отмечая линию отреза и линию шва на изнанке ткани, вырежьте 20 лепестков из разных набивных тканей. Следите, чтобы шаблон лежал строго по долевой линии.

Разложите лепестки на рабочем столе и приготовьте их к сострачиванию, чередуя цвета. Сложите два лепестка лицевыми сторонами внутрь и прострочите вдоль линии шва, начиная с низа лепестка и недострачивая 1 см до его верха. Закрепите нитку на обоих концах.

Пристрочите точно так же все оставшиеся лепестки, разглаживая швы на обе стороны. Можно соединить по 10 лепестков — образуются два полукруга, которые затем легко сострочить вместе. Загните и заметайте по изнанке по 1 см вдоль всего внешнего края круга. Из одной из использовавшихся тканей вырежьте круг диаметром 9 см. Загните по всей окружности 7 мм на швы, наложите на круг из лепестков и пристрочите.

КАК СДЕЛАТЬ ПОДУШКУ

Отрежьте кромки у ткани основы, чтобы она не морщила. Вырежьте два квадрата со стороной 37 см и положите круг из лепестков в центре одного из этих квадратов. Проверьте, не сборят ли оба слоя ткани, затем приметайте круг к квадрату и пришейте потайным швом. То же самое проделайте и с другим квадратом. Хорошенько отгладьте заготовки. Сметайте обе части подушки лицевыми сторонами внутрь. Прострочите вокруг, оставив небольшую прорезь (примерно 10 см), чтобы изделие можно было вывернуть налицо. Набейте подушку ватой или оставшимися обрезками ткани и зашейте прорезь потайным швом. Такую подушку можно сделать и на круглой основе. Фантазируйте!

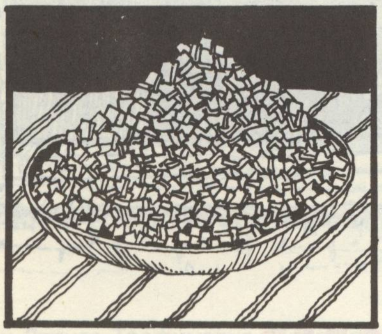
Вкусные советы

В земле — плотно прижатые одна к другой сочные светлые чешуйки, над землей — зеленые перья — листья. Это лук. Его выращивают пять тысячелетий. Остатки лука археологи находили в египетских пирамидах, а на саркофагах и стенах зданий — его разнообразные изображения. Во времена фараонов лук так почитали, что даже приносили в жертву богам. А в армиях Древней Греции и Рима употребляли лук в большом количестве, так как были уверены, что он придает воинам силу и храбрость. В средние века верили, что лук способен уберечь от стрелы и меча. Рыцарь носил на груди луковицу как талисман. А у нас в России простой народ ел лук с хлебом, солью и квасом. Он придавал здоровья, сохранял зубы и свежий цвет лица. Отсюда и пословица: «Лук от семи недуг».

САЛАТ ИЗ ЗЕЛЕНОГО ЛУКА С ЯЙЦОМ

300 г лука, 3 яйца, соль, масло растительное, уксус.

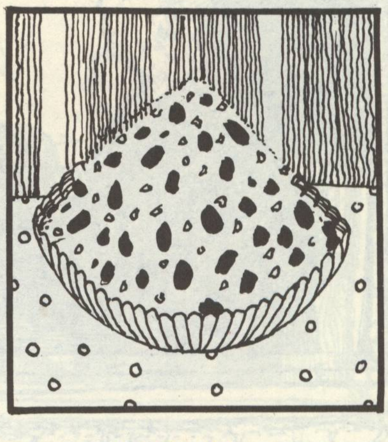
Лук нарежьте кусочками в 1—2 см, круто сваренные яйца — кубиками. Перед подачей на стол салат заправьте уксусом, посолите, полейте свежим душистым постным маслом.

САЛАТ ЗЕЛЕНЫЙ С ЗЕЛЕНЫМ ЛУКОМ

500 г зелени салата, 100 г сметаны, 2 столовые ложки нарезанного зеленого лука, соль, сахар, уксус, зелень укропа.

Промытые листья салата нарежьте, смешайте с нарубленным зеленым луком, сложите в салатник, заправьте солью, сахаром, уксусом, сверху полейте сметаной и посыпьте мелко нарезанной зеленью укропа.

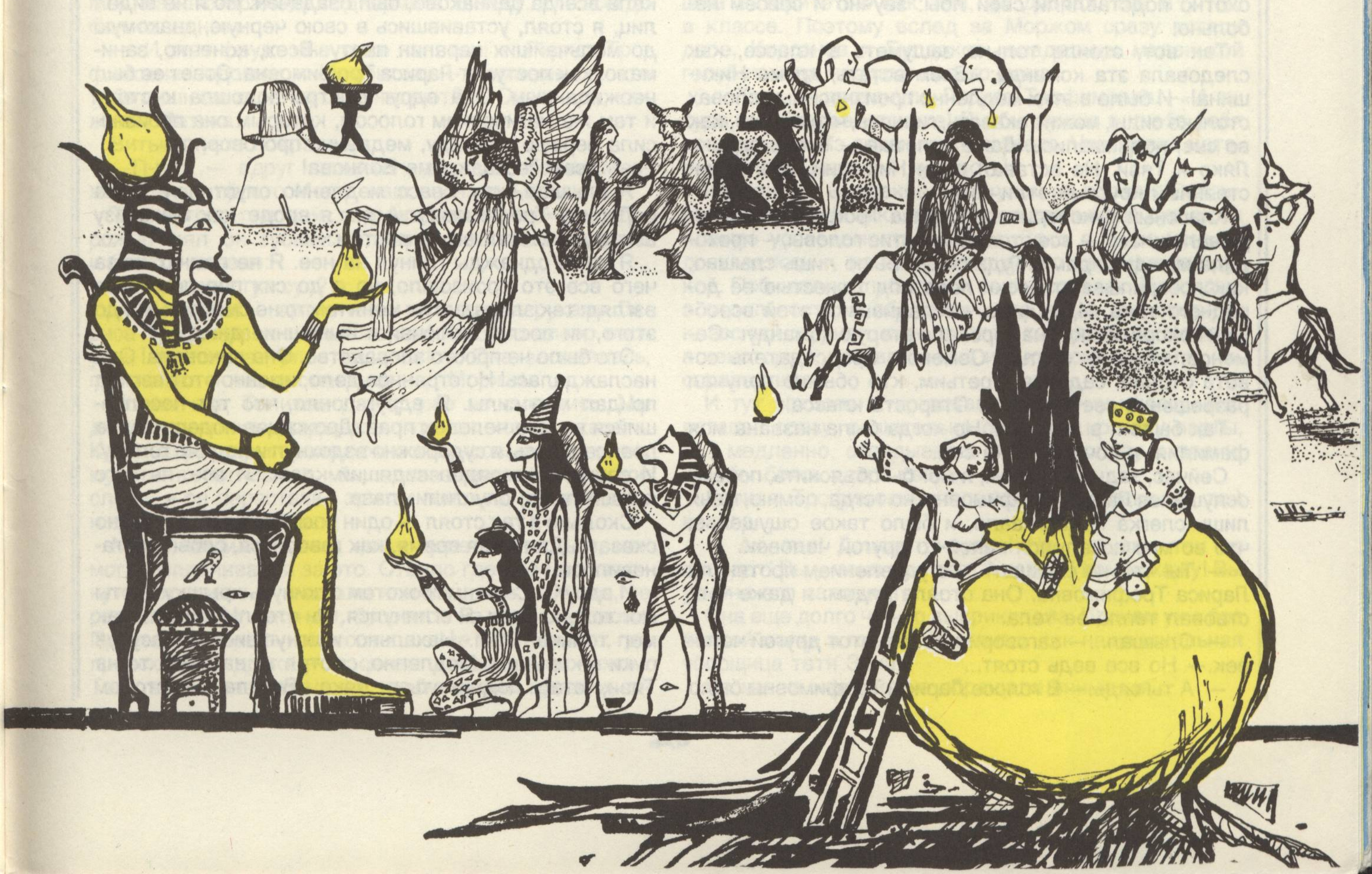

САЛАТ ИЗ ЗЕЛЕНИ

100 г щавеля, 60 г листьев молодой крапивы, 40 г кресс-салата, 50 г майонеза.

Зелень помойте и вымочите в воде, откиньте на сито, чтобы вода стекла, крупно нарежьте, выложите в салатник и залейте майонезом. Сверху посыпьте мелко нарубленной зеленью.

Салаты лучше готовить из охлажденных продуктов. Из теплых он будет невкусным и быстро скиснет. Поэтому до приготовления салата все компоненты необходимо держать в холодильнике (каждый отдельно).

Владимир ВОЛКОВ

«Всем встать, кроме...»

Я не помню, из-за чего все это произошло. Наверное, кто-нибудь забузил со своим соседом по парте, или, услышав чей-то вопль во дворе, не выдержал и бросился к окну, или подсказал отвечающему у доски слишком громко... А может, кто-то щелкнул надутым шариком соседа. Знатно, между прочим, получалось. Делалось это так: лоскуток от лопнувшего воздушного шарика втягивался при вдохе в рот, края его возле губ быстро закручивались — получалось нечто вроде волдыря. Этим волдырем и наносился удар — обычно по лбу. Некоторые даже охотно подставляли свои лбы: звучно и совсем небольно.

Так вот, стоило только зашуметь в классе, как следовала эта команда: «Всем встать, кроме Никишина!» И было в этих медленно произносимых словах столько силы, можно сказать, гипноза, что мы все, как во сне, поднимались. Даже отпетые — второгодники Ляко и Тяви. Не вставал один Никишин, наш единственный круглый отличник.

Классный руководитель Лариса Трофимовна оглядывала класс — все стояли, опустив головы,— проходила между рядами. Туда-сюда. Было лишь слышно, как поскрипывают доски пола под тяжестью ее дородного тела. И, видимо, насладившись этой всеобщей покорностью, она изрекала вторую команду: «Семенов, можешь сесть!» Семенов, председатель совета отряда, садился. Третьим, кто обычно получал разрешение сесть, был я. Староста класса.

Так было и в этот раз. Но когда была названа моя фамилия, я почему-то не сел.

Сейчас, задним числом, я мог бы объяснить, почему ослушался Ларису Трофимовну, но тогда, помню, меня лишь слегка подергивало, и было такое ощущение, что во мне поселился какой-то другой человек.

— Ты что, не слышал? — с удивлением протянула Лариса Трофимовна. Она стояла рядом: я даже чувствовал тепло ее тела.

— Слышал...— заговорил во мне этот другой человек.— Но все ведь стоят...

— А ты сядь.— В голосе Ларисы Трофимовны было и любопытство, и удивление, и какая-то неожиданная ласковость.

— Но я ведь староста класса,— выдавливал из меня тот, другой человек.

— Ах, вот оно что!..— уже другим тоном заговорила Лариса Трофимовна.— Он староста класса. И хочет стоять вместе со всеми. Я правильно тебя поняла?

Я кивнул, то есть кивнул не я, а тот, другой человек. Я с ужасом чувствовал это странное раздвоение, но ничего не мог поделать.

Класс, привыкший к этой процедуре, которая протекала всегда одинаково, был озадачен. Но я не видел лиц, я стоял, уставившись в свою черную, знакомую до мельчайших царапин парту. Всех, конечно, занимало, как поступит Лариса Трофимовна. Ответ ее был неожиданным. Она вдруг быстро подошла к столу и тем же магическим голосом, которым она произносила первую команду, медленно проговорила:

— Всем сесть, кроме Волкова!

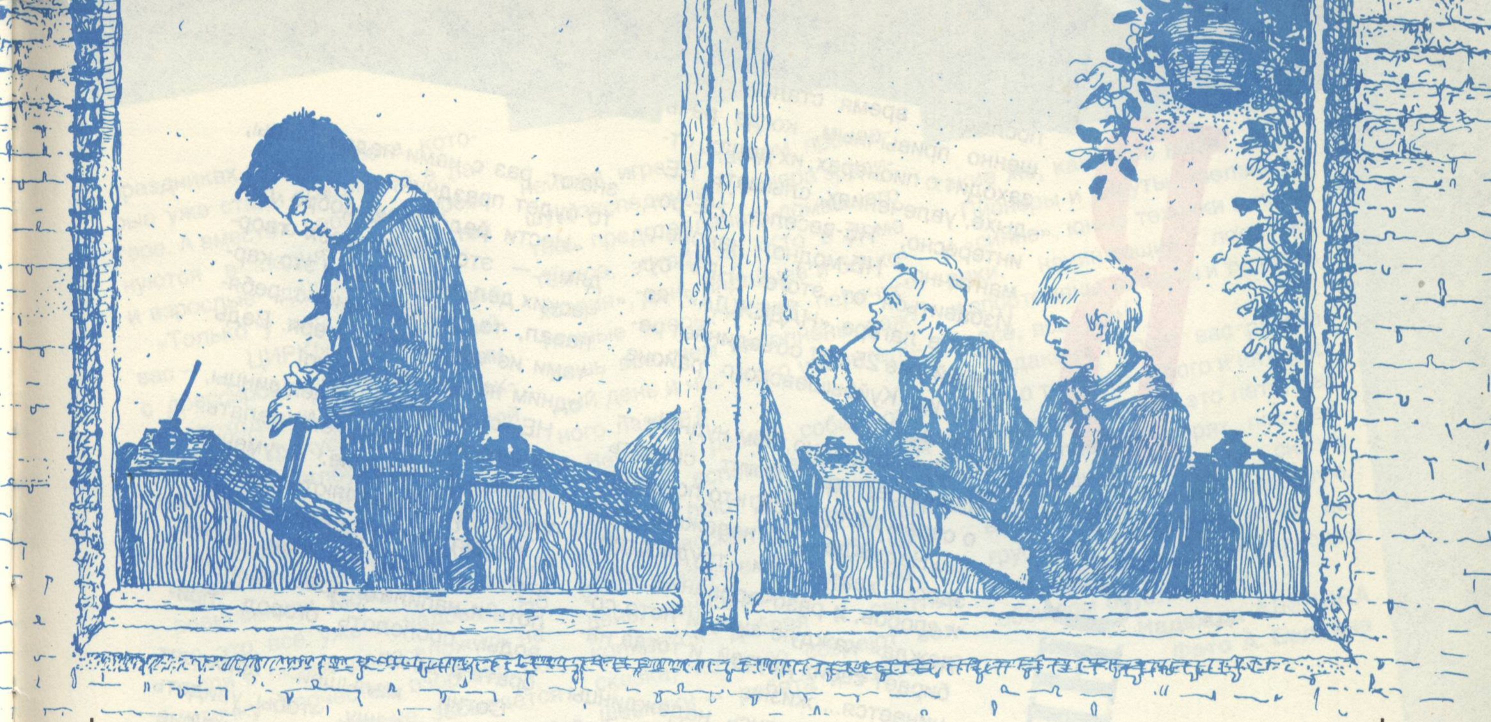
Я слышал, как класс медленно опустился. Села и Лариса Трофимовна. А я... я вроде как бы сразу вытянулся, стал выше ростом.

Я лишь однажды глянул на нее. Я не помню, из-за чего все это произошло, но я до сих пор помню ее взгляд: так злорадно на меня никто не смотрел. Ни до этого, ни после, включая и нынешние дни.

Это было не просто злорадство. Она ликовала! Она наслаждалась! Но странное дело, именно этот взгляд придал мне силы. Я вдруг понял, что тот поселившийся во мне человек прав. Дрожащее подергивание прекратилось, я судорожно вздохнул и поднял голову. И спокойно оглядел сидящий класс. И все, на кого я посмотрел, опустили глаза.

Сколько я так стоял — один посреди класса, трудно сказать. Для меня время, как говорится, словно остановилось.

И вдруг... С таким грохотом откинуть крышку парты мог только Тяви. Я оглянулся. Он стоял! И стоять так мог только Тяви. Нахально изогнувшись и засунув руки в карманы. Медленно, смотря то на меня, то на Тяви, стал подниматься Ляко. Встала за столом

и Лариса Трофимовна. Подошла к задней парте.

— Этого следовало ожидать! Вы меня не удивили. Вот на кого опирается в классе ваш староста. Вы полюбуйтесь! — Голос Ларисы Трофимовны набирал силу.— Вот у кого ваш староста пользуется авторитетом. У этих! — Она ткнула пальцем в сторону Тяви и Ляко.— Вы посмотрите на эту троицу! — взывала она к классу. И вдруг осеклась.

Я сначала не понял, в чем дело. Потому что стоял, повернувшись назад. И лишь, когда локтем задел своего соседа по парте Витьку Мамонтова, понял, что он тоже стоит. Он так тихо, незаметно встал, что я даже не почувствовал этого.

Витька вообще был незаметным: тихий, маленький. На физкультуре он стоял последним в шеренге. Но мы были из одного двора. Часто вместе делали уроки. Моя мама старалась подкормить Витьку. Он всегда был голодным.

— И этот фрукт мне тоже понятен! — Лариса Трофимовна подошла к Мамонтову.— Думаешь, за это тебе лишнюю тарелку супа нальют? — Она знала, как живет Витька.

Витька густо покраснел.

—П-п-п...— вдруг запыхтел, вставая, Толик Моржин, он же просто Морж, наш несчастный заика.

Толик тряс головой, подмигивал. «П-п-п»,— судорожно мял он губами. Глотнул побольше воздуха и быстро сказал:

— При чем тут суп?

— Надо же! — артистично всплеснула руками Лариса Трофимовна.— Выговорил! То одно слово весь урок мямлит, а тут — на тебе! — Она засмеялась, приглашая и нас посмеяться над Моржом.

Но мы над Толиком давно уже не смеялись. Мы даже научились угадывать, что он хотел сказать. Когда Морж вдруг безнадежно забуксовывал на своих мучителях-согласных, мы подсказывали ему нужное слово, и он переставал трясти головой, подмигивать и облегченно вздыхал.

Морж, видимо, ценил нашу щепетильность и, как мог, расплачивался за это. Стоило где-нибудь вспыхнуть потасовке — в школе или на улице,— Морж, не размышляя ни секунды, бросался на выручку своих. Причем невзирая ни на соотношение сил, ни на то, где происходила драка — в своем дворе или в чужом. Толстый, с раздутыми от возбуждения щеками, он набрасывался на неприятеля, подминал под себя и начинал метелить его на земле. Не обращая никакого внимания на удары, которые сыпались на него сверху.

На следующий день следовал его рассказ. Выглядел он так.

— Я ему как в-в...— начинал трясти головой Морж.

— Врежу! — хором подсказывали мы. Он благодарно закатывал глаза и продолжал.

— А он меня как с-с-с...

— Саданет! — подхватывали мы.

— А я ему как заф-ф-ф...

— Зафиндилю! — орали мы в великом возбуждении, ярко представляя себе картину сражения.

Лютость Моржа в защите своих была хорошо известна в окрестных дворах, и он пользовался большим авторитетом как там, во дворах, так и у нас в классе. Поэтому вслед за Моржом сразу встали двое, Кирсанов и Булдаков, владельцы маленькой голубятни на чердаке своего дома.

— Так...— протянула Лариса Трофимовна.— И вы туда же! Героев корчите! Вы бы лучше в учебе себя показывали. Из двоек не вылезаете. Что, давно матерей не вызывала? А ну, сесть!

Кирсанов и Булдаков даже ухом не повели. Сказывалась большая закалка. Никого столько не ругали за плохую успеваемость, как их. Ляко с Тяви меньше доставалось — на тех просто давно уже махнули рукой. Побывали голубятники на педсоветах. И каждый в отдельности, и оба сразу. Это когда они стырили классный журнал и постирали там двойки. Не все, а некоторые, поставленные им, как они считали, несправедливо.

И тут захлопали крышками по всему классу. Кто вставал сразу, решительно отбросив крышку парты, кто медленно, оглядываясь и вжав голову в плечи, как бы боясь удара сзади.

Лариса Трофимовна попятилась к доске. И там встала.

— Ах, так! Демонстрируете! Ну, это вам так не пройдет! Вы у меня еще попляшете! Я вам покажу! Вы у меня это запомните!

Она еще долго что-то выкрикивала. Причем уже без всякой магии в голосе. Визгливо, как наша школьная уборщица тетя Зина.

Но мы на нее уже не обращали внимания...

СКУЧНО ЖИТЬ СКУЧНО!

В последнее время стало совершенно привычным, когда речь заходит о пионерах, их делах, отдыхе, увлечениях, слышать: НЕ-интересно, НЕ-весело, НЕ-романтично, НЕ-модно, наконец. Избавиться от этого «НЕ» сумели в лагере «НАДЕЖДА», который уже 25 лет объединяет ребят из Куйбышевского района Москвы.

«Лучше трудно, чем нудно!» — наверное, так могут сказать о своем лагере все, кто побывал в «Надежде». И неважно, что здесь хватает и трудностей, и споров, и разочарований. «Надежда» каждую зиму и лето собирает своих друзей, и тогда начинается... жизнь.

НЕ загордились надеждинцы и пришли к малышам загородного детского сада, чтобы поиграть, разучить новые песни, соорудить спортивные площадки, почитать книги. А ребятишки знают: раз с нами надеждинцы, то будет праздник.

«Нести радость и добро людям!» — это девиз всех творческих дел лагеря. Если это карнавал, то обязательно с ребятами из соседнего лагеря. Ведь одним не так интересно!

НЕ стесняются надеждинцы, что чего-то еще не умеют делать. Главное — желание. А умение придет. И отправляются ребята в окрестные деревни и села, чтобы помочь старикам наколоть и напилить дров, принести воды, прополоть огород, прибрать в доме.

Сотни малышей приходят в лесную чащу, чтобы увидеть удивительную сказку-приключение, которую придумывают и разыгрывают для зрителей все без исключения надеждинцы.

Весело бабулькам бывает на

праздниках русского лета, которые уже стали традицией в лагере. А вместе с ребятами соревнуются в поднятии тяжестей и взрослые «дяди».

«Только у нас и только для вас — ЦИРК!» Настоящий, с дрессированными хищниками, с канатоходцами, жонглерами, акробатами, фокусниками. А какой же цирк без клоунов?!

Казалось, что особенного в «Веселых стартах», туристических походах, концертах, соревнованиях. Может быть, кому-то это все уже и надоело. Но если в любое дело вложить частичку творчества, озорства, романтики, то это не забывается долгие-долгие годы. Интереснейшая игра «Спасаем пропавшую экспедицию», вечера эрудитов, представления домашнего театра, эстафета «Кто в доме хозяин», день индейцев и бесконечные споры. Разве перечислишь все, чем наполнены каждый день и час этого удивительного лагеря?

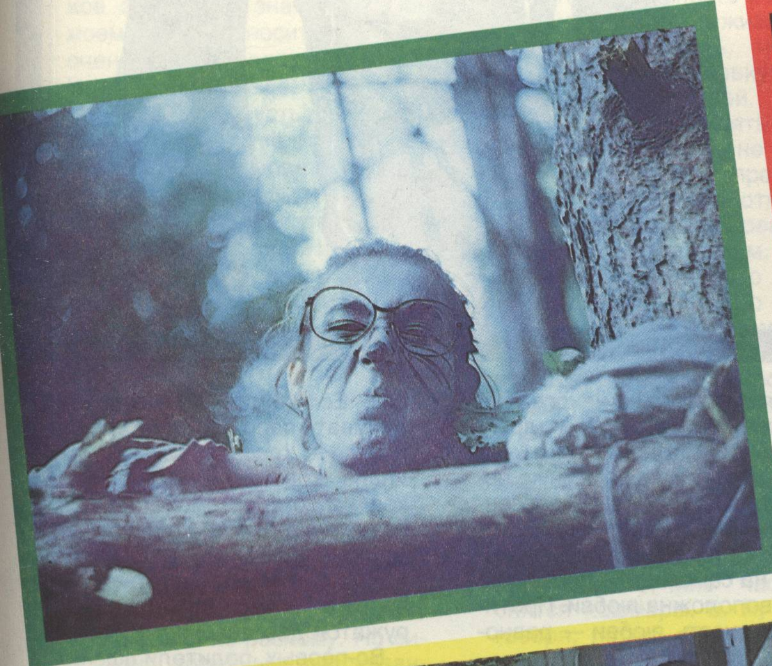
Вечерами ребята собираются у костра, вспоминают прошедший день, поют песни, пекут картошку, рассматривают в телескоп звездное небо. Проходит день, кончается лето... Но не кончается добрая и светлая сказка, которую создают волшебники — ребята и взрослые, такие же, как мы с вами.

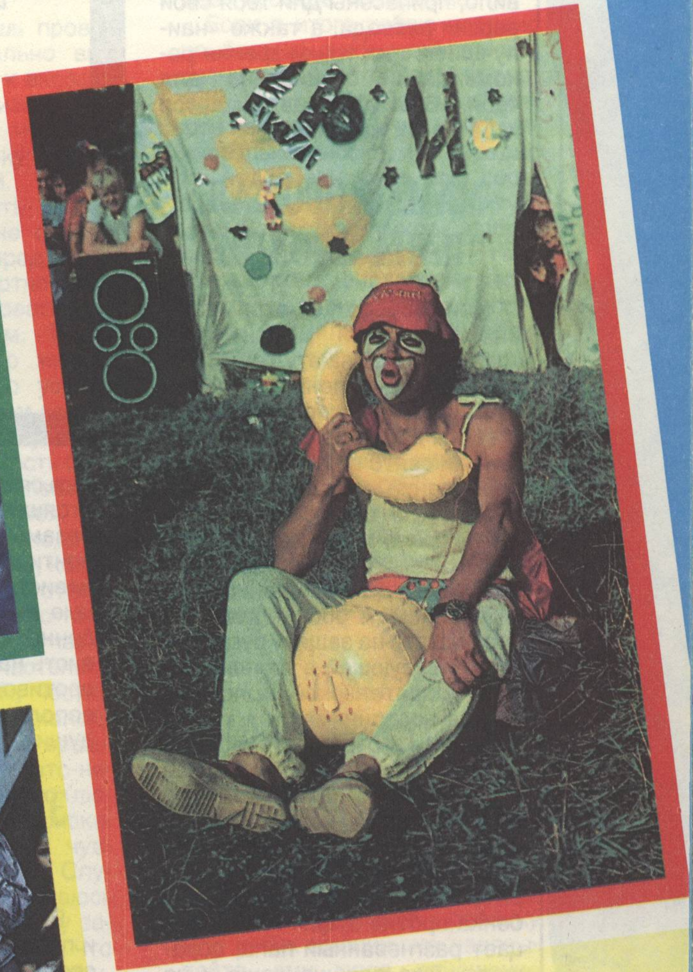
Пионеры и скауты, «зеленые» и «синие», юные техники и историки, начинающие политики и спортсмены, юннаты и туристы, и все, все, все!

Редакция просит вас рассказать о том, что нового и интересного принесло вам это лето. Как вам жилось в лагерях, походах, экспедициях? Какую сказку вспоминаете вы — добрую, грустную, смешную? Ждем ваших писем. Самые интересные обещаем опубликовать.

Надежда АЛЕНИНА

Фото А. Белкина

КОГДА МАМА И ПАПА РАССТАЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ

Они, видите ли, решили расстаться! А как же жить теперь тебе? Важно не терять голову, не впадать сразу в отчаяние, а попытаться самостоятельно определить, как к этому всему относиться и что лучше предпринять. У родителей, как правило, припасены для тебя свои версии развода, а также «наилучшие» с их точки зрения рекомендации специально для тебя. Все это навязывается тебе почти насильно.

МАМА ХОРОШАЯ, ПАПА ПЛОХОЙ

Или наоборот. Смотря кто из них в данный момент разглагольствует на эту тему. Создается впечатление, что они готовы написать по целой книге с таким названием. Многие родители свято верят в подобное оправдание своего развода и стремятся взять тебя в союзники, причем каждый — себе. Они готовы перемывать кости друг другу до бесконечности и с упоением. А робкие попытки твои встать на защиту ругаемой и отсутствующей в данный момент родительской половины всегда воспринимаются как-то странно и в отрыве от тебя, не правда ли? «Пап,— пытаешься встрять ты в обвинительную речь,— ведь мама столько всего по дому делает...» Но тебя перебивают, не дают говорить. «Это она настроила ребенка против отца!» — восклицает разгневанный папа, обращаясь уже вообще даже и не к тебе, а к какому-то невидимому «высшему суду».

Если семейная жизнь твоих родителей чем-то на это похожа, знай, что оба они, и папа, и мама, на самом деле жить друг без друга не могут. Просто у каждого из них накоплено по целому вагону взаимных обид, с которыми им жаль расставаться. От этого их некогда настоящая любовь друг к другу незаметно стала походить на почти настоящую взаимную ненависть. Ведь обиды, нанесенные любимым человеком, особенно сильно ранят. А ненависть на самом деле совсем не противоположна любви. Противоположность любви — равнодушие.

ЭТА ЗАМАНЧИВАЯ ВЗРОСЛАЯ ИГРА

Если они решили разойтись и папа ушел жить к бабушке (к своей маме) или мама ушла с тобой жить к своим родителям — это далеко не самый худший вариант для тебя. В такой ситуации тебе важно отстоять свое право жить, гостить, проводить время у каждого из родителей тогда, когда и тебе, ему (ей) этого захочется. И здесь ты попадешь в весьма заманчивую ситуацию. Если в папином доме поддакивать папе, когда он упражняется в красноречии на тему «папа хороший — мама плохая», а дома с мамой проделывать то же самое, но наоборот, то поначалу ты будешь прямо как сыр в масле кататься. Но через некоторое время обнаружатся две опасности.

Во-первых, родители еще более люто возненавидят друг друга и начнут каждый отвоевывать тебя, препятствуя твоим визитам «в тот ужасный дом». Во-вторых, при первой же встрече (а они обязательно под каким-нибудь предлогом да и встретятся) ты окажешься в идиотском положении, поскольку каждый из них будет считать тебя своим единомышленником. Скандал может произойти страшный. В результате ты разругаешься и с папой и с мамой. Кто-то из них (скорее всего мама) отвоюет тебя окончательно, и путь во «вражеский лагерь» будет тебе закрыт.

Чтобы не вляпаться в по-

Фотография И. ЯКОВЛЕВА

добную передрягу, следует с самого начала отказаться от соблазнительной на первый взгляд игры, которую условно можно назвать «мама хорошая — папа плохой», или наоборот. Но отказаться от этой игры тебе будет непросто, поскольку после каждого твоего «официального визита туда» противоположная сторона будет под тем или иным предлогом аккуратно расспрашивать тебя о подробностях. И любые — это удивительно! — любые подробности жизни о «враждующем лагере» станут предметом насмешек и презрения. Поэтому, если хочешь отстоять свое право на общение с каждым из своих запутавшихся в собственных обидах родителей, не балуй их подробными отчетами типа «кто про что там говорил и чем меня кормили». Лучше изречь: «Какое это имеет значение? Помоему, папа относится к тебе очень даже неплохо». И все. И ни слова больше. И никаких подробностей. Пусть даже твоя последняя фраза будет не очень соответствовать истине. Зато ты избавишься от перспективы участвовать в этой заманчивой взрослой игре. Сам себя не будешь лишать права общаться с каждым из своих незадачливых «предков».

О ЧЕМ Я НЕ РАССКАЗАЛ

Весьма вероятно, что твои родители распрощались друг с другом совсем не так. Действительно, такой неприятный процесс, как развод, протекает очень даже по-разному. Но ситуации, подобные рассказанной, повторяются во множестве самых разных семей и чаще, чем хотелось бы. Игра в «хорошего папу, плохую маму, и наоборот» — лишь одна из опасностей. Пожалуй, самая противная и обидная из всех. А вот другие, тоже малоприятные ситуации, которые случаются довольно часто. Подумай, стоит ли их обсудить?

— Папа уходит жить куда-то в другую семью, а у мамы появляется новый муж. Все довольны, кроме тебя.

— Отец ушел от вас. Мама страдает. Тебе тоже несладко, а тут как назло ребята, соседи, учителя интересуются, сочувствуют, вопросики задают. Обидно и противно. Как быть?

— Какой-то «доброжелатель» рассказывает тебе «страшную правду» о том, что человек, которого ты называешь отцом, никакой тебе не отец, а отчим. Просто мама вышла замуж второй раз тогда, когда ты был совсем еще маленьким. Что делать?

Напиши, что ты думаешь, что чувствуешь, представляя или, быть может, переживая подобные ситуации. И обещаю — в одной из последующих публикаций мы обсудим твои трудности. Я жду твоего письма.

ТВОЙ ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Сейчас ты сможешь проверить, насколько реально высоки твои готовность к внезапным изменениям в жизни, способность понимать, чувствовать новую обстановку и приспосабливаться к ней.

Вот двадцать пять предложений. Читай их не спеша. Если прочитанное предложение на твой взгляд относится к тебе, помечай его крестиком, если нет — ноликом. Итак: 1. Когда я выполняю какоелибо дело, я быстро устаю. 2. Я с огромным трудом сосредоточиваюсь на чем-нибудь одном. 3. Я имею склонность беспокоиться по всякому поводу. 4. Часто я чувствую себя так погано, что тошнота подступает к горлу. 5. Нередко, когда я делаю что-нибудь ответственное, мои руки прямо-таки трясутся. 6. Вообще я часто волнуюсь. 7. Мне частенько снятся кошмары. 8. Я, честно говоря, потею, даже в холодную погоду. 9. Мне все время хочется тянуть в рот что-нибудь съестное. Я ужасно люблю семечки, леденцы, ириски. 10. Часто бывает, что я чувствую боль в животе. 11. Случается, что я просыпаюсь среди ночи и долго не могу заснуть. 12. Я знаю про себя, что я человек крайне раздражительный. 13. Наверняка я обладаю большей чувствительностью, нежели другие люди. 14. В моей жизни постоянно случается что-то волнующее, поэтому я почти все время о чем-нибудь беспокоюсь. 15. Жаль, конечно, что мне достается не так много счастья, как другим. 16. По правде говоря, я довольно легко могу заплакать. 17. Я терпеть не могу ждать кого-то или чего-то. Тут я всегда начинаю нервничать. 18. Периодами я чувствую, что чересчур суетливо веду себя, просто на месте усидеть не могу. 19. Я терпеть не могу преодолевать трудности. 20. Временами я чувствую полную свою бесполезность и ненужность никому вообще. 21. Я знаю, что отличаюсь довольно большой застенчивостью. 22. Мне все дается с трудом. 23. Большую часть времени я нахожусь в напряжении. 24. Временами у меня бывают состояния полнейшей разбитости и апатии. 25. Трудности следует не преодолевать, а по возможности обходить или избегать их. Это мое глубокое убеждение.

Если в итоге тобою набрано не больше пяти «крестиков», значит, твоя готовность к внезапным неприятностям и резким изменениям в жизни порой настолько высока, что нередко ты недооцениваешь всю серьезность новой для тебя ситуации. Если «крестиков» набралось от пяти до десяти — твоя готовность к внезапным переменам и приспособляемость к ним нормальная. Если получилось от десяти до двадцати «крестиков» — готовность и умение быстро ориентироваться в новых условиях жизни у тебя несколько низковаты. Если «крестиков» больше двадцати — ты имеешь склонность слишком уж сильно переживать, чрезмерно беспокоиться не только из-за чего-то серьезного, но и по пустякам.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

Подросток как развивающаяся личность имеет право на свое понимание ваших отношений, на свою любовь к каждому из вас, даже на свой выбор. Поэтому, открывая ребенку мир своих эмоций, не навязывайте ему свое отношение к происходящему. Этим вы оттолкнете его от себя, поскольку его личные взгляды, оценки, желания так или иначе дадут о себе знать и далеко не обязательно будут совпадать с вашими.

Герман Игоревич МАРАСАНОВ, психолог

МАЛАЯ АНТОЛОГИЯ ГИПОТЕЗ

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ?

Оркестр заказан. Когда же встреча? Где искать письма «оттуда»? Осторожно, пятое измерение...

Тарелка... Еще каких-нибудь сорок — пятьдесят лет назад слово это не вызывало у людей никаких романтических ассоциаций. Из тарелок ели. И все. Но вот однажды (случилось это в 1947 году) американский летчик Кеннет Арнольд, управляя своим небольшим туристским самолетом, повстречался в небе с необычным объектом... В докладе, составленном для командования ВВС, он впервые употребил выражение «Flying saucer». С того дня «летающие тарелки» стали для нас явлением чуть ли не обыденным. Не проходит и месяца, чтобы где-нибудь на Земле не был замечен НЛО.

Инопланетяне? Но где же торжественные встречи, цветы, речи, оркестры? Если они наконец прилетели?.. Знать бы наверняка!

По некоторым предположениям прилетали к нам гости «оттуда» и раньше. Древние рукописи, средневековые летописи, хроники недавних веков зафиксировали немало событий, которые можно воспринимать как контакты с НЛО. Представьте себе, на средневековой фреске четко, во всех деталях воспроизведен первый искусственный спутник Земли! Даже диаметр его — 58 сантиметров — в точности совпадает с оригиналом. На древнеяпонском панно изображена двухступенчатая ракета. На Чукотке найдены «крылатые предметы», которым не менее двух с половиной тысячелетий. Специалисты в области авиации считают, что это модель совершенного летательного аппарата с вибрационным взмахом крыла... А «космодром» в пустыне Наска в Перу? А Стоунхендж! А египетские пирамиды!

Но для чего, скажите, людям, жившим более тысячи лет назад, нужно было затрачивать столько энергии на «выцарапывание» в каменистом грунте фигур, рассмотреть которые тогда могли только птицы? Это же был адский труд...

Много можно прочитать на эти темы. Вот, например, очень занятная гипотеза физика Романова из Омска. Он считает, что инопланетяне прилетали к нам и, не найдя общего языка с первобытным человечеством, решили оставить на Земле письмецо в капсуле. «Эта капсула должна быть рассчитана на то,— пишет Романов,— что наша цивилизация по истечении тысяче-

летий после посещения инопланетянами Земли достигнет высокого уровня развития, который необходим для того, чтобы расшифровать заключенную в ней информацию...» Физик делит древние сооружения на три категории: указательные знаки, тела отсчета и хранилища. Он считает, что капсулы надо искать в земле на глубине 78 метров под Пяточным камнем английского Стоунхенджа, на той же глубине в точке пересечения диагональных линий пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина и в некоторых других местах. Ну просто бери лопату — и за работу!

А тарелки все летают. И отмахнуться от них, как это пытались делать раньше, уже не удается. Недавно образована первая в Советском Союзе государственная организация по изучению НЛО — Всесоюзный межотраслевой уфологический научно-координационный центр при Академии наук СССР. Руководитель центра В. А. Ажажа, кажется, в инопланетян не верит... Вот что он говорит: «Проблему НЛО многие представляют себе довольно примитивно — вот прилетели инопланетяне на фаэтоне типа нашей ракеты и улетели обратно. Это не совсем так. Во-первых, не доказано, что они инопланетяне. А частота их встречаемости говорит о том, что они живут с нами вместе, сосуществуют на одной с нами планете. В последнее время лавинообразно стали накапливаться материалы, подтверждающие гипотезу невидимых полевых форм жизни — «мыслящий эфир», о котором говорили еще древние греки».

Астрофизик Жак Валле тоже против инопланетян: «Мне кажется,— заявил он,— что этот феномен связан с пятым измерением нашей Вселенной».

А это не опасно? — спросите вы. Представьте себе, опасно. Вот вам несколько советов нашего главного уфолога Ажажи: «Субстанция, о которой идет речь, далеко не изучена. Она требует осторожного обращения. Во-первых, это энергия. Были случаи травматизма. Поэтому, если кто-то увидит НЛО, пусть не спешит туда, лучше переждать. Необходимо поставить в известность власти, милиция должна оцепить место (если имела место посадка), пригласить представителей гражданской обороны, ученых, с тем чтобы измерить его на вредоносные излучения, провести химический анализ. Ни в коем случае нельзя допускать туда детей с их чуткой восприимчивостью. Ну, а если из НЛО появится человекоподобное существо, то надо, если нет возможности укрыться, вести себя достойно...»

Напишите нам, если «повезет» с такой встречей.

Жду сообщений.

Ваш МАГ

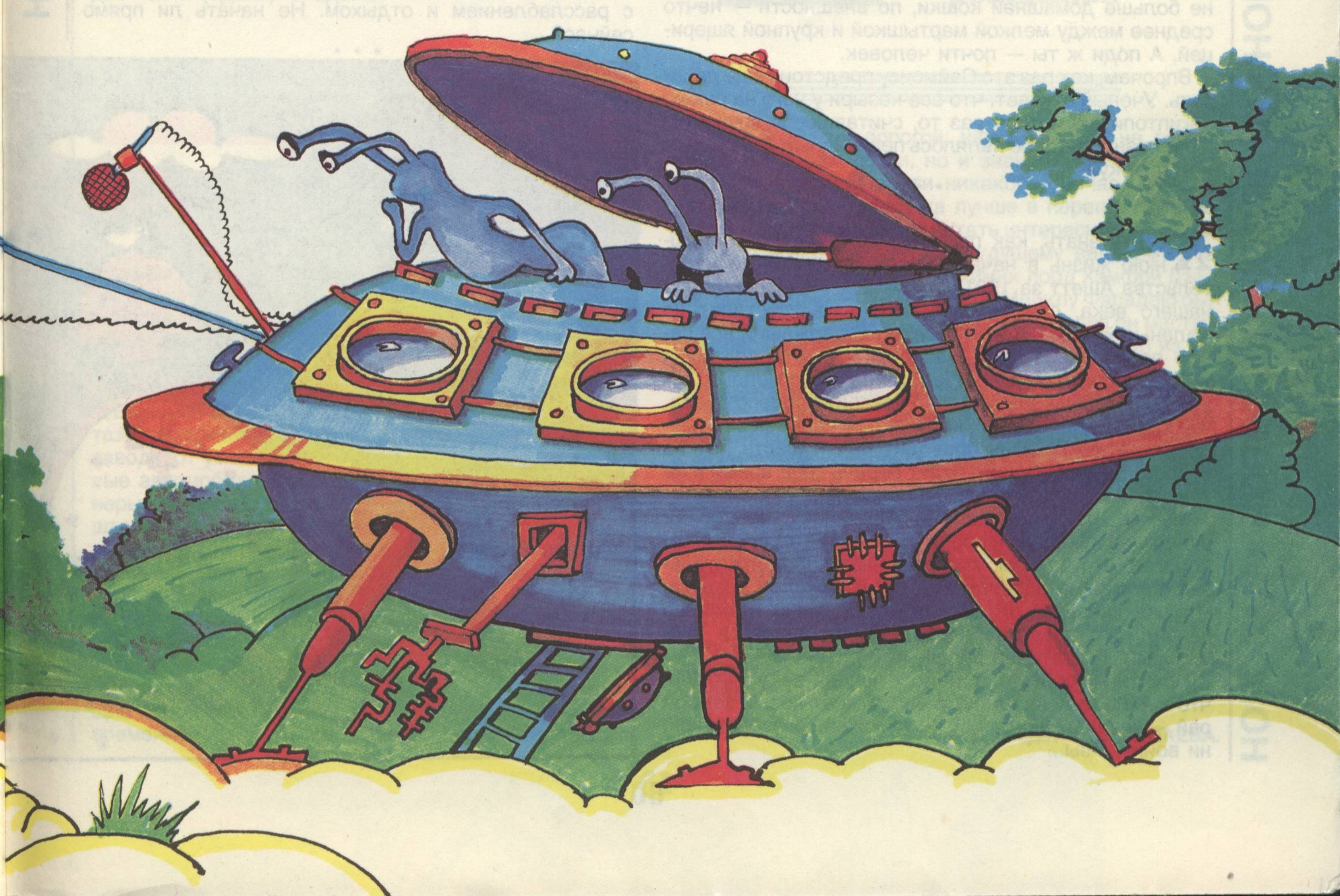
Версия поэта

Вадим ШЕФНЕР

Мы живем на крыше Земли,
Мы живем на зеленом куполе.
Далеко мы вглубь не ушли,
Только сверху Землю ощупали.

Из вулканов едкой золой
Обдает нас ее котельная;
Весь наш древний культурный слой —
Для нее лишь белье нательное.

А быть может, горы и лес,
Города и наше величество —
Упаковка иных чудес,
Оболочка тайны космической.

Сколько лет человеку разумному? Пять лет назад в Восточной Анатолии был обнаружен самый старший из гомосапиенс. Турецкие специалисты утверждают, что ему не меньше семи миллионов лет.

Но прошло совсем немного времени, и «тюркопитек», кажется, перестал быть старейшим... Американский археолог Альвин Саймонс, ведущий раскопки в египетском оазисе Эль-Файюм, обнаружил останки примата, датирующиеся 40 миллионами лет!

По описанию Саймонса наш дальний родственник являл собой зрелище довольно жалкое: по размеру — не больше домашней кошки, по внешности — нечто среднее между мелкой мартышкой и крупной ящерицей. А поди ж ты — почти человек.

Впрочем, как раз это Саймонсу предстоит еще доказать. Ученый считает, что все козыри у него на руках: «египтопитек» — как раз то, считавшееся исчезнувшим, звено, которое являлось переходным от примата к человеку.

* * *

Хотите знать, как представляли нашу сегодняшнюю жизнь в начале века? В Альманахе издательства Ашетт за 1901 год читаем: «Человек конца нашего века, сев за стол пообедать, достанет из маленькой коробки некий кубик, содержащий все самое полезное из яйца, несколько «пастилок» мяса и «компактную массу», представляющую молоко. Такой прием пищи значительно ускорит процесс обеда, что крайне необходимо, ибо каждый человек за семидесятилетнюю жизнь проводит почти шесть лет за столом. Люди будущего будут беречь свое время и не тратить его на бесполезные занятия».

Многие, по свидетельству Альманаха, не верили в будущее авиации, «справедливо» (по тем временам) полагая, что невозможно совершать продолжительные полеты на аппарате, который тяжелее воздуха. Что же касается автомобиля, то ученый Клемансо заявил: это средство передвижения является «неудобным, достаточно смешным и опасным».

Практически все футурологи начала века считали, что к 2000 году на планете «возникнет новый земной рай — не будет ни границ, ни таможен, ни забастовок, ни войн». Увы...

Самую глубокую в мире скважину пробурили в нашей стране, на севере Кольского полуострова. Ее глубина 12 261 метр. Трудно переоценить значение этой работы для мировой науки о Земле. Данные, которые получены в ходе небывалого эксперимента, опровергли многие прежние представления о строении земной коры, процессах рудообразования и другие научные гипотезы.

Конечно, по результатам проходки одной скважины нельзя сделать исчерпывающие выводы о строении земных недр. В Советском Союзе разработана долгосрочная программа изучения строения земной коры. Уже ведется проходка сверхглубоких скважин на территории Азербайджана, на Урале, в Тюменской области и других местах. Глубину Кольской скважины предполагается довести до 15 000 метров.

* * *

Отчего некоторые виды крокодилов и черепах живут до 250 лет, а воробей — не более четырех? Единицей измерения в «биологических часах» любого живого организма является расход энергии, считает зоолог из Франкфурта-на-Майне Роланд Принцингер. У тех представителей животного мира, которые в процессе эволюции научились расходовать ее экономно, внутренние «часы» идут медленнее. У тех же, кто «разбазаривает» энергию, жизнь короче.

А можно ли удлинить свою жизнь?

Человек мечтал об этом веками. В числе других советов — надо перейти на программу экономного расходования энергии. Для этого надо избегать стрессов, соблюдать режим дня, рационально питаться и чередовать умственное и физическое напряжение с расслаблением и отдыхом. Не начать ли прямо сейчас?

* * *

ГИМНАСТИКА ДЛЯ ИЗВИЛИН

Вставьте в скобки такие слова из трех букв, чтобы они стали окончанием одного слова и началом другого. Например: ку (пол) оса — купол, полоса.

ку (...) от	ку (...) ёт
ку (...) ол	ку (...) аж
ку (...) ал	ку (...) ль
ку (...) оед	ку (...) мус

КАКИЕ БУКВЫ НАДО ВПИСАТЬ В ПУСТЫЕ СЕКТОРЫ?

Август Фердинанд Мебиус — немецкий геометр, профессор Лейпцигского университета первой половины прошлого века. До него считалось, что любая поверхность (например, лист бумаги) имеет две стороны. Мебиус сделал поразительное открытие — получил поверхность, которая имеет лишь одну сторону... В это трудно поверить, но это факт.

Возьмите полоску бумаги, разверните ее по продольной оси на пол-оборота и склейте концы. Поищите вторую сторону у получившейся поверхности. Ну как? А теперь попробуйте угадать, какая фигура получится, если разрезать получившуюся поверхность на две части (вдоль). Угадали?

АВТОСАЛОН

Вы любите рисовать автомобили? Придумывать — и рисовать. С острым носом, с тупым носом, с пятью колесами, с десятью фарами, с цветущей верандой наверху... А знаете ли вы, что есть такая профессия — рисовать автомобили? Автомобильный дизайнер называется.

Ну, вы, наверное, сразу все захотите стать дизайнерами... Но стоп! Не так, к сожалению, все просто. Можно нарисовать даже очень красивый автомобиль, а делать его на заводе откажутся.

Внешний вид автомобиля зависит не только от фантазии художника, но и от материалов, которые есть на заводе, от умения эти материалы обрабатывать. Первые автомобили, например, делали из дерева и фанеры. И формы были угловатые. Но вот научились штамповать детали из тонких листов металла. И автомобиль сразу преобразился. Его формы стали обтекаемыми. Это, кстати, совпало и с требованием времени — повысить скорость движения.

В семидесятых годах в мире возник нефтяной кризис. Стали популярными маленькие экономичные автомобили.

Появились надежные и недорогие узлы, позволяющие передавать вращение переднему колесу и одновременно управлять им,— начался массовый выпуск переднеприводных машин. Такая конструкция позволяла создать клиновидный силуэт...

Одна из последних технологических новинок — кузов в виде ажурного и прочного металлического каркаса, на который навешиваются крупные пластмассовые детали — дверцы, капот, багажник и тому подобное. Такая машина разрабатывается на АЗЛК.

Будете рисовать — пофантазируйте на эту тему.

А вот вам еще два повода помечтать. Немецкие конструкторы создали новый тип аккумулятора — натриево-никелевый. До сих пор широкому внедрению экологически чистых и бесшумных электромобилей мешало отсутствие достаточно легких, надежных и экономичных источников энергии. Новый аккумулятор подает большие надежды.

А вот в Японии к 2001 году надеются создать «умный» автомобиль. «Мозгом» его будут многочисленные электронные устройства и высокочувствительные сенсоры. Автомобиль будет самостоятельно объезжать препятствия, останавливаться перед светофором и даже будить водителя, если тот неожиданно заснул за рулем. Если же по какой-либо причине избежать столкновения не удастся, машина изменит угол удара, сведя к минимуму его последствия.

ИМЕНИННИКИ

ФАРАДЕЙ
200 лет со дня рождения.

— Вот что, дорогой, наука требует не только преданности, но и знаний. Вам уже много лет, а подготовки почти никакой. Сейчас начинать поздно. Возвращайтесь-ка лучше в переплетную мастерскую и продолжайте читать интересные книжки...

Такую вот отповедь дал будущему великому ученому его кумир знаменитый химик лорд Хэмфри Дэви. Все было верно — сыну кузнеца Майклу Фарадею был уже двадцать один год. Семь лет обучался он мастерству переплетчика и все свои знания получил из тех самых книг, которые переплетал...

И все-таки Фарадей упросил сэра Хэмфри взять его в лабораторию. Надо сказать, сэр нисколько не прогадал. Он обрел верного друга, толкового помощника и даже преданного слугу... Майклу порой приходилось подавать обед и чистить платья своего патрона. Чего не сделаешь из любви к науке?

«Чем больше у меня дела, тем больше я учусь» — это строка из письма Фарадея другу. Через двенадцать лет бывший переплетчик был избран членом Лондонского королевского общества.

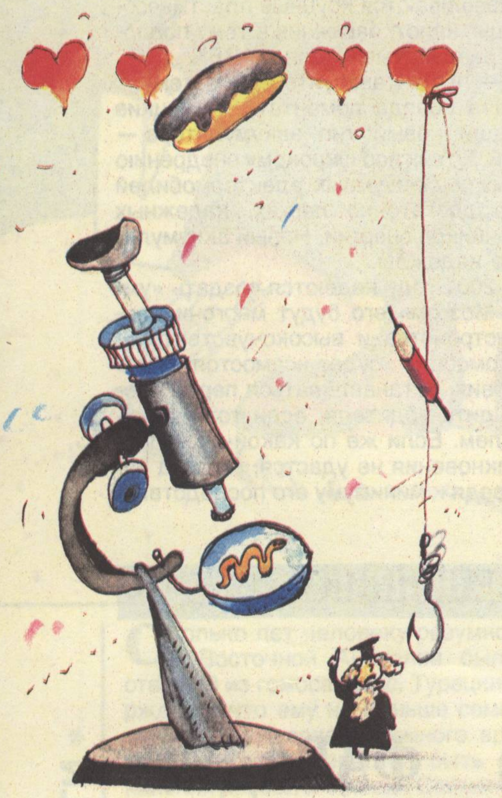
Это он, Майкл Фарадей, раскрыв тайну электромагнитной индукции, подарил жизнь генераторам и динамомашинам. Между прочим, за свою жизнь ученый проделал и описал 16 041 опыт.

Раздел ведет Б. ЕРМОЛАЕВА.

САТИРИКОНЧИК

РОГАЛИКИ

СЕРГЕЙ ВЛАСОВ

СБЫВШАЯСЯ МЕЧТА

Давно собирался поговорить о любви с одноклассницей Светой Кошкиной Федя Р., но все не решался. Наконец, в прошлую пятницу он отозвал Светлану в сторону и тихо спросил:

— Слушай, Кошкина, ты крем-брюле любишь?

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ЮНОГО НАТУРАЛИСТА

После многолетних кропотливых наблюдений шестиклассник Андрей Массин пришел к выводу: дождевые черви ходят на рыбалку всего один раз в жизни.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Потерял дневник. Нашедшего прошу ни в коем случае не возвращать за солидное вознаграждение. В. СИДОРОВ

ХОЗРАСЧЕТ

— Есть мнение: дети не должны отставать от взрослых,— сказала председатель совета отряда Лена Пухина.— Нам, ребята, выпала большая честь: первыми в школе ввести в нашем классе хозрасчет.

— Чего ввести? — чуя подвох, спросил второгодник Степа Копытин.

— Хозрасчет,— пояснила Пухина,— это: получил двойку — плати рубль!

— Кому? — уточнил Степа.

— Отличникам,— бодро пояснила Лена.— Вот ты, Копытин, получаешь двойку, сдаешь рубль, а мы отдаем его Мошкину. Получается хозрасчет.

Копытин внимательно посмотрел на Мошкина — маленького веснушчатого очкарика.

— Голосовать не будем,— завершила собрание Лена.— Ясно, что все, кроме Копытина, «за»!

Через две недели председатель совета отряда объявила новый сбор.

— Ребята! — сказала Пухина.— От гордости нашего класса, отличника Сени Мошкина, поступило предложение: хозрасчет отменить. Есть мнение, что мы для него еще не созрели.

На задней парте, рассматривая свои кулаки, скучал Степа Копытин.

— Правда, Сеня? — спросила Лена Пухина.

И Мошкин, оторвав руку от здоровенного фингала, торопливо закивал рыжей головой.

Скоро...

Стану я скоро циркач знаменитый —
Там, где взлетали легко акробаты,
Там, где под куполом, светом облитый,
Канатоходец ходил по канату,

Где силачи, поднатужась, держали
Мачты-шесты на плечах оголенных,
Кони в плюмажах по кругу бежали,
Тигры сидели у них на попонах,

Клоун от дяденьки бегал вприпрыжку,
Фокусник взглядом распиливал ящик!..
Я третий день дрессирую братишку —
Он уже лает, как настоящий!

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

Перемена

Вождь апачей жаждет мести.
Вой койотов. Шорох трав.
У меня в руке винчестер,
У Колюни — томагавк.

В час зловещий полнолунья.
Гнется прерия в дугу.
Улюлюкает Колюня,
Я стреляю на скаку.

Виннету и Сокол храбрый
Вышли на тропу войны!
То-то нянечка со шваброй
Побелела у стены.

И физрук Виталий Палыч
Уползает, словно краб...
Если нас поймает завуч,
У обоих снимет скальп.

Стихи и рассказ сочинил Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

Владимир АНИЩЕНКОВ

Жгель-Гжель
БЕЛЫЕ ГЛИНЫ

Фотография
А. КРУПНИКОВА

КВАСНИК
XVIII век. Майолика.

Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего.

Переимчивость его известна.

Александр ПУШКИН

Шесть тысяч лет хранит земля гжельская творения человеческих рук. Найдены здесь гончарные сосуды с тисненым орнаментом времен тех дальне-давних. Первым письменным свидетельством о великокняжеской вотчине Гжели стала духовная грамота Ивана Калиты одна тысяча триста тридцать девятого года от Рождества Христова.

О белой глине здешней писал Михайло Ломоносов: «Едва ли есть земля самая чистая и без примешения где на свете, кою химики девственницей называют, какова у нас гжельская..., которой нигде не видел я белизною превосходнее». Из нее же вывел Дмитрий Виноградов самый первый в России фарфор.

По глинам этим необычайным «пришла» и судьба не рядовая.

Ураганом выжгло смутное время польско-литовского нашествия московские угодья. Современники писали о гжельской волости: «А ныне все пусто». Разорение. Но в который раз поднялась земля из небытия. Вдоль больших дорог да по речным берегам поднялись селения новые. В иной деревне рабочий люд все плотники, в иной — красильщики, в иной — горшечники.

В столице для «алхимических дел царской аптеки» потребовалась глина. И повелел царь Алексей Михайлович: «...во гжельской волости для аптекарских и алхимических сосудов приискать глины». Глины нужные были найдены и в аптекарский Приказ стали поставляться исправно. А сто лет спустя, согласно «скаске» Мануфактур-Коллегии, крестьяне гжельские

уже сами изготовляли «глиняную посуду разных сортов: тарелки цветные, чайники, чайные чашки с блюдцами, уксусники...». Настоящее промышленное производство открыли. Это крестьяне-то, пахари, от сохи оторвавшись. А сколь смышлен и расторопен оказался в этом деле гжельский мужик, история летописует вот что.

Московский купчина Афанасий Гребенщиков завел мануфактуру майоликовую, и тож на гжельских глинах, и на работу нанял тех же гжельцев. А как гжельцы были государевы крестьяне и крепостной зависимости никогда не знали, то, отработав найм, домой возвращались и приносили с собой секрет нового дела. Стали и они майоликой промышлять. Да столь умело, что вскорости купец-фабрикант не выдержал соперничества с крестьянами. О чем сам и свидетельствовал. «А ныне наделанной посуды остается за нерасходом немалое число, ибо и во Гжеле на подобие такой же посуды множество, и продается в Москве близ Покровского собора (что на Красной площади.— В. А.) под горою в лавках».

Работали гжельцы «красненький» товар из красной глины: посуду самую разнообразную, презабавные игрушки. Поливали белой эмалью и по сырой еще эмали многокрасочно расписывали. Художество это требовало руки верной, глаза чувствительного, ибо, как и в фресках, править ничего нельзя. Разрисовывали посуду травными узорами да цветочными со птицами причудливыми. В особенности хороши были древней формы сосуды: кувшины-кумганы, похожие на птиц, с округлым плоским туловом на лапках-подставках, с выгнутой шеей-носиком и ручкой-хвостом; и квасники, подобные кумганам, но с туловом, как колесо. А на плечах кумгановых и квасниковых уютно «расселись» лепные человечки: крестьяне, бравые солдаты и дамы в модных платьях. И квасников таких нигде больше не делали.

Снабжали гжельцы майоликой своей крестьян и горожан, а то и к царскому двору посуду поставляли «на фасон заморской, самонаилутчей доброты».

Со временем, однако, майолику стал вытеснять фаянс английский. Да не таков был мужик гжельский, чтобы уступить. Который побойчей, так тот на фабриках секрет фаянса выведал. А кто и своим умишком пробовал дойти. Но создали-таки свой собственный фаянс из белых местных глин. Да что фаянс. Вон Павел Куликов из Володина фарфор домашнего изготовления «испек».

С полсотни заводов больших и малых основалось тогда в гжельских землях. Крестьянских заводов с мудреной, сложной технологией. Из них вышли крупнейшие российские промышленники Кузнецовы. И там, где заводили Кузнецовы новые производства, основателями новых династий были гжельцы. Не зря зовется Гжель — керамики русской колыбель. Каждый заводчик старался делать на свой особенный манер, с выдумкой и всякими хитростями. Масленки-наседки в виде курочек, хитроумные чернильницы, кружки в виде головы, лампадки и подсвечники, солонки, игрушки детские и взрослые, вазы и кувшины и еще много чего интересного. В те поры привилась привычная для нас сине-белая цветочная роспись и прекрасный цветок, по-гжельски — агашка. Агашка-цветок и улыбался, и печалился вместе с художником, радости и беды с ним переживал.

А бед еще выпало много-много. Ко времени Великой Отечественной промысел угас. Казалось, насовсем.

Который год пылала Родина в огне. В смертельной схватке сошлись Россия и Германия. И армия, и тыл, и каждый человек — на грани немыслимого напряжения. Вот в это время над умирающею Гжелью склонилися с любовью, будто бы над матерью родною, лекари — ученый Александр Салтыков и художница Наталья Бессарабова. И ожила Гжель. Да не слепой старухой, а синеокой белолицей красавицей. Среди развалин, голода и смерти — возрождение!

Теперь мы привыкли ко Гжели. Во многих домах красуется, да не только в наших пределах, но по всему белому свету.

Мастера и мастерицы сидят за столом и расписывают. Таинство совершают — рождение узора. Великое таинство творчества. Когда расцветет во гжельских сказочных травах прекрасный цветок, то запоет душа. И затянет художник родное: «Вниз по матушке по Волге...» Остальные подхватят. И родится песня. И явится узор — песня в красках.

Кисть легка, коли душа ею водит.

ЧИТАЙ В ИЮНЕ

Маленькую повесть Льва Кузьмина «Пусть живет»; документальное повествование Е. Велтистова о хирурге Г. Илизарове; очередные выпуски рубрик «Закон есть закон», НЛО, «Клип-клуб».

Сдано в набор 04.03.91.
Подписано к печати 19.03.91.
Формат 60 × 84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 889 000 экз. Заказ № 263.
Цена 70 коп.

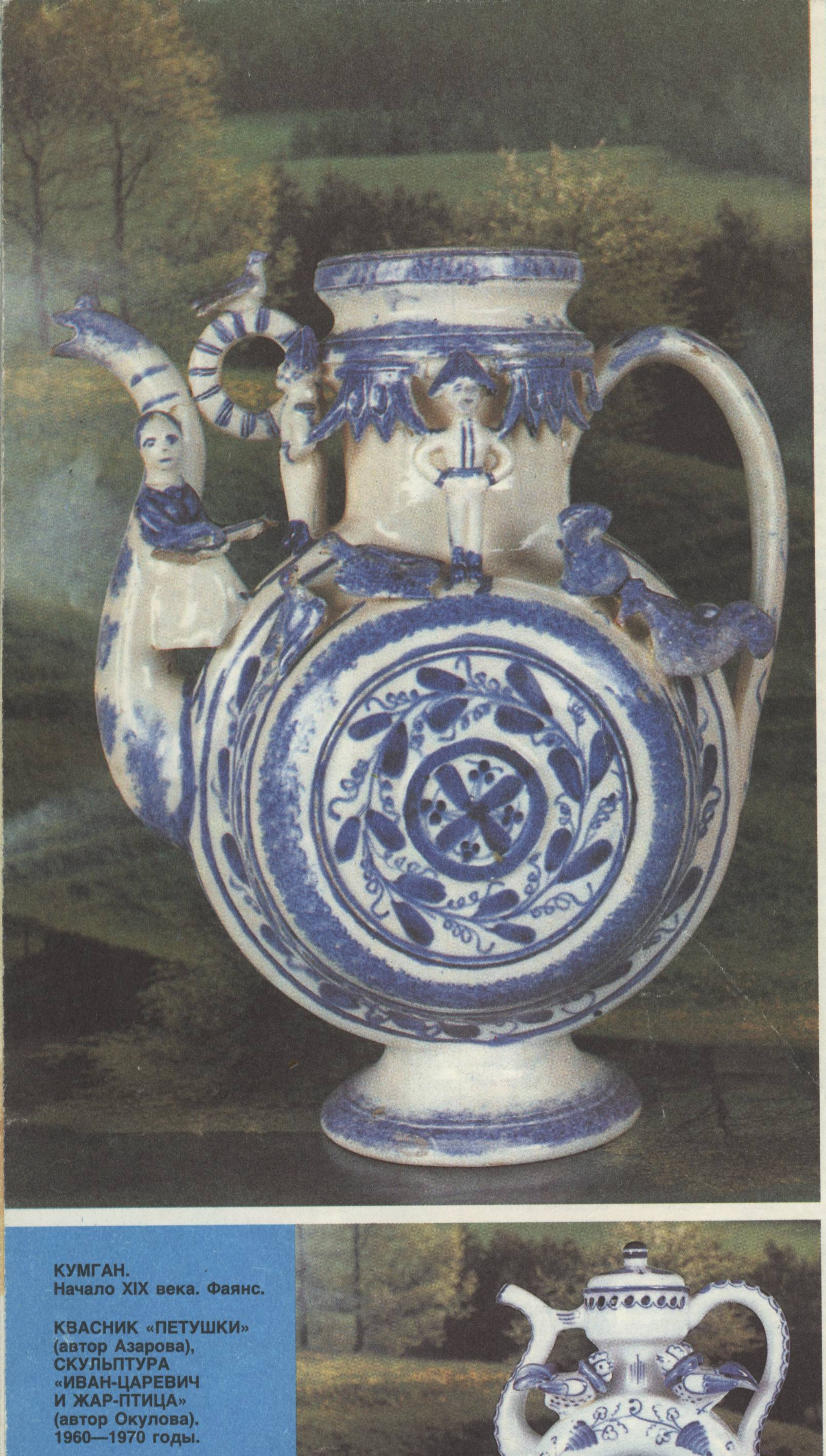
✉

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**

☎

Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Дорогие ребята
Приглашаем вас
посетить выставку
«РУССКОЕ
НАРОДНОЕ
ИСКУССТВО.
Конец XIX — начало XX веков».

Выставка открыта
ежедневно,
кроме понедельника,
в
МУЗЕЕ
НАРОДНОГО
ИСКУССТВА
(Москва, ул. Станиславского, 7):
по вторникам и четвергам —
с 12.00 до 19.30;
по средам, пятницам,
субботам и воскресеньям —
с 11.00 до 17.30.
Справки по телефону:
291-87-18.

ЖГЕЛЬ-ГЖЕЛЬ БЕЛЫЕ ГЛИНЫ

КУМГАН.
Начало XIX века. Фаянс.

КВАСНИК «ПЕТУШКИ»
(автор Азарова),
СКУЛЬПТУРА
«ИВАН-ЦАРЕВИЧ
И ЖАР-ПТИЦА»
(автор Окулова).
1960—1970 годы.

КРУЖКА «ВАКХ»,
МАСЛЕНКА «КУРИЦА».
XIX век. Фарфор.

Индекс 70694.